А. Шкляр ский

Таинственное путешествие Томека

Издательство «Śląsk»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Альфред Шклярский принадлежит к числу популярнейших польских, писателей, пишущих для молодежи. Польскому читателю особенно полюбился, цикл приключенческих романов Шклярского. Цикл объединен образами главных героев, путешествующих по разным экзотическим странам земного шара. Несмотря на общность героев, каждый роман представляет из себя отдельную книгу, содержание которой определено путешествиями и приключениями Томека Вильмовского, юного героя романов, и его взрослых товарищей.

Кроме достоинств, присущих вообще книгам приключенческого характера, романы Шклярского отличаются большими ценностями воспитательного и познавательного порядка. Фабула романов построена с учетом новейших научных достижений педагогики. Романы учат молодых читателей самостоятельности, воспитывают у них твердость характера и благородство.

Первое и второе издания серии приключений Томека Вильмовского разошлись очень быстро и пользуются большим успехом у молодых советских читателей, доказательством чему служат письма полученные издательством со всех концов Советского Союза. Мы надеемся, что и третье издание будет встречено с такой же симпатией, поэтому с удовольствием отдаем эту серию в руки молодых друзей.

- Альфред Шклярский
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV
  - XVI

- XVII
- XVIII
- XIX
- XX
- XXI
- XXII

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37

- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

Альфред Шклярский
Таинственное путешествие Томека

I
В тайге

Над широкими просторами русской части Дальнего Востока светало. На небосклоне медленно гасли звезды, и в сером полумраке клубился предрассветный туман. Вот лучи восходящего солнца коснулись округлых горных вершин, пробежали по склонам, поросшим лесом, и на всем пространстве тайги настал новый день.

Мягкий туман, обволакивавший девственную пущу, постепенно рассеивался, и перед взором наблюдателя открывались удивительные подробности пейзажа. Растительность, присущая северной тайге, соседствовала здесь с породами смешанных лесов Китая и Индии. По стволам аянских елей вились ветви дикого винограда; рядом с белыми березами и сибирскими кедрами росли бархатные деревья, маньчжурский орех и кусты карликовой дальневосточной пальмы, арали. Повсюду вокруг в небо вздымались вершины столетних кедров, золотисто-зеленой даурской лиственницы, белокорых пихт, среди которых пробивалась светлая зелень амурских лип, вязов, грабов, дубов и кленов.

Солнечные лучи все глубже и глубже проникали во влажную чащобу Приамурской тайги, где протоптанные оленями стежки скрещиваются с тропами тигров, а в жаркую летнюю пору скромные якутские мотыльки уступают свое место крупным тропическим бабочкам.

Здесь, на рассвете, тигры возвращаются к своим лежбищам с ночной охоты; в это время тайга замирает и только птицы, сидя высоко над землей в своих гнездах, отваживаются резкими криками заявить о своем присутствии. Однако этим утром даже птицы при малейшем шелесте срывались с мест, а дикие животные тайком пробирались сквозь чащу, потому что извечные устои тайги нарушил их самый коварный враг - человек. В самом сердце тайги, вблизи южной оконечности Буреинского хребта[1] появилась группа следопытов и звероловов, раскинувших здесь свой лагерь.

Когда солнечные лучи разогнали туман, стлавшийся по лесным полянам, на одной из них показались силуэты нескольких палаток, окруженных полукругом телег. Под телегами спали привязанные к колесам лохматые псы. Внутри полукруга телег стоял ряд клеток с дверками из железных прутьев. Вблизи лагеря паслись стреноженные лошади.

Из палатки вышел низкий, широкоплечий мужчина, одетый в штаны и куртку, сшитые из оленьей шкуры. Он внимательно окинул взглядом поляну, повернув к солнцу свое смуглое лицо с раскосыми глазами, маленьким носом и выдающимися скулами. Он был искренне рад, что туман исчез. Посмотрел вверх. Хмурое небо, а таким оно было уже две недели, наконец распогодилось и голубело в лучах восходящего солнца. Тихий, почти безветренный рассвет свидетельствовал о том, что пора летних муссонных дождей[2] прошла. Лицо мужчины озарилось улыбкой. Ведь он был проводник и следопыт - участник экспедиции, организованной белыми звероловами, приехавшими сюда из далекой страны. Проводник уже давно ждал подходящего дня, чтобы закончить охоту на тигров. После этого экспедиция должна была перейти в район, расположенный к западу от Буреинского хребта, чтобы очутиться вне сферы муссонных дождей, которые задерживались на восточных склонах гор.

Мужчина вернулся в палатку, потом снова вышел на поляну, держа в руках старую берданку. Теперь у него на ногах были мягкие унты из оленьей шкуры и он, бесшумно ступая, направился в чащу леса. Как раз в этот момент из соседней палатки выглянул молодой человек довольно высокого роста. Это был зверолов, Томек Вильмовский, который с отцом и несколькими друзьями охотился в Приамурской тайге. Увидев уходящего проводника, он, несмотря на то, что был еще полуодет, побежал вслед за ним.

- Нучи[3], куда ты собрался так рано? Если ты идешь искать обнаруженных вчера тигров, то я с удовольствием пойду с тобой, - по-русски крикнул он, догоняя следопыта, представителя местного племени нанайцев[4].

Нучи остановился, повернулся к юноше и на ломаном русском языке, перемежая его словами родного языка, ответил:

- Моя проверит, есть ли амба[5] и вернется за вами.

- Ты же знаешь, что я умею незаметно подкрасться к зверю. Я не вспугну тигров, возьми меня с собой, - просил Томек.

Нучи поднял голову, чтобы заглянуть в глаза юноши.

- Твоя такой же хороший охотник, как старый гольд, но амбы живут далеко за сопкой, шибко далеко! Твоя устанет ходить, а потом не может скоро ловить, - ответил он.

- Ну да, ты, пожалуй, прав, Нучи, но я при случае подстрелил бы что-нибудь для наших тигров. Остатки кабана я разделю между ними теперь. Их надо хорошо накормить, а то они будут шуметь целый день. Ты же сам говорил, что это мешает охоте, - искушал Томек охотника, так как очень хотел отправиться в тайгу со знаменитым местным звероловом.

- Теперь наша не может стрелять, - твердо ответил Нучи. - Мы должны поймать амбы, а потом охотиться. Пусть твоя накормит амбы в клетках, а то голодные они злые и громко кричат своим братьям в тайге. Тогда совсем нет охоты.

- Хорошо, Нучи, я займусь тиграми.

Нанаец подмигнул опечаленному юноше, забросил ружье за спину и быстро исчез в лесной чаще. С нескрываемой завистью Томек смотрел ему вслед, хотя в глубине души признавал правоту местного охотника. Здесь, в Приамурской тайге, ловля живых тигров осуществлялась по старому охотничьему способу, то есть без участия многочисленной облавы, которая помогла бы окружить животных. Погоня за тиграми небольшой группы охотников с собаками была чрезвычайно изнурительна, в особенности на склонах сопок. Правда, в течение нескольких недель охоты они сумели поймать трех молодых хищников, но сильно при этом устали. Дождливое лето им не благоприятствовало. Размокшая от дождей земля затрудняла и без того тяжелую охоту. Поэтому опытный Нучи советовал отложить ловлю тигров до близкой осени - лучшей поры года в этом районе. Он объяснял, что после муссонных дождей быстро устанавливается солнечная и теплая погода, длящаяся до конца сентября и даже до начала октября. В конце осени, когда подсыхает и подмерзает земля, легче путешествовать на телегах. К сожалению, белые охотники не хотели воспользоваться хорошим советом. Они обосновались во влажной тайге и кружили по ней, словно духи.

Нучи исчез в чаще леса; Томек медленно вернулся в палатку. Стараясь не разбудить друзей, он взял одежду, полотенце, мыло и направился к протекавшему вблизи ручью. Вскоре, одетый и умытый, юноша присел на поваленный бурей ствол дерева. Некоторое время прислушивался, подозрительно поглядывая вокруг. В лагере царила полная тишина. Все отдыхали перед новой охотой, которую обещал им Нучи.

Томек осторожно достал из поясного кармана листок бумаги. Разгладил его на колене. Это было письмо от его двоюродной сестры Ирены Карской, в семье которой он долгое время жил в Варшаве, после смерти матери и побега отца за границу.

Томек начал читать письмо:

"Варшава, 10 мая 1907 г.

Дорогой братец!

Я почти целый год не отвечала тебе на письмо, которого мы с таким нетерпением ждали. Из-за строгостей цензуры я не все могла тебе написать о

трагических событиях, происшедших в нашей семье. Только теперь я могу послать тебе ответ не по почте, а с оказией. Один из друзей папы уезжает за границу по торговым делам и обещал выслать мое письмо из Германии.

Дорогой Томек, прежде всего я должна объяснить Тебе причину всех этих предосторожностей. Дело в том, что Збышек арестован и сослан в Сибирь[6]. Ты, конечно, лучше других поймешь, каким это было ударом для всех нас, в особенности для мамы. Ты же помнишь - она всегда боялась всякого рода политических заговоров! Когда ты уехал со Смугой к своему папе, она, бедняжка, думала, что все заботы уже окончились. Во время революции в России и в Царстве Польском[7] она радовалась, что ты живешь в безопасности, далеко от нас! Она говорила тогда, что в твоей крови бушует революционный дух твоего отца и во время беспорядков ты не усидел бы спокойно на месте. А мой папа ей только поддакивал. Он постоянно называет Тебя польским патриотом. Конечно - Збышек, Витек и я стремились Тебе подражать. Тем более, что представилось множество случаев. Студенты, а потом - следуя их примеру - гимназисты, начали школьные забастовки, требуя обучения на польском языке.

Збышек с группой друзей устроили в своей школе забастовку. Испугавшись бунта, директор вызвал жандармов. Они арестовали многих учеников и среди них Збышека. Стремясь защитить друзей от преследований, Збышек всю вину за организацию забастовки взял на себя. Его даже не судили. Просто в административном порядке выслали в Сибирь. Мы получили от него одно-единственное письмо из Нерчинска, куда его сослали. Говорят, будто он поступил работать к купцу Нашкину, торгующему мехами, но из письма чувствуется, что он чрезвычайно тоскует по дому и родине. Бедный мальчик! Ему наверняка требуется помощь. Кто знает, увидим ли мы его еще когда-нибудь...

Около нашего дома постоянно кружат сыщики, расспрашивают дворника, следят за нами..."

Томек не успел дочитать письмо до конца, но в этом и не было нужды, так как он знал в нем каждое слово. Он тщательно сложил письмо и всунул в кармашек у пояса. Сосредоточенно стал думать о необыкновенных событиях, которые привели его в

сибирскую тайгу.

Письмо Ирки, вместе с корреспонденцией из Лондона, он получил в Алваре[8], после возвращения из неудачной экспедиции в Тибет. Всю корреспонденцию выслала ему в Алвар австралийка Салли. Томек и его отец были чрезвычайно опечалены трагическими известиями из Варшавы. Ведь они многим были обязаны семейству Карских. Карские долгое время заменяли Томеку родителей. Помогали ему в самые тяжелые минуты и заботились о нем, как о собственном сыне.

Друзья Вильмовских, Ян Смуга и боцман Новицкий, сочувствовали им в постигшем их горе. Ведь каждый из них по-своему был жертвой царского режима. Вильмовский и боцман были вынуждены бежать за границу, опасаясь ареста. Брат Смуги был сослан в Сибирь. Что из того, что благодаря счастливому стечению обстоятельств ему удалось бежать из ссылки? За полученную свободу он заплатил жизнью. Желая выполнить последнюю волю умершего ссыльного, наши друзья направились в далекие горы Алтынтаг, чтобы отыскать спрятанное им золото. Половина сокровища должна была пойти на помощь польским ссыльным в Сибири. Однако экспедиция, трудная и опасная, закончилась полной неудачей. Каменная лавина закрыла вход в пещеру, где было спрятано золото. А теперь, еще не успев вернуться из неудачной экспедиции, они узнали о новом аресте и ссылке. Во время беседы с сочувствующей им рани Алвара и ее братом Пандитом Давасарманом, который принимал участие в экспедиции в горы Алтынтаг, они решили помочь Збышеку бежать из Сибири. Судьба поляков показалась княгине похожей на судьбу индийцев под владычеством Англии. Входя в их положение, она предложила Вильмовскому свою яхту, чтобы облегчить побег ссыльного. Пандит Давасарман вызвался принять личное участие в этой рискованной экспедиции. Помощь его пришлась весьма кстати, потому что будучи пандитом, то есть специалистом, обученным англичанами для географических исследований различных стран Азии, он обладал колоссальным опытом. Кроме того, наличие яхты давало им возможность свободно плавать по морю и делало независимыми от транспортных средств, которые были под особым надзором властей.

Смуга и Вильмовский находились в тесных торговых отношениях со всемирно известной фирмой Гагенбека, занимавшейся поставками диких животных в зоологические сады и цирки. Благодаря этому им удалось получить поддержку фирмы в деле организации охотничьей экспедиции в Сибирь. Однако ни Вильмовский, ни боцман, нелегально покинувшие Россию и разыскиваемые полицией, не могли отправиться туда под своими

фамилиями. Поэтому Давасарман, использовав свое влияние у английских властей в Индии, раздобыл им документы, согласно которым Вильмовский оказался "английским подданным Броуном, препаратором шкур диких животных", а боцман Новицкий стал, "германским подданным по фамилии Броль, укротителем диких животных". Таким образом, удалось получить разрешение русских властей на организацию охоты в тайге на Дальнем Востоке для отлова образцов сибирской фауны. Экспедиция уже около двух месяцев охотилась на тигров, а ее участники все думали над тем, под каким предлогом они смогли бы поехать в Нерчинск, расположенный в Забайкалье. Успеху опасного предприятия мешали не только огромный, почти лишенный дорог край, но и целый ряд других обстоятельств.

Пандит Давасарман не принимал участия в охоте. Он постоянно находился на яхте, стоявшей на якоре в бухте Золотой Рог во Владивостоке, готовой в любой момент выйти в море. Индиец ждал тут сообщений и инструкций от друзей. Связь между командиром яхты и охотничьей экспедицией поддерживал Удаджалак, верный товарищ Пандита Давасармана, принимавший не раз участие в исследовательских походах в различные страны Азии.

Томек призадумался. Сумеют ли они поехать в Нерчинск? Застанут ли там Збышека и смогут ли его освободить? Юноша достал из кармана куртки карту. Поискал на ней мощную реку Амур, естественное продолжение рек Шилки и Аргуни, которые берут свое начало на краю пустыни Гоби. После слияния этих рек в единое русло, Амур описывал широкий полукруг к югу, и только начиная с места впадения правого притока, реки Сунгари, делал крутой поворот на северо-восток. Как раз в самой южной точке Амура, между левым притоком Буреей и правым - Сунгари, на карте виднелся крестик, сделанный карандашом. Здесь находился лагерь охотников, расположенный на левом берегу реки.

Юноша внимательно разглядывал карту. Первую часть пути они проехали из Владивостока в Хабаровск по железной дороге вдоль реки Уссури. Из Хабаровска на лошадях направились вдоль левого берега Амура по сибирскому тракту до Рухлова (ныне Сковородино), откуда снова начиналась железная дорога до Нерчинска и Читы в Забайкалье.

Дело в том, что Сибирская железная дорога в те времена была построена от Москвы, через Урал, южную Сибирь в Читу и оттуда уже в качестве Китайско-Восточной железной дороги проходила через Маньчжурию и заканчивалась во Владивостоке, на берегу Тихого океана. В результате русско-японской войны

Россия должна была покинуть Маньчжурию, оставляя в своих руках только Китайско-восточную железную дорогу с довольно широкой полосой отчуждения вдоль пути и рядом городов, в которых находилась русская администрация железной дороги. Стремясь обезопасить себя на случай потери Китайско-Восточной железной дороги, царское правительство решило построить линию вдоль левого берега Амура между Рухловом и Хабаровском. Таким образом, должен был возникнуть новый участок Сибирской железной дороги от Читы до Хабаровска. Однако в те времена Томек и его друзья, оставив Хабаровск, очутились в девственной тайге, простиравшейся вплоть до Забайкалья[9]. Томек так задумался, что не услышал тихих шагов, и даже испугался, почувствовав на своем плече чью-то руку. Он быстро обернулся, увидел Смугу и с облегчением вздохнул.

- А я было испугался, что кто-то чужой поймал меня за изучением карты.

- Надо быть осторожнее, Томек. Будет лучше, если никто не заподозрит, что мы интересуемся топографией этого края, - сказал Смуга. - Кроме того, ты плохо реагируешь на неожиданные явления. Старайся владеть собой. Что-то стал нервным, мой друг? Во время прежних экспедиций ты был куда спокойнее...

Смуга уселся рядом с Томеком, а тот, наклонился к нему и вполголоса сказал:

- С тех, пор как исправник в Хабаровске приставил к нам своего агента в качестве "опекуна" экспедиции, я никак не могу совладать с собой. Удастся ли нам в этих условиях освободить Збышека?! Кроме того, я боюсь за отца и боцмана.

- Ты напрасно волнуешься. У них документы на чужие фамилии и они прекрасно играют свою роль. Если мы будем достаточно осторожны, их никто не уличит.

- Я повторяю себе это тысячу раз в день, но сверлящий взгляд этого шпика возмущает меня до глубины души.

- Не так страшен черт, как его малюют, - ответил Смуга. - Он следит за нами, а мы - за ним. Удаджалак не спускает с него глаз. Если он начнет ерепениться, мы его тихонько погасим, как свечу.

- Так ужасно находиться рядом с кем-то, кто следит за нами, а мы за ним.

- Любой порядочный человек чуждается предательства, но мы добровольно влезли в пасть медведю и никак не можем допустить, чтобы он нас прихлопнул зубами.

- Это правда, - признал Томек. - Ведь речь идет не только о нас, но и о Збышеке.

- Послушай, Томек! Мы здесь, как на войне. Ты в качестве почетного члена племени апачей[10] обязан помнить, что главные

достоинства воина - это терпение, рассудительность и молчание.

- Видимо, плохой из меня воин.

- Не болтай чепухи! - оборвал его Смуга. - Ты просто порешь горячку. Тебе не терпится попасть поскорее в Нерчинск. Но я знаю, как только мы приступим к настоящему делу, ты сразу обретешь уверенность и силу.

- Ах, если бы было по-вашему!

- Можешь вполне на меня положиться, я тебя очень хорошо знаю. Вы избрали меня начальником экспедиции. Поэтому обязаны доверять мне. Мы не имеем права поспешными, непродуманными действиями испортить все дело. У нас есть разрешение на охоту в Приамурье. А отсюда до Нерчинска довольно далеко. Поэтому мы сидим в тайге, несмотря на неудобную для охоты пору. Нам надо как-то обвести исправника вокруг пальца.

- И вы уже продумали план действий?

- Да. Мы отправимся в Благовещенск. Там разобьем лагерь, где оставим твоего отца, поскольку он в Нерчинске может быть узнан. А сами, вместе с боцманом и Удаджалаком, попытаемся пробраться в Нерчинск. Ясное дело, нам придется заставить Павлова остаться с твоим отцом, что я и постараюсь сделать. Самое главное, чем я сейчас озабочен, это то, как нам спрятать Збышека в лагере, чтобы сыщик ничего не заметил. Я тебе говорю об этом, так как самому мне ничего подходящего в голову не приходит. Я рассчитываю на твою хитрость. Время не ждет, начинается наиболее благоприятная пора года для путешествия на лошадях.

- Я знаю. Попытаюсь что-нибудь придумать.

- Только никому не болтай об этом. Так будет лучше для нас всех.

Послышался лай собак. Смуга поднялся.

- Видно по всему, что будет хорошая погода, - сказал он, немного помолчав. - Если Нучи найдет следы тигров, нас ждет трудный день. Наши уже, наверно, проснулись, идем завтракать.

Томек смотрел на Смугу с восхищением. Необыкновенная отвага, честность и доброжелательность привлекали к нему сердца людей. Все уважали его и слушались так, словно считали естественным, что там, где находится Смуга, никто другой не может быть старшим. Поэтому Томек почувствовал себя гордым, что Смуга именно к нему обратился за советом.

Они застали друзей за различными хлопотами. Боцман Новицкий, настоящий великан, который в экспедиции играл роль не только укротителя, но и оружейного мастера, сидел с подвернутыми ногами на распростертом на земле одеяле. Он

торопливо чистил оружие и по всему его виду можно было понять, что он сейчас в плохом настроении.

Во время этой охотничьей экспедиции, в особенности в обществе русских или туземцев, Томек и его друзья говорили по-русски. Это было для них делом обычным, так как все они в свое время ходили в школы в так называемом Царстве Польском, где преподавание велось на русском языке. А Удаджалак познакомился с русским языком во время прежних экспедиций Пандита Давасармана по Средней Азии.

Увидев Томека, боцман громко выразил свое неудовольствие:

- В этом чертовском краю насекомые еще при жизни поедом едят человека. А ты, браток, вместо того, чтобы прятаться в кустах, приготовил бы лучше защитные сетки, потому что шкура у меня свербит при одной мысли о безветренной погоде!

Томек сочувственно взглянул на друга. Его опухшее лицо и шея были покрыты кровавыми струпьями. Правда, гнус - бедствие сибирской тайги, крепко досаждал всем охотникам, но моряк страдал больше других. Особенно в безветренные, погожие дни, перед дождем или во время сумерек, огромные тучи насекомых появлялись в тайге, нападая на людей и животных. Этих кровососущих, жадных насекомых было полно повсюду. Они толстым слоем покрывали воду в ведре, плавали в супе, в горшке и на тарелке, цеплялись за одежду, лезли в глаза, уши, носы, проникали под рубашки, а их укусы оставляли на человеческом теле зудящие ранки. Через некоторое время организм человека несколько привыкал к укусам и раны исчезали, но несчастный боцман, в противоположность своим друзьям, все еще никак не мог приспособиться к гнусу.

Томек подошел к моряку.

- Я сейчас принесу сетки, хотя бегать по лесу с закрытой головой очень неудобно, - сказал он. - Кроме того, я насобираю смолистых щепок, чтобы мы могли хоть дымом отгонять гнус. Если говорить правду, то удивительно, что именно вас так полюбили эти зловредные насекомые. Мы уже попривыкли, и почти не чувствуем их укусов.

- Ах, это чертовское племя, как видно, очень разборчиво, - ответил боцман, красноречиво посмотрев своими опухшими глазами на Павлова - сыщика, которого им подсунул хабаровский исправник в качестве "опекуна", - и добавил: - Мне говорил один ученый, что гнус не нападает ни на тяжело больного, ни на отъявленного подлеца. И в том и в другом случае насекомые прекрасно чувствуют кандидатов на тот свет, а, как известно, трупы гнус не кусает.

Томек с трудом подавил смех, поняв этот намек на Павлова,

совершенно безразличного к гнусу.

Три сына Нучи, как все нанайцы, тонко чувствующие юмор, громко рассмеялись.

- Твоя хорошо говорит, зверь сразу узнает плохого человека, - сказал один из них.

- Вас тоже гнус не трогает, - сказал Томек, давая боцману знак, чтобы тот зря не дразнил шпика.

- Гнус умный, он знает, что нанаец сын тайги. Они знакомых не трогают, - ответил нанаец, весело подмигивая.

- Вместо того, чтобы шутить шутки, лучше давайте готовиться к охоте, - приказал Смуга. - Вот-вот Нучи вернется! Проверьте веревки, займитесь собаками. Господин Павлов не любит гоняться за тиграми, поэтому он, пожалуй, как всегда, останется в лагере на страже?

- Вы начальство - вам виднее! Хорошо, я буду стеречь лагерь, - охотно согласился Павлов.

- А при случае пошарю во вьюках, - вполголоса буркнул боцман Томеку.

- Заткните ваш фонтан, уважаемый Броль, - шепнул Томек. - Вы обязательно хотите обратить на себя его внимание?

Господин Броль, то есть боцман Новицкий, тихонько выругался, но оставил сыщика в покое, тем более, что Вильмовский позвал всех завтракать.

II
Сибирская охота

Нучи вернулся еще до конца завтрака. Он сообщил, что логово тигрицы с двумя тигрятами находится на расстоянии около трех верст от лагеря. Охотники тут же составили план охоты. Боцман и Удаджалак постараются выстрелами отогнать тигрицу от тигрят, а Нучи, три его сына, Томек, Вильмовский и Смуга должны окружить логово.

Павлов, как это было решено раньше, оставался сторожить лагерь,

Вскоре охотники направились в тайгу. Впереди шел Нучи, за ним - его сыновья с тремя собаками на поводках, а чуть дальше, по их следам, шли остальные охотники с четырьмя гончими. Томек замыкал шествие, идя сразу за боцманом.

Чем дальше они углублялись в дремучую тайгу, тем было тяжелее идти. Извилистый след тропинки, едва различимый среди густых зарослей шиповника, терновника и можжевельника, опутанных стеблями ломоносса, называемого якутами[11] "дьявольской сетью", часто совсем пропадал. Иногда приходилось уходить в сторону, чтобы обойти поваленные ветром стволы деревьев. В тайге лесные великаны не могли глубоко запускать корни в землю, поэтому свирепые ветры выворачивали подчас целые полосы леса и создавали трудные для прохода участки. Порой путь преграждали старые, насквозь прогнившие деревья, которые сами падали на землю, словно отдавая дань всесилию времени.

Дремучая, таинственная тайга возбуждала у людей страх перед чем-то неизвестным, что скрывается в ее глубине. Тайга казалась молчаливой и мрачной, но внимательный взор охотников ежеминутно раскрывал все новые ее тайны. У тропинки под поваленным стволом дерева они открыли медвежью берлогу. Чуть дальше, на небольшом холмике устроился жадный бурундук[12], один из самых маленьких в мире грызунов. На высохших ветвях сваленного дуба он сушил свои лакомства: грибы, коренья и орехи, запасы которых копил по крайней мере на два года вперед. Дальше, за холмом, вилась тропинка, протоптанная оленями; в дупле раскидистой липы пчелиный рой - вероятно, там можно было найти ароматный лесной мед.

Томек с интересом разглядывал все, что встречалось им по пути. Он впервые попал на этот участок тайги. Нучи вел охотников за собой почти не задерживаясь, а Томек шел

последним. Когда впереди на момент показалась фигура старого охотника, Томек вспомнил о том, как он познакомился с Нучи. Нучи и его сыновья были взяты в качестве проводников и следопытов не случайно. Вильмовский знал Нучи по рассказам бывшего ссыльного, с которым встречался в Варшаве и вместе вел революционную работу еще до побега за границу. Помня рассказы польского ссыльного, он по прибытии в Хабаровск занялся поисками жилища Нучи в тайге и привлек его к участию в экспедиции. Выбор оказался очень удачным. Нучи был настоящим сыном тайги. Он родился и вырос в тайге, тайга его кормила и поила, поэтому ничего удивительного не было в том, что он знал все ее тайны и любил как родную мать, которая иногда бывает суровой, но любящую своих детей. Однажды, во время охоты, Нучи, услышав жалобы боцмана на "дьявольскую страну", стал уверять охотников в том, что тот, кто ближе знает тайгу, всегда будет тосковать по ней, если ему придется покинуть ее на время. Это напомнило Томеку слова их проводника по австралийскому бушу, туземца Тони, который говорил примерно то же самое об увлечении путешественников австралийским бушем.

Размышления Томека были прерваны тихим окриком боцмана Новицкого.

- Ах, чтоб тебя кит проглотил!.. - выругался моряк по своему обычаю, отпрянув от колючей карликовой пальмы.

Боцман хотел перелезть через поваленный ствол дерева и, чтобы сохранить равновесие, оперся рукой о ствол дуба, стоявшего рядом. Внезапно под тяжестью его мощного тела кора дуба треснула и рука боцмана по самый локоть вошла в прогнившее дерево, как в масло. Моряк испугался, что гнилое дерево свалится на него, и отскочил в сторону, но чуть было не упал и схватился рукой за колючую ветку карликовой пальмы. Быстро отдернув руку, он выругался. Томек подбежал к приятелю, чтобы помочь ему вытащить из ладони шипы.

- Ах, что ж это за дьявольский кустарник?! - возмущался моряк. - Похож на пальму, а кусается, как кактус!

- В тайге нельзя прыгать куда попало, - сказал Томек. - Это дальневосточная аралия, своего рода достопримечательность этого края...

- Оставь свою ботанику, - буркнул боцман. - Морду мне разукрасили проклятые мошки, а теперь еще вспухнет лапа!

Однако друзья сейчас же затихли, потому что проводник остановился; наклонясь над землей, он внимательно что-то рассматривал. Охотники остановились тоже. Томек подошел к Нучи и присел на корточки, чтобы лучше видеть.

- Очень свежий след, - прошептал Томек, внимательно

рассматривая углубления, выдавленные лапами тигра на земле. - Это тигр, конечно, тигр! Судя по расстоянию между следами и по их размеру, это, по-видимому, взрослый тигр...

- Хорошо говорит, хорошо! - похвалил Нучи.

- Почему у него такие тяжелые шаги, следы очень глубоки? - громко продолжал рассуждать Томек, довольный похвалой опытного следопыта.

Он прошел несколько шагов по следам.

- Кроме следов, видны капли крови, может быть его кто-нибудь ранил? - говорил Томек. - Нет, нет! Раненый тигр не ступал бы так уверенно. Уже знаю! Он тащил на спине добычу! На кустах терновника есть клочки светло-коричневой шерсти. Она мне напоминает шерсть одного из видов оленей, быть может оленя Дыбовского[13].

Смуга, который тоже разглядывал следы, опередил Томека. Он слышал рассуждения юного друга и довольно улыбался.

- Ты делаешь правильные выводы, - сказал он. - Может быть, ты сумеешь точнее определить животное, которое тащил тигр.

После минутного раздумья Томек сказал:

- В лесах южной Сибири обитает один из видов благородного оленя, который здесь зовут маралом[14]. Но это мог быть также лось[15], или северный олень[16].

- Нет, мой дорогой, это не был марал или лось, и даже не северный олень, - ответил Смуга. - Пройди еще несколько шагов!

Томек медленно шел вдоль склона, тщательно изучая ясно видные следы.

- Может быть, это был все-таки олень Дыбовского? - сказал он. - Я сразу вспомнил, что Дыбовский, будучи в ссылке, открыл в Сибири новый вид оленя, который стали называть его именем. Этот олень по внешнему виду напоминает индийского аксиса. На темной шерсти у него в несколько рядов в беспорядке разбросаны белые пятна.

- Браво, Томек, у тебя превосходная память, - похвалил Вильмовский.

- Нет, дружище, ищи дальше, это не был олень Дыбовского, - возразил Смуга. - Олень Дыбовского обитает южнее, в Уссурийском крае.

Томек стал на колени. Низко наклонился над землей. На примятой траве виднелись какие-то пятна. Юноша сорвал один из стебельков. Понюхал его и издал тихий возглас триумфа. Клейкая, темная масса, видневшаяся на стебельке, издавала специфический запах.

- Уже знаю, это была кабарга[17], - заявил он товарищам. - Когда тигр тянул кабаргу по земле, разорвался подбрюшный

мешочек, выделяющий мускус.

- Ну, ну, ты и в самом деле стал прекрасным следопытом, - удовлетворенно сказал Смуга.

- Какой же я глупец! Вы открыли запах мускуса раньше меня.

- У тебя и в самом деле не зря башка торчит на плечах, - вмешался боцман. - Ты вынюхиваешь следы, словно ищейка. Покажи-ка мне эту травку, интересно, как пахнет мускус!

Боцман осторожно понюхал, скривился и буркнул:

- Вот так же пахло в аптечном складе на Повисльe, куда мамаша посылала меня за синькой.

- Мускус очень ценится на мировом рынке. Его используют как для производства лекарств, так и в парфюмерной промышленности как средство, закрепляющее запахи, - пояснил Вильмовский.

- Вот, видишь, боцман, и в Сибири кое-что есть, - добавил Смуга. - Однако, хватит болтовни. Тигрица поймала кабаргу. Насытившись, она, видимо, отдыхает со своими тигрятами. Легче будет ее захватить врасплох. Далеко еще до логова?

- Очень близко, - ответил Нучи. - За сопкой - долина и ручей. Там в кустах спят амбы. Теперь наша идти осторожно. Наша знать: амбы близко, надо быть тихо.

Все двинулись по следам тигрицы. Раньше приходилось сдерживать собак, рвавшихся вперед. Теперь собаки, поджав хвосты, жались к ногам охотников. Почуяв близость грозных хищников, они неуверенно стригли ушами и скалили зубы.

Окружив холм, охотники очутились в долине, по каменистому дну которой протекал ручей. По следам можно было заключить, что измученная тяжестью трофея тигрица некоторое время отдыхала на берегу и пила воду. Нучи повел охотников вниз по ручью. Вскоре они увидели широкую безлесную полосу, поросшую буйной травой высотой в человеческий рост. Светлая голубизна неба сливалась на горизонте с неподвижным морем степного разнотравья.

- Там, вдали, батюшка Амур, - шепнул Нучи, указывая рукой на юг.

- Мы, пожалуй, находимся вблизи Зейско-Буреинской степи? - обратился Томек с вопросом к отцу.

Вильмовский кивнул головой и добавил:

- Вероятно, скоро тайга отступит еще дальше на север. Зейско-Буреинская равнина - одна из немногочисленных территорий на Дальнем Востоке, вполне пригодная для земледелия.

Нучи жестом потребовал молчания. Он внимательно всматривался в кусты, видневшиеся на берегу ручья на

расстоянии около трехсот метров от охотников.

- Там спят амбы, - тихо сказал он.

Основная группа, в задачу которой входила поимка молодых тигров, должна была обогнуть кусты, чтобы зайти с противоположной стороны. Боцман и Удаджалак, которые должны были задержать тигрицу как можно дальше от ее потомства, направлялись прямо к логову.

Часть охотников направилась в обход. Через какое-то время, уже совсем не скрываясь, боцман и Удаджалак пошли к кустам на берегу ручья. Вскоре раздались пронзительные крики, лай собак и звуки выстрелов.

Поднятый охотниками шум вынудил взлететь бесчисленные стаи птиц. Рябчики, фазаны, тетерева, куропатки и дикие гуси бросились во все стороны, но охотники даже не взглянули на них. Из зарослей осторожно высунула голову тигрица. Потом показалось все ее мощное, пружинистое, полосатое тело.

Боцман первым заметил появившуюся из кустов тигрицу. Он показал на нее товарищу и вместе с ним смело вошел в кусты. Охотники сразу же начали адскую канонаду. Увидев врагов у себя в тылу, тигрица огромными прыжками выскочила в степь, после чего, сделав небольшую дугу, попыталась по берегу ручья добраться до своего логова. Но охотники преградили ей путь, стреляя из револьверов. Потерявшее ориентировку животное бросилось в воду. Тигрица пыталась добраться до своего логова то по воде, то по суше. Но она встречала все новых врагов как раз в той стороне, куда стремилась. Острый запах пороха ударил ей в ноздри.

А тем временем в чаще кустов бесились два молодых тигренка. Окруженные со всех сторон людьми и собаками, они бросились наутек. Один из них, испуганный шумом, попал под ноги охотников, проскочил между ними и прыгнул в воду ручья. Тигрица сразу же заметила детеныша, плывшего к ней по течению. Протяжно заревев, она бросилась на противоположный берег. Материнский инстинкт подсказывал ей путь к бегству. Два охотника все еще продолжали беспорядочную стрельбу, пытаясь отпугнуть тигрицу от детенышей.

Второму тигренку удалось удрать в степь. Действуя по указаниям Нучи, звероловы ловким маневром вынудили его броситься в долину и оттуда в тайгу. Они побежали за ним, все еще держа собак на поводках.

Началось длительное и утомительное преследование. Донельзя испуганный хищник сумел значительно опередить погоню. Нучи распорядился спускать с поводка по одной собаке через равные промежутки времени. Сначала спустили самых

слабых из них, потому что охотники хотели, чтобы вся свора нагнала тигра одновременно. Если бы раньше спустили самых сильных псов, то они опередили бы более слабых и, нападая на тигра поодиночке, потерпели бы неудачу,

Но вот уже последняя собака спущена с поводка. Лай своры постепенно удалялся. Только через полчаса быстрого бега расстояние между собаками и охотниками стало уменьшаться. Бег по таежной чаще утомил как хищника, так и погоню. Охотники пробирались через кусты, перескакивали через поваленные стволы деревьев и выстрелами придавали собакам смелости.

По лицам охотников ручьями стекал пот. Но, несмотря на то, что они уже теряли силы, охотники ускоряли бег, потому что грозный рев отчаянно защищавшегося тигра заглушал лай и завывание собак.

Наконец охотники его настигли. Опершись задом о поросшую мохом кучу бурелома, тигр острыми клыками или лапой то и дело пытался достать одного из наседавших псов. Собаки выглядели столь же дико, как и сам хищник. Они нападали на него то с боков, то спереди. Их темная, как у волков, шерсть взъерошилась и взлохматилась. Под влиянием охотничьей страсти псы не обращали внимания на полученные раны. Глаза собак горели кровавым огнем. Отскакивая от внезапного удара лапы тигра, они поджимали пушистые, длинные хвосты, но тут же, напрягаясь всем телом, готовились к новому прыжку, обнажая острые клыки в широко раскрытых пастях.

Завидев охотников, собаки еще азартнее бросились на тигра. Нучи с сыновьями быстро овладели опасным положением. Их громкие окрики-приказания заставили собак сосредоточиться только с одной стороны, тогда как с другой - двинулись вперед звероловы.

Тигр отчаянно защищался. Густая шерсть на его загривке взъерошилась. Но вот одна из собак подскочила к нему сбоку; тигр немедленно замахнулся лапой. Воспользовавшись этим, Томек молниеносно набросил на поднятую лапу петлю аркана. Свернувшись в клубок, хищник рванул аркан, и тогда один из сыновей Нучи поймал в петлю его заднюю лапу. Через минуту Вильмовский тем же способом захватил вторую переднюю лапу. Тигр пытался перегрызть веревку, но позади его очутился Смуга; он набросил свою кожаную куртку на голову тигра. Вскоре покоренный хищник лежал на земле со связанными лапами,

Нучи остановился над ним и важно произнес:

- Ты мудрый, амба, ты понимаешь, ты можешь долго жить. Наша не убивает! Наша кормит и учит. Твой брат тоже быть у нас. Он тебе скажет, что наша говорит правду.

Слушая речь старого охотника, звероловы тщательно скрывали улыбки. Следопыт, как и большинство нанайцев, живших в примитивных условиях, был анимистом, то есть верил, что все окружающие его вещи живут, обладают собственной душой. Он с одинаковой важностью обращался со словами к зверю, к колючему кусту терновника, к дереву, которое собирался срубить на топливо, или к своей берданке, когда снаряжал ее перед охотой.

- Ты уже не будешь страдать, - продолжал Нучи, набрасывая петлю на пасть тигра. - Наша понесет тебя в лагерь. Наша даст тебе есть. Твоя это понимает, твоя - умница.

- Неужели ты и в самом деле думаешь, что тигр понимает твою речь? - спросил Томек.

- Амба такой же человек, как наша с тобой, - ответил Нучи, жестом руки требуя от сыновей, чтобы они поспешили с просовыванием длинной жерди между связанными лапами тигра.

Звероловы, время от времени сменяясь, несли на плечах "молодого" тигра, весившего не меньше сотни килограммов. Старый нанаец шел рядом, все время оправдываясь перед тигром и объясняя ему почему он должен был лишить его свободы.

III
Встреча с тигрицей

Звездное небо искрилось над бескрайней тайгой. Стоял теплый, безветренный вечер. В лагере звероловов горело несколько костров.

Еще до сумерек боцман забился в свою палатку. Он даже не снял защитной сетки. Окутав голову марлей, моряк сидел у дымокура, то есть у треножника, где на проволочной жаровне горели кедровые шишки, от которых валил густой дым. Из глаз боцмана, раздраженных едким дымом, ручьями текли слезы, он ужасно потел, но с усердием римской весталки[18] подбрасывал шишки в огонь, чтобы тот не погас. Боцман заявил, что предпочитает утонуть в собственных слезах, чем дать себя на съедение проклятому гнусу. Поэтому он в одиночестве сидел в наполненной дымом палатке и из плоской бутылки глоток за глотком пил свой любимый ром.

Томек сидел в сторонке под деревом. Из-под полуприкрытых век он глядел на лагерь, совсем не обращая внимания на тучи гнуса, бешено вертевшиеся в неподвижном, влажном воздухе. И лошади, и собаки жались к дымящим кострам; их пугал жалобный вой тигрицы, время от времени доносившийся из глубины тайги.

Неспокойно себя вели и тигры, запертые в клетках. Они поминутно бились о решетки, отделявшие их от свободы. Томек прислушивайся к гневному рычанию тигров и одновременно наблюдал за отдыхающими друзьями. Вильмовский о чем-то беседовал с сыновьями Нучи, Смуга занялся перевязкой псов, раненых во время охоты, а Павлов, заткнув уши ватой, уселся рядом с неотступным Удаджалаком у костра, как можно дальше от клеток с разъяренными тиграми. Нучи ни на шаг не отходил от четвероногих пленников. Он пытался успокоить их словами.

Томек машинально отгонял рукой гнус, лепящийся к его лицу, выплевывал гнус изо рта, и все больше внимания посвящал старому нанайцу. После утренней беседы со Смугой Томек не переставал думать о том, как спрятать в лагере Збышека после его освобождения из ссылки. Ему приходили в голову самые фантастические идеи, но ни одну из них он не мог признать подходящей. Томек посмотрел на Павлова. Сыщик руками закрывал уши и исподлобья недоверчиво поглядывал на сидящего рядом с ним Удаджалака. Как раз в этот момент Томеку пришла в голову блестящая идея. Взволнованный ею, он встал и подошел к старому нанайцу.

- Послушай, Нучи, может быть, разложить больше костров вокруг клеток? Сегодня ужасно много гнуса, - спросил он.

- Наша развела довольно костер. Это не гнус их раздражает, - ответил нанаец. - Очень близко кружит мать амбы.

- А ты знаешь, где сейчас кружит тигрица?

Нанаец кивнул головой.

- Да, мы ее обидели, она тоскует по детям, - сказал Томек, наблюдая за выражением лица Нучи.

- Твоя хорошо говорит, - согласился следопыт. - Но наша любит малых амба и не обижает их. Наша дает есть, наша учит.

- Если бы тигрица знала это, она оставила бы нас в покое? - спросил Томек.

Нанаец буркнул себе что-то под нос и опять посмотрел в темную чащу тайги.

- Нучи, помоги мне найти тигрицу, - шепнул Томек.

- Нет, нет. Амба очень, очень злой. Плохо будет с нами, - возражал Нучи.

Томек задумался; но вскоре ему опять пришла в голову какая-то идея, потому что он слегка улыбнулся и сказал:

- Если ты никому не скажешь, я тебе доверю тайну...

Заинтересованный Нучи наклонился к юноше.

- Старый Нучи очень мало говорит, - заверил он юношу.

- Я обладаю тайной властью над дикими животными. Умею взглядом делать их покорными.

Нанаец удивленно взглянул на Томека; хитро блестя глазами, ответил:

- Так пусть твоя глазами говорит амбам в клетках, чтобы сидели тихо!

Томек пожал плечами и ответил:

- Если твои сыновья выполняют твой приказ, разве я могу мешать им в этом? А видишь! Молодые тигры отвечают на зов матери. Это тигрицу надо убедить, чтобы она перестала их звать. Я ей объясню, что ее детям здесь хорошо.

- Ты в самом деле можешь это сделать? - удивился голь д.

- Веди меня к ней и убедишься сам.

Старый следопыт еще минуту колебался, но наивное любопытство взяло верх над осторожностью. Он испытующе поглядел на юношу, словно видел его впервые. После короткого молчания сказал:

- Моя поведет тебя к амбе!

- Хорошо, Нучи, но то, что ты увидишь, ты должен будешь сохранить в тайне, пока мы не уедем из Сибири. Согласен? Обещай!

Нанаец кивнул головой в знак согласия.

- Ну, хорошо! Жди здесь меня, я скажу Смуге, что мы пойдем отогнать тигрицу.

Томек незаметно отозвал Смугу в сторонку.

- Я уже знаю, как нам спрятать Збышека в лагере, - шепнул он на ухо Смуге, держа его под руку.

- Лишь бы идея была хороша, - ответил Смуга - Что же ты придумал?

- Слушайте внимательно...

Томек долго излагал Смуге свой план.

- Что вы скажете об этом? - закончил он.

- Ты меня застал врасплох своей идеей, - ответил Смуга. Он смахнул с лица гнус и добавил: - Это совсем неплохая уловка, хотя на первый взгляд кажется довольно наивной. К счастью, царская полиция не обладает особой гибкостью ума.

- Значит, вы согласны?

- Черт возьми, я согласен! Мы и без того потеряли уйму ценного времени. Нам надо использовать благоприятное время года для организации побега Збышека, так как потом суровая зима может помешать осуществлению наших планов. Послушай, Томек, надо испытать твой план.

- Испытаем, конечно испытаем!

Томек опять наклонился к уху Смуги.

- Ладно, согласен, берись за дело, но будь осторожен. Тигрица до крайности разъярена. Пожалуй, мне следует пойти с тобой, - шепнул Смуга.

- Нет, зачем же? Нучи мог бы что-нибудь заподозрить.

Пожав руку другу, Томек снял штуцер, висевший на ветке дерева, тщательно проверил действие затвора и зарядил орудие. Следопыт ждал его у клеток с тиграми. За спиной нанайца висела старая берданка.

Следопыт двинулся вперед. Их сразу окружила черная, таежная глушь. Зрение охотников медленно приспосабливалось к царившей вокруг темноте. Из мрака стали выступать стволы мощных деревьев, бурелом и кусты. Старый нанаец шел легкими, неслышными, скользящими шагами. Время от времени он останавливался, прислушивался, иногда становился на колени, прикладывал ухо к земле и менял направление. Томеку стало казаться, что они непрерывно бродят вокруг лагеря. Вскоре он уверился в этом, так как рычание тигров в клетках то удалялось, то приближалось.

Ночная ходьба по таежным дебрям порядком их измучила, поэтому Томек обрадовался, когда Нучи уселся на поваленный ствол дерева. Юноша сел рядом с ним.

- Наша ждать луны. Темно, наша амбы не видит, - шепнул

гольд.

- Удастся ли нам ночью найти следы тигрицы? - тоже шепотом спросил Томек.

- Наша ничего не говорить, амба совсем близко.

Томек сразу умолк. Если старый следопыт не ошибается, необходимо соблюдать чрезвычайную осторожность. Томек стал прислушиваться. Одновременно он пытался различить что-нибудь в чаще леса.

Время тянулось медленно. Томек ловил слухом таинственные голоса, доносящиеся из темной глубины тайги. Ему слышались какие-то глубокие вздохи, бормотанье, прерывистое рычание и странный шум. Вот где-то с треском повалилось дерево, плеснула вода в болоте и опять воцарилась тишина. Вдруг руки Томека сжали штуцер, лежавший на коленях. В кустах, как раз напротив него, на короткий миг блеснули две светящиеся точки. Томек собрался стрелять прямо с бедра. Значит, тигрица пришла! Если она еще раз выглянет из кустов, он выстрелит прямо между ее светящихся глаз. Но что это?! Голубоватые огоньки блестят чуть левее, другие - появились с правой стороны, они бесшумно приближаются. Сердце сильнее забилось в груди юноши. Откуда здесь взялось столько тигров?!

Томек наклонился, приподнял ствол штуцера. Почему Нучи молчит? Неужели он заснул? Томек взглянул на гольда. Следопыт спокойно сидел на стволе дерева, опершись плечами о сук. Старая берданка неподвижно лежала у него на коленях. Нанаец не спал; он смотрел вверх на небо, просвечивающее сквозь ветви деревьев, словно вокруг ничего особенного не произошло.

"Он и в самом деле ждет, что я взглядом заставляю тигров слушаться", - промелькнула в голове Томека мысль. Чтобы вынудить суеверного нанайца отправиться на поиски тигрицы в тайгу, Томек пошел на обман, а теперь сам попал в расставленные собой сети! Он моментально понял, что не может рассчитывать на помощь следопыта.

Томек уже готовился вскочить на ноги, как вдруг мириады голубоватых искр засверкали вокруг. Они горели среди кустов, на ветках деревьев, блестели в воздухе, даже трава вокруг его ног искрилась, как ковер, усеянный брильянтами.

Томек облегченно вздохнул и расслабил мускулы.

"Ах, пропади вы пропадом!" - мысленно выругался он и чуть было не расхохотался. Его испугали маленькие светлячки[19]!

Томек оперся спиной о дерево. Рукой вытер пот со лба. Взглянул на нанайца - не заметил ли тот случайно его ошибки и замешательства? К счастью, Нучи, подняв голову, любовался светящимися искрами мелькавшими среди ветвей.

Светлячки несколько отвлекли Томека. Он водил за ними глазами, дивясь красивому любовному танцу маленьких жучков. Самки светлячков, как правило, не летают, они сидят в траве и привлекают поклонников своим ярким светом. Это было великолепное зрелище.

Вдруг, где-то вверху раздалось громкое "угу, угу, угу!" Это был крик филина[20], которого в народе называют "совиным царем". Издали донесся глухой топот копыт; вслед за ним послышался жалобный, стонущий рев оленя. Где-то, довольно близко, затрещали ветки, раздвигаемые его рогами. Светлячки исчезли так же внезапно, как и появились. Нучи тревожно вздрогнул. Наклонился и стал прислушиваться.

- Амба идет... - шепнул он.

Томек весь превратился в слух. Где-то сзади затрещали кусты. Юноша рукой дал знак следопыту, осторожно встал на ноги и прислонился спиной к мощному стволу дерева. Нучи последовал его примеру. Шорох в кустах приближался. Вот неподалеку послышалось глухое ворчание, потом наступила долгая, тревожная тишина.

Охотники вперили взгляд в темную чащу. За их спинами снова раздался чуть слышный шорох ветвей. Они повернулись лицом в сторону, откуда слышался шорох и плотно прижались спинами к дереву.

- Мы не можем торчать здесь до утра. Надо что-то делать, - сказал Томек после длительного молчания.

- Теперь делать нечего; сейчас взойдет луна, - лаконично ответил нанаец.

Нучи дал добрый совет. Вскоре первые лучи луны робко проникли в тайгу, осветив пространство между деревьями. В серебристом тумане кустарники и стволы деревьев принимали странные очертания. Большие деревья в этом лесу стояли довольно редко, поэтому постепенно становилось светлее. Время тянулось медленно.

- Можно начать искать амбу, - отозвался Нучи.

Приготовив штуцер к выстрелу, Томек пошел вслед за следопытом, который почти бесшумно углубился в заросли кустов. Низко наклонившись, Нучи изучал следы вокруг деревьев. Руками осторожно раздвигал ветви кустов, внимательно рассматривая землю. Это продолжалось довольно долго. Томек уже начинал сомневаться в успехе ночного поиска, как вдруг Нучи опустился на колени. Он сосредоточенно ощупывал руками землю.

- Здесь прошел большой амба, пусть твоя хорошо смотрит! - тихо сообщил он.

Томек присел на корточки. Руками ощупал следы огромных лап тигрицы.

Нанаец был опытным следопытом. Он даже ночью не терял свежего следа зверя. Если след на твердой почве был не слишком ясным, Нучи глубоко втягивал носом воздух, нюхал кусты, которых могло коснуться животное и, почуяв характерный запах, безошибочно находил след.

Томек был восхищен охотничьими способностями старого нанайца. Ведь и он умел находить следы животных в лесу, но не в таких трудных условиях.

Идя по следам, Нучи еще раз обошел вокруг то дерево, под которым они провели почти половину ночи. Это было еще одним доказательством того, что хищница кружила вокруг них и наблюдала. Теперь Томек вовсе не был уверен: только ли светлячков видел он ночью.

Следы тигрицы вели в сторону лагеря звероловов, но потом снова возвращались назад. Идя по этим следам, охотники сделали небольшой круг, а когда заметили поверх собственных следов свежие следы тигрицы, в испуге остановились. Не было сомнений: тигрица нарочно выманила охотников из удобного для защиты места и теперь кралась за ними.

Они очутились в незавидном положении. Тигрица могла притаиться за любым деревом или кустом. Привычный к опасностям, Томек вскоре овладел собой и преодолел подкравшийся было к сердцу страх. Ведь он только для того уговорил нанайца отправиться в эту ночную экспедицию, чтобы встретиться с тигрицей с глазу на глаз.

Томек всадил приклад штуцера под мышку и положил палец на спусковой крючок. Он был готов. Взглянул на Нучи.

Следопыт стоял чуть наклонившись вперед. Он прислушивался, обшаривая взглядом росшие вокруг кусты. Где-то там притаился хищник. Как видно, Нучи даже не собирался стрелять в тигрицу при нечаянной встрече с нею. Видавшая виды старая берданка спокойно висела у него за спиной. Вероятно, наивный как ребенок Нучи был уверен, что Томек и в самом деле может взглядом обуздать дикое животное. Стоило Томеку глянуть на следопыта, как он сразу почувствовал всю тяжесть ответственности за то, что должно вот-вот произойти. Томек тихо и осторожно подошел к Нучи.

- Ты свое сделал, теперь позволь действовать мне, - сказал он. - Иди следом за мной, и если увидишь амбу, тихонько толкни меня локтем.

В голосе Томека звучала такая требовательность, что старый следопыт, взволнованный необычностью положения, подчинился

ему без возражений.

Томек пошел вперед... Шаг за шагом он прочесывал ближайшие кусты. Стволом штуцера осторожно раздвигал густые ветви, заходил почти за каждый кустик, но тигрицы нигде не обнаружил. Нучи, заинтригованный, покорно шел вслед за Томеком.

Поиски не давали результата. У Томека медленно спадало первоначальное нервное напряжение. Вероятно, тигрица ушла отсюда, и можно было считать, что ночное приключение окончилось вполне благополучно. Правда, такой конец несколько осложнял выполнение задуманного плана, но Томек все же почувствовал облегчение.

Отказавшись от дальнейшего поиска, Томек остановился. Вдохнул всей грудью воздух и вдруг... почувствовал слабый запах животного. И в этот момент Нучи подал Томеку условленный знак.

Из-за огромной лиственницы показалась тигрица. Увидев преследователей, она остановилась, как вкопанная. Несколько мгновений Томек и бестия смотрели друг другу в глаза. Потом тигрица наклонила голову, встряхнула ею, словно пыталась избавиться от человеческого взгляда, и выгнула спину, готовясь к прыжку. В одно мгновение Томек вскинул штуцер.

По счастливому стечению обстоятельств, опасная встреча произошла посреди небольшого участка, покрытого валежником. Это были стволы деревьев, поваленные бурей. Кустов тут почти не было, и луна хорошо освещала всю площадку, что позволило Томеку хорошо прицелиться. Когда темное тело тигрицы взметнулось в отчаянном прыжке в воздух, молодой зверолов уверенно спустил курок. Одновременно он плечом оттолкнул в сторону Нучи и отскочил сам.

Тигрица грохнулась на землю. Несколько мгновений ее тело содрогалось в конвульсиях, когти впивались в землю, потом все это прекратилось. Тигрица была мертва.

- Меткий выстрел, - вполголоса сказал Нучи. - Амба не послушалась твоих глаз?

- Нучи, я должен был стрелять, - оправдывался Томек.

- Амба не слушала, твоя стрелять. Твоя хорошо сделать, - признал старый нанаец.

Охотники уселись на пень дерева. Томек достал коробку папирос. В задумчивости смотрел он на следопыта. Первая часть плана выполнена как будто успешно, но Томек никак не мог заставить себя и дальше использовать легковерие честного Нучи. В Сибири, типичной царской колонии, никто не заботился о просвещении туземцев. Чем темнее они были, тем легче было их

заставлять подчиняться царским чиновникам. Нанайцы, или гольды, как их обычно тогда называли, были жертвами царского самодержавия. Поэтому Томек все чаще приходил к мысли, что старому следопыту можно довериться. Старинная дружба нанайца с польским ссыльным, его враждебное отношение к сыщику Павлову вселяли в этом уверенность. Кроме того, Томек заметил, что подтрунивание боцмана Новицкого над царским агентом нравится нанайцу, и он дарит за это моряка своей симпатией.

После короткого размышления Томек перестал колебаться. Он погасил ногой окурок папиросы и обратился к Нучи:

- Скажи мне, Нучи, что за человек этот Павлов?

Старый следопыт пожал плечами и лаконично ответил:

- Косой глаз - плохой глаз. Смотрит туда, смотрит сюда, слушает и пишет. Потом начальство говорит: преступника в тюремный замок!

- А ты не боишься, что я ему повторю твои слова?

Нанаец посмотрел Томеку прямо в глаза.

- Моя думает, твоя свой человек, - ответил он.

- Ты прав, Нучи. Я и мои друзья враги белого царя, и друзья всех, кого преследуют царские чиновники. Теперь я могу тебе сказать, что я должен сделать что-то такое, о чем не может знать Павлов. Но, уверяю тебя, что мой поступок послужит хорошему делу. Хочешь ли ты мне помочь?

- Хороший человек, хорошее дело. Твоя скажет, моя сделает.

- Обещаешь, что никому ничего не скажешь?

- Твоя говорит, Нучи сделает и сразу забудет.

- Спасибо тебе, Нучи. Я был уверен, что на тебя можно положиться. Мы знаем, что ты беден. Ты тяжело работаешь за кусок хлеба. Я тебе дам сто рублей, думаю, они тебе пригодятся!

Томек стал расстегивать куртку, чтобы достать деньги. Старый нанаец насупился. Удержал руку Томека.

- Услуга другу, рубли - нет! Тайга-матушка кормит свой человек.

- Прости меня, Нучи. Я тебя не хотел обидеть, - воскликнул Томек, крепко пожимая твердую руку следопыта.

- Нучи тебе друг. Твоя скажет, моя сделает и забудет.

IV
Боцман попал в передрягу

Утро встало туманное. Юго-восточный, летний муссон нес с побережья насыщенный влагой воздух. Вершины деревьев в тайге то и дело прятались в прядях тумана, сквозь которые время от времени пробивались лучи солнца.

Ухудшение погоды привело боцмана Новицкого в хорошее настроение. - он знал, что ветер прогонит надоедливый гнус. На этот раз пришла очередь боцмана дежурить на кухне, поэтому он с удовольствием встал с самого рассвета, чтобы насобирать ягод лимонника для компота, которым намеревался угостить друзей после обеда. Он спокойно шагал по тайге, беззаботно помахивая ведерком, которое держал в руке. Оружия при нем не было, если не считать охотничьего ножа за поясом - гневное рычание сидевших в клетках тигров далеко отогнало всякую дичь от лагеря охотников, и боцману казалось, что ему не может грозить опасность.

Вскоре он нашел в тайге кусты лимонника и стал срывать небольшие, красные, похожие на рябину ягоды. Набрав с полведра, боцман решил отдохнуть. Он с удобством устроился на траве, опершись спиной о ствол дерева, достал из кармана трубку, набил табаком и закурил. Одиночество скоро надоело общительному моряку. Он привык к частым беседам со своим другом Томеком Вильмовским, поэтому с некоторой обидой стал посматривать в том направлении, где, по его расчетам, находился лагерь. Поведение Томека в последние дни было боцману не очень понятно. Юноша стал молчаливым, сторонился от товарищей, а если кто-нибудь пытался завязать с ним беседу, отвечал лаконично и лишь изредка обменивался многозначительными взглядами со Смугой.

"Что за муха его укусила?" - думал моряк.

Уже много лет они были неразлучными друзьями. Когда Томек учился в Лондоне, боцман почти ежемесячно навещал его. Они болтали в то время ночи напролет. Молодой друг поверял ему все свои думы, просил совета. Во время каникул, когда друзья принимали участие в совместных экспедициях они почти не расставались, так как по настоянию старшего Вильмовского боцман оберегал Томека от опасностей охоты. Ничего удивительного, что боцман прекрасно знал все слабости друга и привязался к нему, как к родному сыну.

"Что-то лежит у него на сердце, это, несомненно, но что? -

пытался разгадать моряк. - Может быть, он тоскует по Салли? Нет, нет, дело, конечно, не в девчонке, в этом случае он обязательно обратился бы ко мне! Он знает, что в сердечных делах на меня можно положиться. Если такой умный и расторопный парень молчит и хмуро ползает из угла в угол, то ясно, как солнце, что дело здесь серьезное".

Раздумывая так, боцман достал из кармана плоскую бутылочку рома. Потянув из нее солидный глоток, моряк тяжело и грустно вздохнул.

"Что-то у нашего паренька кроется за пазухой? - продолжал размышлять боцман. - Ого, чувствую, что у меня посветлело в башке! Мы уперлись носом в тайгу, ловим своих тигров, а царский шпик, приставленный к нам исправником, следит за нами и всюду тычет свой нос. Тем временем Збышек сидит в Нерчинске, куда мы не можем попасть без особого разрешения губернатора. Тьфу, черт возьми! Не хотел бы я очутиться на месте Смуги! Он у нас главный, на нем - вся ответственность. К счастью, это стреляный воробей, его на мякине не проведешь! Если он втайне переглядывается с Томеком, то, ни дать ни взять, они что-то задумали. Ого! Наше сокровище в самом деле достойно занять место среди испытанных хитрецов! Сколько раз его удивительные выдумки спасали нас от беды! Ну, уж если они столь упорно молчат, видимо, так и надо, - мой папаша всегда говорил: "тише едешь, дальше будешь!"

Довольный своей догадливостью, боцман еще раз достал из кармана заветную бутылку ямайского рома.

"Ничто так не проясняет голову, как ром", - буркнул он, смакуя излюбленный напиток. Моряк вторично набил табаком трубку, и вскоре его окружили клубы табачного дыма. Легкий шум ветра в вершинах деревьев стал навевать на боцмана дремоту. Он прислонился головой к дереву и закрыл глаза. Но вот ему послышался шорох, доходивший откуда-то изнутри древесного ствола. Заинтересованный боцман стал внимательно прислушиваться. Внутри дерева что-то шуршало. Боцман открыл глаза и посмотрел вверх.

Почти над самой его головой в стволе дерева чернело дупло, вокруг которого вилась струйка табачного дыма, улетающего из трубки боцмана.

"Сто дохлых китов тебе в зубы! Неужели я своей трубкой разбудил в дупле какое-то свинство?" - встревожился боцман.

Он вскочил с земли, срезал ножом длинную ветку можжевельника и, недолго думая, воткнул ее в отверстие дупла. Результат был похож на тот, какой бывает, если всадить палку в муравейник. Оказалось, что в дупле находилось гнездо каких-то

юрких зверьков. В испуге они выскакивали из дупла и, махая пушистыми хвостами, ловко взбирались на верхние ветки дерева. В первый момент боцман принял их за белочек, но их густой, пепельный мех отличался от привычного рыжего цвета.

"Чтоб меня тайфун унес! Судьба послала мне великолепный мех для подарка Салли, а я позволил ему улизнуть!" - выругался боцман, разочарованно глядя на исчезающих в ветвях пепельных белок. Увидев собственными глазами полтора десятка грызунов, выскочивших из одного гнезда, боцман поверил теперь Нучи, который как-то похвастался, что его сыновья добывают по пятьдесят и больше беличьих шкурок за одну охоту.

Красавицы белки напомнили о последних событиях, участие в которых принимал старый Нучи, поэтому боцман опять уселся и продолжал свои размышления. Вечером того дня, когда был пойман четвертый тигр, Томек и Нучи отправились на таинственную прогулку по тайге, желая прогнать тигрицу, бродившую вокруг лагеря. Ночная стрельба подняла на ноги всех его обитателей. Вильмовскому пришлось сделать выговор смельчакам за то, что они без его разрешения отправились на опасную прогулку. Именно тогда Смуга заявил, что время уже кончать ловлю тигров, так как пора выезжать в район Благовещенска, где в Приамурских пойменных лесах и на заливных лугах водится множество разной экзотической птицы. Звероловы намеревались пополнить коллекцию птиц Гагенбека чучелами сибирских пернатых.

Все участники экспедиции обрадовались перспективе переезда в район крупного сибирского города. Но поводы для радости у них были разные. Конечно, охота на птиц была для Томека и его друзей лишь благовидным предлогом, чтобы подъехать поближе к Нерчинску. Они радовались, что кончится вынужденное безделье и начнется настоящее дело, ради которого они сюда и приехали, то есть освобождение несчастного Збышека. Для сыновей Нучи, всю жизнь проведших в дремучей тайге, поездка в город была интересным событием, а Павлов мог, при случае, подать по начальству рапорт и получить дальнейшие инструкции. Один лишь Нучи отнесся к известию равнодушно; он даже попросил несколько задержаться. Перед отъездом на запад ему надо было отправить домой собак, израненных тиграми, и вместо них взять других. На рассвете следующего для Нучи оседлал лошадей, и, захватив собак, отправился в путь. Теперь охотники ждали его скорого возвращения.

"За успех нашего дела!" - сказал про себя боцман, сделав глоток рома. Вскоре моряк крепко заснул.

Настойчивое глухое воркование и полет лесных горлиц[21]

разбудили распростертого на траве боцмана. Он лениво приоткрыл глаза. Серые горлицы как раз исчезли в кустах, как вдруг какой-то коричневато-рыжий зверек в своем отчаянном беге перепрыгнул через боцмана, даже перекувыркнувшись у него на груди. Боцман в испуге вскочил на ноги и увидел, как заяц-беляк[22] исчез в зарослях лимонника.

"Что они, с ума посходили, эти животные? - удивленно пробормотал боцман. - Сегодня они сами лезут мне в руки". Но удивление боцмана быстро сменилось беспокойством: взглянув в сторону, откуда на него выскочил заяц, боцман увидел двух резвящихся медвежат[23].

"Ого, черт возьми! Медвежьи детишки, готовы позвать ко мне в гости свою мамашу!" - подумал боцман, разглядывая ближайшие кусты. Вдруг он замер на месте, его правая рука машинально коснулась ножа, торчавшего за поясом, и крепко сжала рукоятку. В кустах малины бушевала огромная медведица. Мощными лапами она пригибала ветки, или становилась на задние лапы, чтобы губами достать спелую ягоду.

Боцман медленно припал спиной к стволу дерева. Он стоял неподвижно, утешая себя словами Смуги, который как-то уверял, что даже самый сильный медведь нападает на человека только тогда, когда тот его ранит или атакует. Но бежать было тоже нельзя. Это могло только ухудшить положение. Медведица, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, легко догонит самого быстрого бегуна. Вступать с медведицей в единоборство с ножом в руках тоже не было смысла. Боцман стоял перед огромным, отличающимся недюжинной силой зверем, почти безоружным. Правда, ему приходилось слышать, что некоторые сибирские охотники вступали в борьбу с медведем один на один, причем совали ему в пасть левую, обмотанную шкурою, руку, а правой вбивали медведю под лопатку длинный, острый нож, но такая охота требовала большого опыта! Малейшая неосторожность могла повлечь за собой ужасную смерть! Боцман не был трусом и поэтому, несмотря на явное преимущество медведицы, он сжимал в руке рукоятку охотничьего ножа.

Однако медведица не обращала внимания на человека, сидевшего без всякого движения под деревом, но вот резвящиеся медвежата постепенно к нему приближались.

Наблюдая за веселой возней медвежат, боцман в сердцу буркнул: "Чтоб их тайфун унес! Эти малыши готовы втянуть меня в паскудное дело!"

Тем временем медвежата, обхватив друг друга передними лапами наподобие цирковых борцов, очутились совсем рядом с боцманом. В азарте борьбы, они внезапно подкатились прямо к

его ногам. На лбу моряка проступили крупные капли пота, но он продолжал неподвижно сидеть. Вдруг один из медвежат, которого братишка довольно сильно ущипнул за ухо, жалобно пискнул. Огромная медведица повернула к нему свою косматую голову. Потом она тяжело опустилась на все четыре лапы и медленно направилась к детенышам. Из-под полусомкнутых век боцман наблюдал за колышущейся поступью бурого животного.

В конце концов, медведица увидела человека. Возможно это была ее первая встреча с неизвестным существом, потому что она от изумления даже остановилась и встряхнула головой, склоненной к земле. Послышалось глухое рычание и бормотанье. Услышав гневный голос матери, медвежата прекратили свою возню. Быстро и ловко подбежали к ней. Медведица обнюхала детенышей, мордой подтолкнула одного из них к зарослям малинника, второго погнала туда же ударом лапы по заду и, не удостоив боцмана взглядом, побежала вслед за медвежатами.

Несколько минут боцман продолжал сидеть неподвижно. Потом, медленным движением руки достал из кармана бутылку рома. Одним духом опорожнил ее до дна. Глубоко вздохнул.

"Тьфу, ко всем чертям! Меня словно паралич хватил!" - буркнул он. "Видать не суждено мне кончить жизнь в медвежьем брюхе. На этот раз все сошло благополучно, но больше я в тайгу без ружья не пойду!"

Он смахнул рукой пот со лба. Тяжело поднялся на ноги, взял ведерко с ягодами лимонника и, слегка покачиваясь, как ходят все моряки, направился в лагерь. Вскоре он очутился у палаток.

- Куда же это все разошлись? - обратился он к Смуге, оглядывая опустевший лагерь.

Смуга прервал ощипывание рябчиков[24] и ответил вопросом на вопрос.

- А где же это пропадали вы, уважаемый боцман? Кто сегодня должен дежурить на кухне?

- Я ходил собирать ягоды для компота... - оправдывался боцман.

- И при случае вздремнули себе под деревом? - добавил Смуга.

- Это правда. Случилось со мной такое дело, но откуда вы знаете?

- Если принять во внимание количество трофеев и длительность вашего отсутствия, нетрудно об этом догадаться, - с иронией ответил Смуга.

- Оставшись в одиночестве, я кое о чем задумался, и на меня напала сонливость, но вы не волнуйтесь, я раз-два приготовлю обед. Вижу, что вы постарались раздобыть рябчиков. Это весьма

вкусная птица, прямо-таки лакомство!

- Нет, это не я подстрелил рябчиков. Их привез Нучи, - сказал Смуга.

- Неужели он вернулся во время моего отсутствия? А куда делись остальные?

- Нучи приехал час тому назад. Уговорил всех отправиться поохотиться на изюбров, которых он обнаружил вблизи лагеря. Я тоже охотно пошел бы с ними, но кому-то следовало остаться в лагере.

- Да, значит, мы, наконец, отправимся в Нерчинск, - обрадовался боцман.

- Завтра начнем сборы, - подтвердил Смуга.

- Вот и у нашего Томека улучшится настроение. В последнее время он совсем похудел с тоски, и даже стал меньше говорить. Как вы думаете, удастся ли нам освободить того беднягу?

- Ведь это единственная цель нашего приезда в сибирскую глушь. Мы сделаем все, что от нас зависит, чтобы освободить Збышека.

- Лишь бы нам посчастливилось! У меня прямо сердце на части разрывается, когда я вижу Томека опечаленным. Замечательный паренек! Хорошо, что он пошел на охоту, это его развлечет. Ну, если уж нам удастся заполучить ссыльного в свои руки, то мы никому его не отдадим.

- Говорите тише, боцман. Хотя мы тут и одни, но никогда не знаешь, где скрывается опасность, - предупредил Смуга.

- Вы правы, конечно, правы! Однако говорить шепотом среди такого шума прямо-таки невозможно. Почему животные в клетках сегодня ведут себя так беспокойно? Взбесились они, что ли?!

Боцман некоторое время внимательно рассматривал клетки с находившимися в них тиграми. Действительно, животные вели себя беспокойно, громко рычали и бились своими полосатыми телами о прутья клетки.

- Хорош из вас укротитель, нечего сказать! Вы плохо играете свою роль, слишком мало занимаетесь тиграми, - заметил Смуга. - Вы должны больше интересоваться животными, иначе можете возбудить подозрение у агента. Помните о том, что он за всеми нами внимательно наблюдает!

- Значит, я плохо играю свою роль - не так ли?! Но идея сделать из меня укротителя тоже несуразная, - возмутился моряк. - Вы же знаете, что я не люблю возиться со скотиной.

- Любите, не любите - дело ваше. Но нельзя подвергать нас опасности из-за всяких капризов. Животные волнуются, потому что Томек наверняка не дал им свежей воды.

- Вы, пожалуй, ошибаетесь. Наш паренек любит иногда

пошалить, но за тиграми он ухаживает как нянька за детьми во время прогулки по Саксонскому саду[25].

- Спешил на охоту - мог и забыть, - сказал Смуга. - Проверьте, боцман, есть ли у них вода!

Моряк направился к клеткам с животными.

- Действительно, ведра совсем пустые, - пробурчал он под нос; схватил одно из ведер и побежал к ручью.

Вскоре он наполнил поилки в двух клетках и присел на корточки перед третьей.

- У тебя же еще есть вода, чего же ты мечешься по клетке, как полоумный? - ворчал моряк, заглядывая в клетку сквозь прутья.

Он наблюдал за поведением разъяренного животного. Тигр беспокойно метался из угла в угол, бился боками о прутья клетки и гневно рычал.

- Влепить бы тебе кусок свинца в башку, сразу бы успокоился, - сказал боцман.

В этот момент тигр внезапно прыгнул на прутья клетки. Боцман быстро отпрянул.

- Можно подумать, что бестия понимает человеческую речь, - удивился моряк. - Отойди-ка, а то оставлю тебя без воды и будешь сидеть с языком вывешенным до земли!

Тигр несколько отступил. Боцман подошел к клетке, наклонил ведро, чтобы долить воды в поилку, как вдруг тигр подскочил и ударил лапой по посудине с такой силой, что вода брызнула укротителю в лицо. От неожиданности боцман выпустил ведро из рук. Наклонив голову, он стал вытирать мокрое лицо.

Пораженный этим происшествием, боцман долго не мог выговорить ни слова. А тем временем тигр просунул между решеткой лапу и стал отодвигать задвижку, которой была заперта дверь клетки.

"Что это с ума я сошел, или пьян?" - подумал боцман, шаг за шагом отступая от клетки.

Тигру удалось отодвинуть задвижку и отворить дверь. Полосатая бестия выскользнула из клетки. Одним прыжком боцман очутился возле дерева, на одной из веток которого висела винтовка, схватил ее, прицелился и спустил курок. Металлический щелчок иглы, ударившей в пустоту, свидетельствовал о том, что винтовка не была заряжена.

- Будьте осторожны, Ян! - крикнул боцман, отбрасывая бесполезную винтовку. В его руке блеснуло лезвие охотничьего ножа.

Но тигр не спешил нападать на отважного охотника. Он медленно встал на задние лапы и сказал человеческим, очень

знакомым боцману голосом:

- Не бойся, морячок, а тебя не съем, хотя у меня в кишках уже давно урчит от голода!

Смуглое лицо моряка посерело от возмущения. Он выпрямился и вложил нож в ножны. Из-под шкуры тигра показалось лицо Томека.

Проглотив набежавшую слюну, боцман процедил сквозь зубы:

- Ну, ну, неплохо вы позабавились на мой счет!

- Мы очень извиняемся перед вами, боцман и клянемся, что это вовсе не была шутка, - серьезно сказал Смуга. - Это была генеральная репетиция, попытка выяснить, можно ли укрыть ссыльного в клетке, надев на него тигровую шкуру.

- Превосходно! Попытка увенчалась успехом! - восклицал Томек, сбрасывая с себя тигровую шкуру. Он подбежал к изумленному моряку, обнял его, потом проделал тоже со Смугой и спросил: - Довольны ли вы?

- Конечно, Томек! - ответил Смуга. - Если нам удалось провести такого молодца, как боцман, то можно считать твою идею выдержавшей самый суровый экзамен.

- Павлов побоится подходить к клеткам, - говорил Томек. - Другое дело боцман! У меня мороз пробежал по коже, когда он схватил винтовку, а потом достал нож. Даже настоящий тигр мог бы испугаться.

Чувствительный к лести моряк посветлел лицом и буркнул;

- Ну что ж, раз дело обстоит так, я не могу на вас сердиться. Чтобы освободить несчастного ссыльного, я охотно дам обмануть себя несколько раз. Но вы молодцы что надо! Действительно, фокус с тигром - это первоклассная идея! Если такой опыт провести с этим подлецом Павловым, его кондрашка на месте хватит! Я уже стал было думать, что сегодня вся дикая скотина на меня ополчилась. Если бы не медвежата, то я мог бы подумать, что и медведица в тайге была переодета...

- А что, у вас была какая-то встреча с медведями? - поинтересовался Томек.

- Да так, ничего особенного, сущая мелочь! При случае расскажу. Но откуда вы достали шкуру?

- Томек убил тигрицу, бродившую вокруг лагеря, а Нучи, под предлогом будто отводил домой раненых собак, взял ее к себе и выделал как надо, - пояснил Смуга.

- Наверно, это было тогда, когда ты ночью стрелял в тайге, а твой уважаемый папаша потом ругал тебя за это, - догадался боцман. - Но в таком случае вы должны были посвятить в тайну Нучи. А что будет, если он нас предаст?!

- Успокойтесь, во-первых, я ему не все сказал. Во-вторых, это

верный человек, и не меньше нас ненавидит жандармов.

- Конечно, это человек, достойный доверия, раз Серошевский[26] вспоминал о нем твоему отцу, - сказал Смуга.

- Думаю, что вы правы, я тоже знаю Серошевского, - похвалился боцман. - Еще подростком, в Варшаве, я работал учеником слесаря в железнодорожных мастерских. Там я видел Серошевского и Варыньского[27], когда они вели агитацию в пользу социализма. Каждый из них был, пожалуй, не старше восемнадцати лет, а говорили они, как профессора. Башковитые парни и настоящие патриоты!

- Вот, поэтому царь их и преследует, - добавил Томек. - Ну, ну, боцман, я и не подозревал, что у вас такие выдающиеся знакомые! Вацлав Серошевский из ссыльного превратился в писателя и заслуженного исследователя Азии, а Людвик Варыньский, за то, что основал первую польскую рабочую партию, вместе с пятью товарищами был приговорен к виселице.

Боцман печально покачал головой и сказал:

- Я прекрасно помню судебный процесс членов партии "Пролетариат", на котором судили Варыньского. Хотя ему тогда удалось избежать смертной казни, но он и так погиб в тюрьме. А вот Серошевскому повезло! Он пятнадцать лет прожил в Сибири! Мне приходилось даже читать его книгу о якутах, за которую царь разрешил ему вернуться на родину. Ну, если Серошевский рекомендовал Нучи твоему отцу, то, пожалуй, ему можно доверять.

- Я, конечно, предпочитал бы не посвящать чужих в наши планы, но в этом положении помощь со стороны Нучи может быть нам очень полезна.

- Если бы вы слышали мою беседу со старым следопытом, вы перестали бы опасаться. Я ему верю! - горячо убеждал друзей Томек.

- Не возражаю, на союзников у тебя есть нюх, - согласился боцман.

- Ну, друзья! Довольно разговоров! - прервал их беседу Смуга. - Скоро могут вернуться наши. Давайте примемся за работу! Томек, ты хорошенько спрячь тигровую шкуру во вьюках, а вы, боцман, готовьте обед, а то мы все порядком проголодались.

Вскоре из котла, подвешенного над огнем, поплыл аппетитный запах. Боцман с поварешкой в руках просто двоился и троился, готовя обед и одновременно забрасывая друзей вопросами.

- Хитро это вы придумали, ничего не скажешь! - вполголоса говорил он. - Сидя в клетке, Збышек сможет с успехом разыгрывать тигра, но даже Павлов сразу начнет сомневаться,

если у нас появится новый тигр, которого мы не поймали. Как мы ему это объясним?

- Павлов ничего не заметит, потому что мы украдкой выпустим одного настоящего тигра из клетки, - пояснил Томек.

- Хорошо, боюсь только, долго ли выдержит Збышек в этой шкуре. Не задохнется ли он в ней.

- Придется ему некоторое время помучиться, - ответил Томек. - Как только мы спрячем Збышека в клетку, сразу же свернем лагерь и отправимся в Хабаровск, погрузим там животных в отдельный товарный вагон, где будем посменно дежурить. Никого чужого туда не допустим, поэтому Збышек почувствует себя, как на свободе.

- Правда, правда, мне это не пришло в голову. - обрадовался боцман. - А если во время остановки кто-нибудь станет совать нос в наши дела, то я палкой подразню настоящих тигров, и те так зарычат, что у любопытного поджилки затрясутся.

В таких беседах и фантастических предположениях время проходило совсем незаметно. В конце концов, боцман ударил ложкой по сковороде и заявил, что обед готов.

- Что-то наши долго не возвращаются, - сказал Томек, с нетерпением поглядывая на дымящийся котел. - Я проголодался и не знаю, стоит ли нам их ждать?

- Думаю, что твой отец и Удаджалак нарочно тянут с возвращением, чтобы предоставить нам больше времени на пробу с переодеванием. Боцман, давайте обед, потому что и мне захотелось есть, - ответил Смуга.

- Будем есть, да поскорее, потому что скоро дождь зальет огонь, - заявил боцман, с тревогой глядя на небо. - Лишь бы только наши успели вернуться перед бурей!

- Вы думаете, будет буря? - встревожился Томек, расставляя на столе жестяную посуду. - По-моему, ничто не указывает на перемену погоды.

- Что может знать о погоде такая сухопутная крыса, как ты? - свысока ответил Томеку боцман. - Помни, браток, что у матросов глаза и нос лучше любого барометра. Я чувствую резкое изменение давления. Из-за леса мы не видим горизонта и не замечаем той черной тучи, которая быстро заволакивает южную часть неба. Приближается буря, притом немалая.

Друзья быстро доели фасолевый суп и рагу из рябчиков с ржаными сухарями и салом, и стали проверять крепления палаток, укрепляя узлы расчалок, привязанных к колышкам, вбитым в землю. Потом охотники согнали лошадей, привязали их веревками к телегам, а котлы с супом вкопали в землю в центре самой большой палатки.

Не прошло и часа, как резкое дуновение ветра пронеслось по тайге; верхушки деревьев закачались. Трое друзей ежеминутно с тревогой смотрели в южном направлении, откуда должны были прийти их товарищи. Успеют ли они вернуться перед бурей? В этой части азиатского континента в конце лета мощные, теплые морские массы воздуха часто встречаются со слабыми, холодными континентальными течениями. Образуется район низкого давления, называемый циклоном, причем ветры дуют к этому району со всех сторон в направлении, противоположном движению часовой стрелки. Циклоны, несущиеся с юга на север, приносят значительные ливни и порывистые ветры, которые наносят иногда большой вред. Во время такого циклона очень опасно находиться в тайге, потому что ураганный ветер валит деревья на больших площадях.

На дворе внезапно потемнело, хотя до заката солнца было еще довольно далеко. Небо покрылось черными тучами. Ветер усилился.

- Как вы думаете, Смуга? Не стоит ли привязать клетки с тиграми к деревьям? - воскликнул боцман.

- Почему они так долго не возвращаются? - тревожился Томек, готовя веревки. - Лишь бы с ними не приключилось ничего плохого в тайге во время бури!

- Не бойся, с ними Нучи, а он их в обиду не даст, - утешил его Смуга.

- Я согласен с вами, но все-таки было бы лучше, если бы они уже вернулись, - тяжело вздыхая, сказал Томек.

Не успели они как следует укрепить клетки, как порывы ветра донесли к ним из глубины тайги звуки выстрелов.

- Это наши! Они пытаются укрыться от бури, покажем им направление! - крикнул Томек.

Побежали к палаткам за винтовками. Через минуту раздались три залпа, один за другим. Им ответили выстрелы в тайге, уже значительно ближе.

Черную тучу на небосклоне прорезала яркая молния. При ее свете три наших друга увидели свору собак и группу всадников, выезжающих из леса на поляну.

- Если бы не Нучи, мы ни за что не нашли бы лагеря, - воскликнул Вильмовский, соскакивая с лошади.

- Наконец-то вы вернулись, а мы уже беспокоились о вас, - говорил обрадованный Томек, помогая отцу расседлать лошадь.

Вильмовский обнял сына и, интересуясь событиями, происшедшими во время своего отсутствия, шепотом на ухо спросил:

- Ну, как получилось с тигром?

- Очень хорошо, папа, - ответил юноша, обнимая отца.

Вильмовский удовлетворенно улыбнулся.

На поляну упали первые крупные капли дождя. Глухой гром прокатился с юга на север. Ветер подул с силой урагана. Он рванул кроны деревьев, стал сгибать столетние стволы. Прорываясь между деревьями, ветер свистел и выл; иногда на минутку переставал дуть, словно собирался с силами, но потом с двойным бешенством ударял по тайге. Девственный лес мужественно сопротивлялся буре. Тайга судорожно впивалась корнями деревьев в землю, подставляя ветру стройные, гибкие стволы. В лесу то и дело раздавались раскаты грома, слышался жалобный вой ветра, который иногда превращался в триумфальный грохот, когда на землю падало сломленное бурей, дерево.

Пожалуй, сразу три грозных стихии объединились, чтобы уничтожить тайгу. Ураган рвал ее, как когтями, гнул деревья до самой земли, ливень вымывал землю из-под корней деревьев, а молнии жгли их огнем. Тайга дрожала от страшных ударов, деревья почти ложились на землю, но после каждого удара поднимались вновь и бесчисленными вершинами, словно копьями грозили разгневанному небу.

Для охотников это была тяжелая, тревожная ночь. К счастью, девственный лес, окружавший лагерь, ослаблял удары вихра. Все же им пришлось до рассвета спасать имущество, потому что ветер срывал палатки, переворачивал телеги, поднимал в воздух лагерное оснащение и утварь.

Буря утихла только к утру; ветер ослабел, ливень превратился в мелкий дождь.

Измученные звероловы кое-как привели лагерь в порядок и легли отдохнуть.

V
Капитан Некрасов

Караван звероловов три дня пробирался через размокшую после ливня тайгу, пока добрался до левого берега Амура[28], четвертой по величине реки Сибири. Смуга распорядился разбить лагерь у небольшой речной пристани, к которой причаливали суда, чтобы пополнить запас дров, которыми в те времена питались судовые котлы.

Путешествовать на пароходе по реке было значительно удобнее, чем трястись на телегах по плохим дорогам. Во-первых, во время такого путешествия можно было высмотреть и выбрать на берегу реки соответствующее место под лагерную стоянку, во-вторых, добыть пищу для тигров и корм для лошадей, потому что пароход, по требованию путешественников, можно было остановить в любом месте.

Речная пристань состояла из небольшой дощатой платформы, уложенной на трех старых баркасах. Рядом с пристанью на берегу стояло несколько жалких шалашей, покрытых кедровой корой, в которых ночевали китайские рабочие, заготовлявшие и грузившие дрова на суда. Речные пароходства часто нанимали жителей соседней Маньчжурии для рубки леса, так как жившие на берегу Амура шилкинские, амурские и уссурийские казаки неохотно занимались этой работой.

От китайцев наши охотники узнали, что завтра ожидается два парохода: вниз по реке пойдет пассажирско-грузовой, а вверх - почтово-пассажирский.

Это не очень обрадовало путешественников; экспедиции нужен был простой грузовой пароход, идущий вверх по реке порожняком. Поэтому звероловы решили ожидать вблизи пристани более удобного случая.

Нучи и его сыновья вместе с Удаджалаком занялись устройством лагеря, а белые охотники, воспользовавшись вынужденным отдыхом, повели беседу с китайскими рабочими.

Они работали весь день, от восхода до заката солнца, валили деревья в тайге, пилили их на дрова необходимой длины, кололи их, укладывали на берегу возле пристани и грузили на останавливающиеся суда. Стремясь отложить кое-что на черный день из нищенских заработков, они добывали себе пищу кто как умел. Поэтому короткие минуты отдыха уходили у них на ловлю рыбы, которой - к счастью для прибрежных жителей - в Амуре и в его притоках насчитывается девяносто девять видов[29].

Благодаря щедрости Амура, китайцы питались широко распространенными тут миногами, тайменями, линками, амурскими хариусами и встречающимися в Амуре рыбами из семейства карповых - амурским сазаном, а из сомовых - касаткой-скрипуном и китайским змееголовом, осетровыми рыбами Амура: амурским осетром и калугой[30].

Несмотря на это, бедные кули бывали сытыми только тогда, когда начиналась путина лососевых[31], то есть ход рыбы из моря к истокам рек на икрометание. Тогда почти все жители прибрежных селений превращались в рыбаков. Из Охотского моря шла кета, из Японского - горбуша. Путина, состоящая из огромного количества рыбы, простиралась на расстояние 500 до 1000 км вверх по Амуру и его притокам вплоть до мелких горных ручьев. Во время путины рыбу можно было брать прямо руками. После нереста почти вся рыба погибала, и вода выбрасывала мертвую рыбу на мели, где она гнила и удобряла почву.

Во время путины жители Приамурья готовили запасы сушеной рыбы, которая служила им пищей. Вблизи селений по всему берегу Амура тогда расставлялись длинные ряды специальных заборов, увешанных блестящими розовато-желтыми полосами лососины.

Китайцы, одетые в латаные голубые куртки, штаны и шляпы, сделанные из бересты, любезно давали путешественникам объяснения на ломаном русско-китайском жаргоне.

Сообщение кули подтвердилось. Еще до полудня к пристани причалил, идущий вверх по реке, почтово-пассажирский пароход "Вера", принадлежащий Компании амурского пароходства. Пока кули грузили дрова, путешественники, приглашенные капитаном на чашку чая "с огоньком", как называл капитан добавку арака к чаю, вошли на палубу парохода.

Все пассажиры первого и второго классов столпились у борта. Среди них были богатые купцы из Сретенска и Нерчинска, военные, едущие в отпуск, простые казаки, православный священник с длинной, седой бородой, который воспользовался случаем и стал собирать пожертвования на свою церковь, жены офицеров из Владивостока, едущие в Нерчинск, несколько бурятов и группа эвенков и удэгейцев.

Все они с любопытством смотрели на лагерь звероловов, и когда те появились на палубе, окружили их плотным кольцом. Посыпались приветствия и вопросы. Томек стал оживленно беседовать с купцом из Нерчинска, но Вильмовский шепнул ему, чтобы он ни о чем не спрашивал. Сыщик Павлов внимательно прислушивался, и каждое неосторожно сказанное слово могло возбудить у него подозрения. Капитан Крамер, немец по

происхождению, сам того не зная, избавил охотников от настойчивой толпы, пригласив их в свою каюту. Они уселись за продолговатым столом, на котором сразу же появились две бутылки арака и пышущий жаром самовар.

После первого знакомства Крамер спросил Вильмовского, почему экспедиция остановилась в столь пустынном месте. Услышав ответ, он хлопнул рукой по колену и сказал:

- Ваше счастье, господа! На рассвете я обогнал буксир "Сунгач" с двумя баржами. У капитана "Сунгача" настроение неважное, потому что по распоряжению купца Нашкина он едет в Сретенск за мехами, почти порожняком, лишь с мелким грузом рыбных консервов.

Как только Крамер упомянул фамилию Нашкина, заинтересованные звероловы обменялись друг с другом многозначительными взглядами. Хитрый боцман, чтобы отвлечь внимание Павлова от беседы, что-то шепнул ему на ухо. Павлов повеселел и согласно кивнул головой, тогда боцман наполнил свой стакан и стакан Павлова чистым араком. Вильмовский это сразу заметил и, воспользовавшись тем, что занятые собой боцман и Павлов стали чокаться стаканами, сказал:

- Это в самом деле было бы для нас счастливым стечением обстоятельств. Лишь бы только капитан "Сунгача" согласился взять нас на борт.

- Согласится, я уверен, - ответил Крамер с иронической улыбкой. - Такие как он умеют ждать и никогда не спешат. Это бывший каторжник!

- Спасибо за ваши сведения, - сказал Вильмовский. - Мне будет легче разговаривать с ним.

- Он согласится, ему необходимы деньги, - продолжал Крамер. - В Сибири никто не отталкивает руку с государственными кредитными билетами. Это страна, где все возможно и где царят... взятки. Не подмажешь - не поедешь!

Вильмовский молчал, а вместо него в беседу вмешался Смуга:

- Еще во Владивостоке мне приходилось слышать о Нашкине. Если не ошибаюсь, он торгует мехами. Однако мне говорили, что он живет в Нерчинске.

- Верно, вам сказали правду, Нашкин живет в Нерчинске, притом в великолепнейшем дворце, который он купил у Бутина после банкротства его золотых россыпей. Нашкин - могущественнейший финансовый воротила Сибири, - пояснил Крамер. - Фактории Нашкина разбросаны по всей Восточной Сибири. У него есть отделение также и в Сретенске, откуда начинается навигация по Амуру.

- Ну и черт с ним, с этим Нашкиным! Ваше здоровье,

господин капитан, - сказал Смуга, поднимая свой стакан.

- За здоровье дорогих гостей! - воскликнул Крамер.

Вскоре обе бутылки арака опустели. Китайцы погрузили дрова. Крамер неохотно прощался со звероловами, говоря им, что служба не дружба, особенно на почтовом пароходе.

- Другое дело такой "Сунгач", - сказал капитан, горячо пожимая руки боцману, которого он считал настоящим немцем. - Капитан "Сунгача" может ждать вас день, два и даже целую неделю, если только ему за это заплатить. Ну, желаю вам успешной охоты!

Гости сошли на пристань, "Вера", протяжно гудя, отчалила и, выбрасывая из пароходной трубы искры, вскоре исчезла за поворотом реки. Воспользовавшись тем, что Павлов заинтересовался китайцами, звероловы отошли в сторонку, чтобы поговорить на свободе.

- Глупый немец дал нам важные сведения, - начал разговор боцман. - У меня даже дух захватило, когда он упомянул о Нашкине.

- Жаль, что мы не могли подробнее его расспросить, - вмешался Томек. - Если говорить правду, у меня уже чесался язык...

- Жалеть нечего, - заметил Смуга. - У Нашкина, конечно, много работников. Я сомневаюсь, интересовал ли Крамера ссыльный, который, наверное, не получил никакой важной должности.

- Ты прав, Ян, - сказал Вильмовский. - С каким же презрением он говорил о капитане "Сунгача", как о бывшем каторжнике!

- Возможно, у капитана мы узнаем больше, - сказал Томек.

- Не советую касаться того, что нас интересует, - сказал Смуга. - Мы доподлинно знаем, что Нашкин живет в Нерчинске. Это весьма важное известие. Мы все глубже и глубже лезем в волчью пасть. Один не слишком продуманный ход или даже слово могут повлечь за собой наше поражение.

- Я с тобой полностью согласен, Ян. Ты начальник экспедиции, остальные пусть прислушиваются и... молчат, - твердо заявил Вильмовский.

- Согласен, вполне согласен, - подтвердил боцман. - На пароходе я не вмешивался в разговор с этим немцем, а только занялся сыщиком, чтобы он вам не мешал.

- Должен признать, боцман, что вы, несмотря на свой темперамент, ведете себя почти образцово, - похвалил Смуга. - Ну, а если бы вы перестали подтрунивать над Павловым, было бы совсем хорошо.

- Иной раз я сам себе прикусываю язык, но это очень тяжелый

вопрос, потому что у меня руки чешутся, как только увижу этого негодяя. Он не одного из наших уже выдал! Забавно то, что его лисья морда все время кажется мне почему-то удивительно знакомой... Видимо, все сыщики похожи друг на друга, а я на своем веку порядком на них насмотрелся.

Вильмовский внимательно посмотрел на моряка, задумался и насупил брови, но не сказал ни слова. Ему тоже показалось, что он откуда-то знает сыщика.

Спустя два часа к пристани подошел пассажирско-грузовой пароход "Онон". Как и раньше, китайцы быстро погрузили дрова, и "Онон" отправился вниз по реке.

Звероловы напрасно поджидали прибытия "Сунгача". Спустилась ночь. Кули наловили рыб, поджарили их на кострах, съели, искупались в реке и исчезли на ночь в шалашах. На страже остались только два старика.

На рассвете сторожа разбудили путешественников. К пристани подходил "Сунгач". Наскоро одевшись, звероловы выбежали на берег.

Вверх по реке шел старый двухмачтовый буксир американского типа, с длинной и высокой надстройкой, возвышавшейся над палубой. Буксир тянул за собой две баржи, соединенные друг с другом бортами. Вблизи пристани буксир уменьшил скорость, чтобы ослабить канат, после чего отцепил баржи.

Освобожденные баржи сперва остановились на середине реки, потом стали плыть вниз по течению, но "Сунгач" на всех парах ловко окружил их и пристал к баржам левым бортом. С барж на буксир перешли люди. Через минуту "Сунгач" с баржами у борта пристал к берегу.

Глазами знатока боцман наблюдал за ловкими маневрами буксира и одобрительно кивал головой.

- Молодец капитан, славно действует, особенно если учесть, что он бывший каторжник! - похвалил боцман. - Но Крамер не солгал, потому что, если судить по осадке, обе баржи идут порожняком.

- Тем лучше для нас, - вмешался Вильмовский. - Ян, пожалуй, вести переговоры с капитаном следует тебе?

- Хорошо, я поговорю с ним, - согласился Смуга.

Тем временем буксир медленно подходил к пристани. Полуобнаженные матросы бросили швартовы. Кули ловко набросили их на рымы[32]. В окне капитанской рубки показалось лицо рыжебородого человека. Он с трудом протиснул широкие плечи в иллюминатор и оперся локтями о подоконник.

Кули на русско-китайском жаргоне хором его

приветствовали. Капитан важно кивнул им головой.

- Ну как, ребята, дрова готовы? Можете начать погрузку? - спросил капитан по-русски.

- Уже, капитан, уже! - хором ответили кули.

- Ну, так беритесь за работу! - воскликнул капитан, мягко улыбаясь китайцам.

Смуга сошел на платформу пристани и снял кожаную шапку, обшитую по околышку мехом.

- Здравствуйте, господин капитан, можно ли с вами поговорить насчет одного дела? - спросил он.

Небрежным движением капитан поднял правую руку к козырьку клеенчатой фуражки, внимательным взглядом окинул Смугу, осмотрел группу мужчин, стоявших вблизи. После довольно длительной паузы он ответил:

- Только у вас ко мне дело, или у этих господ тоже?

- Дело касается нас всех, - ответил Смуга.

- Хорошо, я сейчас сойду к вам.

Капитан исчез, но тут же его огромная фигура показалась на сходнях. Он медленно сошел на палубу, а потом неожиданным, ловким прыжком перескочил через борт судна и очутился на пристани.

- Слушаю вас, - обратился он к Смуге.

Смуга повел его к друзьям.

- Познакомьтесь, это господин Броун, английский подданный, препаратор чучел животных, - говорил он, показывая Вильмовского. - Наш юный друг, Томаш Вильмовский, путешественник и зверолов, а это - господин Броль из Германии, укротитель животных. Мы участники охотничьей экспедиции, организованной фирмой Гагенбека. Кроме нас, в экспедиции участвует стрелок из Индии, господин Удаджалак, четыре следопыта гольда и... еще один господин... господин Павлов, приставленный к нам в качестве опекуна хабаровским исправником.

- Очень приятно познакомиться с таким международным обществом, - ответил капитан, не называя своей фамилии. - Чем могу служить?

- Мы хотели бы нанять ваше судно для перевозки экспедиции в район Благовещенска, где мы собираемся заняться ловлей местных птиц.

- Гм, неудобный груз... Тигры, лошади, собаки, телеги, люди и... господин Павлов, - громко перечислял капитан, рассматривая лагерь путешественников.

- Мы сделаем все возможное для того, чтобы не причинить вам лишних хлопот, - вмешался Вильмовский.

- К сожалению, я не смогу разместить вас всех в каютах "Сунгача", - сказал капитан.

- Нам это нисколько не мешает, ведь и без того часть наших людей должна находиться на баржах рядом с животными, - любезно добавил Смуга.

- Гм, мне необходимо обдумать ваше предложение, - с явной неохотой в голосе ответил капитан.

Потерявший терпение боцман, подошел к Смуге и довольно громко сказал по-польски:

- Если бы на моей калоше появился такой спесивец, то он в три мига очутился бы за бортом. Предложите ему монету, он сразу же станет мягче!

- Не мешайте, боцман, - шепнул Вильмовский.

Капитан "Сунгача" стоял задумавшись, слегка склонив голову на грудь. Вдруг он заглянул боцману прямо в глаза, подошел к нему так близко, что грудью коснулся груди боцмана.

- Это что, в Германии такие обычаи, что боцманы бросают за борт капитанов? - вызывающе спросил капитан, тоже на польском языке. - Со мной не так-то легко справиться!

- Не вводи меня в искушение, браток, - проворчал боцман, прямо в лицо капитану.

Тот расхохотался и воскликнул:

- Ну, наконец мы договорились! Немец и англичанин говорят по-польски. Очень интересное общество. Не удивляюсь, что исправник включил в его состав своего шпика! Однако, если господин Броль, укротитель животных, он же боцман, хочет выбросить меня за борт, я готов предоставить ему для этого случай. Грузите, господа, свой табор на баржи. Раз вы поляки, то мы как-нибудь потеснимся, а ваши паспорта меня мало интересуют. Насчет денег поговорим позже!

- Спасибо, вам, господин... извините, я недослышал вашу фамилию, - сказал Смуга, придержав капитана за руку.

Капитан помрачнел, прищурил глаза и вызывающе ответил:

- Анастасий Петрович Некрасов, к вашим услугам, бывший матрос Балтийского флота, приговоренный к пятнадцати годам каторги за контрабандную перевозку нелегальных листовок в Петербург. Нужны ли вам еще какие-нибудь рекомендации? На каторге в Каре я сидел вместе с Коном, Рехневским, Маньковским, Дулембой и Лурия[33].

- Нам не нужны рекомендации, капитан! Неужели вы на каторге научились так хорошо говорить по-польски? - спокойно спросил Вильмовский.

- Нет, этот язык был мне знаком и раньше, - ответил капитан и, словно внезапно забыв польский язык, начал по-русски

обсуждать подробности погрузки имущества экспедиции на баржи.

К группе беседующих мужчин подошли нанайцы, а потом из палатки показался Павлов. Некрасов приветствовал его, приложив руку к козырьку фуражки, как видно, не заметив протянутую ему руку, потому что повернулся лицом к реке и пригласил звероловов осмотреть судно.

VI
По Амуру на пароходе

Во время плавания на пароходе по Амуру звероловы мало видели капитана "Сунгача". Дни стояли погожие и теплые. Благодаря этому путешественники большую часть дня могли проводить под открытым небом на баржах, рядом с животными. Только во время обеда все сходились в кают-компанию, но тогда, в основном, они вели вежливые разговоры на русском языке.

Некрасов держал себя со звероловами любезно, но несколько свысока. Не навязывал пассажирам беседу, никого ни о чем не спрашивал. Явное пренебрежение он проявлял только по отношению к Павлову. Если капитану не удавалось миновать его, он бросал на агента холодные взгляды.

Звероловы наблюдали за капитаном. Все говорило о том, что это был революционер, закаленный в борьбе с царизмом. Своим поведением он возбуждал доверие; даже Нучи, который презирал Павлова, о Некрасове говорил: "капитан хороший глаз, свой человек".

Сдержанность Некрасова была звероловам на руку. Находясь в другом положении, они, конечно, постарались бы познакомиться с ним поближе, но в этом рискованном путешествии они предпочитали избегать близкого общения с лицами подозрительными для полиции. Ведь Павлов непрестанно следил за капитаном глазами, откровенно подслушивал его разговоры. По приказанию Смуги верный Удаджалак продолжал наблюдать за каждым шагом шпика, поэтому звероловы могли не опасаться сюрпризов с его стороны.

"Сунгач" медленно шел вверх по реке. Вода стояла довольно высоко, как это бывает здесь всегда в период муссонных дождей. Берега становились все круче и круче, пока, наконец, каменные вершины гор совсем не закрыли горизонт. Как раз в этом месте Амур прорывался через Буреинский хребет. Буксир вошел в извилистый рукав. Течение становилось сильным. Грозные и одновременно живописные скалы иногда вырастали прямо по курсу судна, но "Сунгач", направляемый опытной рукой, избегал опасных встреч с ними.

У руля на капитанском мостике стоял сам капитан Некрасов. Он спокойно смотрел на крутые, покрытые лесом берега, словно видел их впервые. В уголке рта у него торчала погасшая трубка. Звероловы тоже не уходили с палубы: они были очарованы Сибирью, хотя раньше само это название вызывало у них чувство

безграничного ужаса.

Прорвавшись через горный хребет, река стала шире, расширилась и ее пойма. Отдельные горные цепи отступили от реки, а прибрежные скалы, время от времени встречавшиеся по пути, напоминали развалины древних замков. Течение успокоилось, прозрачная как слеза вода становилась мутной в устьях притоков, которые несли с собой большое количество ила. Видимо, поэтому река и была названа Амуром, или Черной рекой.

Время шло... Буксир, пыхтя, поднимался вверх по реке. Однообразная равнина, кое-где украшенная елями или карликовой сосной, указывала на близость Благовещенска. Этот город был центром Амурской области, управляемой вице-губернатором, в канцелярии которого путешественники должны были оформить документы на право пребывания в Сибири. Для этого капитан Некрасов по просьбе Смуги согласился на некоторое время остановиться в Благовещенске.

Когда до города оставалось не больше суток пути, охотники решили устроить небольшой прием в честь капитана. Некрасов не только дал свое согласие, но и отрядил в их распоряжение своего повара. Само собой разумеется, что боцман в качестве известного гурмана взял дело подготовки к предстоящему пиру в свои руки. С самого утра он шарил во вьюках и около полудня явился на кухню с целой корзиной различных продуктов. Из других путешественников один только Томек, пользовавшийся специальными привилегиями у боцмана, был допущен к тайнам готовившихся яств.

Когда настал вечер, капитан поставил судно на якорь вблизи берега. Весь экипаж и пассажиры собрались в кают-компании. Некрасов не щадил усилий, чтобы вызвать у гостей приятное настроение, но все его старания оказались напрасными. Хитрое выражение лица Павлова, бегающие, неспокойные глаза которого исподлобья следили за присутствующими, отбивало у гостей настроение и аппетит.

Не в своей тарелке был и боцман. Он целый день старался достичь вершин кулинарного искусства, но все его труды не приносили желаемого результата. Званый обед больше напоминал поминки, чем веселый пир. Кроме того, по странному стечению обстоятельств Некрасов посадил Павлова рядом с боцманом. Правда, по другую сторону моряка сидел Томек, но все равно свободно беседовать они не могли. Они только обменивались многозначительными взглядами и, подобно другим гостям, время от времени бросали какое-нибудь ничего не значащее слово.

Томек скучал, хотя до этого он с большой радостью ожидал

вечернего пира. Юноша надеялся, что в непринужденной обстановке ему удастся спокойно поговорить с Некрасовым, а оказалось все не так... Таким образом, как только обед подошел к концу, экипаж "Сунгача", нанайцы и Удаджалак с удовольствием покинули кают-компанию и вышли на палубу.

- По крайней мере, они смогут свободно поговорить, - буркнул боцман, обращаясь к Томеку.

Томек кивнул головой. Он о чем-то сосредоточенно думал, потом незаметно подтолкнул друга локтем и шепнул:

- Почаще наполняйте рюмку Павлова!

- Да ты с ума сошел?! Водки на него жалко, - возмутился боцман.

- Дайте ему ее досыта, и он уйдет отсюда!

- Не такой он дурак! Он только губы смачивает водкой...

- Надо его заставить напиться. Послушайте... - наклонился Томек к боцману, который сначала покраснел от возмущения, а потом вдруг повеселел и согласно кивнул головой.

Боцман громко кашлянул. Все с интересом посмотрели в его сторону.

- Мы вот сидим, повесив носы, словно неприкаянные..., - начал он.

Павлов привстал так резко, что чуть не сбросил на пол тарелку. Сыщик впился глазами в губы боцмана, чтобы не пропустить ни одного слова. На лицах Смути и Вильмовского отразилось явное беспокойство, а удивленный Некрасов неуверенно посмотрел на боцмана.

- Что ж, уважаемые господа, мы нагрешили довольно, но лучше признать свою вину и... исправить ошибку, - торжественно продолжал моряк.

- Напился, первый раз в жизни, - недовольно шепнул Вильмовский.

- Нет, скорее с ума сошел, - прошипел Смуга.

Только Томек спокойно слушал речь своего друга, искоса посматривая на присутствующих. А боцман продолжал:

- Да, да, мы забыли, что надо отдавать "господнее господу, а кесарево кесарю"! Мы должны немедленно исправить допущенную нами ошибку! Я первый провозглашаю тост за здоровье его императорского величества самодержца всероссийского, Николая Второго!

Если бы над пароходом нежданно-негаданно разразился гром, то он не произвел бы столь ошеломляющего впечатления, как тост, поднятый боцманом. Вильмовский побледнел от гнева. Некрасов презрительно пожал плечами, а Павлов испугался не на шутку, считая, что немец поймал его на значительному

упущении. Возмущенный в первый момент, Смуга посмотрел на Томека. Заметил искорки смеха, притаившиеся в его глазах, и сразу все понял.

Боцман встал, взяв в руки графин. Наполнил рюмки. Наклонившись над столом у места, где сидел Павлов, задержал руку на полпути и сказал:

- Собственно говоря, вы, господин Павлов, виноваты больше всех, потому что вы человек казенный.

Павлов сгорбился, его лицо посерело, а боцман, обрадовавшись, что привел полицейского агента в смущение, продолжал:

- Виноваты вы больше, чем мы, гражданские, но не печальтесь. Мы восполним это достойное сожаления упущение большей порцией.

Говоря это, он отставил в сторону рюмки, Павлова и свою, а на их место поставил стаканы. Наполнил их до краев.

- Пьем до дна! - воскликнул он.

Павлов вскочил на ноги и, стоя навытяжку, выпил водку. Как только он сел, безжалостный боцман начал опять:

- Мы не имеем права обижать и высокочтимую супругу царя, ее величество императрицу. Наливайте, господин Павлов!

Потом пришла очередь выпить за здравие всех царских детей, родителей императора, родителей императрицы, пока Павлов, чокаясь с боцманом стаканами после каждого тоста, бессильно опустился в кресло. Посмотрев на него критически, боцман еще раз наполнил стаканы и воскликнул:

- Господин Павлов, за здоровье вашего начальника, его превосходительства, министра внутренних дел!

Павлов еле стоял на ногах, покачиваясь из стороны в сторону, и что-то бормотал себе под нос. Боцман крепко потряс им.

- За здоровье министра полиции, слышишь?! - крикнул он.

Павлов опустился в кресло. Свесив голову на грудь, он заснул. Боцман захохотал:

- Вот и прикончила его царская семейка! Даже про своего министра забыл! Как пить дать, пожалуюсь на него в Благовещенске губернатору. Но раз эта мразь спит, то я позволю себе изменить тост. Да здравствует революция!

Все встали и выпили до дна. Боцман удобно расположился в кресле, набил табаком трубку и обратился к Некрасову:

- Завершите мою работу, прикажите вашим людям вынести этого пьяницу! До утра он мешать нам не будет!

- Ах, чтоб вас черт подрал, медведь вы такой! - до слез смеялся Некрасов. - Идите ко мне, дайте я вас обниму! Мне всегда казалось, что у меня голова крепкая, но с вами я тягаться не могу!

- Э, что там, это мелочь. Пусть-ка Томек расскажет, как я во время последней экспедиции играл на полные рюмки с китайским купцом из Хотана[34]. Вот у того была крепкая голова!

- Сейчас мы спокойно побеседуем, - продолжал смеяться Некрасов. Выглянув в иллюминатор, он ударил в ладоши и позвал: - Эй, Иван, зайди-ка сюда на минутку!

В кают-компанию заглянул матрос.

- Убери куда-нибудь этого господина! Пусть спокойно спит до утра и не портит нам настроения, - приказал капитан.

Взвалив Павлова на плечи, Иван исчез с ним так же тихо, как и появился.

Потекла свободная беседа. Некрасов очень интересовался приключениями своих гостей, которые рассказывали о них, а капитан внимательно слушал, забрасывая их новыми вопросами. У боцмана прямо-таки не закрывался рот. Он умел рассказывать интересно и с юмором. Вот он отставил в буфет третью опорожненную бутылку из-под рома, и, беря с полки новую, обратился к Некрасову:

- Сто китов вам в бок, капитан! По всему видно, что вы любите настоящие приключения. Так на кой же, извините, лад, после выхода из тюрьмы вы очутились на этом буксире, вместо того, чтобы отправиться в широкий мир?

- Вы не первый, кто задает мне этот вопрос, - ответил Некрасов, печально улыбаясь.

Отхлебнув из бокала глоток рома, капитан затянулся трубкой и стал говорить, словно про себя:

- Тогда еще не было Сибирской железной дороги. Закованный в кандалы, с выбритой половиной головы, я в числе других арестантов пешком перешел через Урал. Трудно себе вообразить, что происходило в душах несчастных арестантов, которых гнали в Сибирь, когда они увидели пограничный столб, по одной стороне которого виднелся герб европейской Пермской губернии, а по другой - азиатской Тобольской. Некоторые из арестантов плакали, другие целовали родную землю, прощаясь с ней, или собирали ее в мешочек, который прятали на груди.

Я не жаловался на судьбу. Я был готов ко всему. Прочел подписи на пограничном столбе. Нашел среди них знакомые фамилии. По команде "стройся" поднял мешок с вещами и, не оглядываясь назад, пошел вперед навстречу судьбе.

Мне пришлось близко познакомиться с постоянно переполненными арестантами этапными тюрьмами, с деревянными нарами, кишевшими насекомыми. Время от времени менялись солдаты конвоя, среди которых бывали службисты, а бывали и такие, которых можно было подкупить, а

мы все шли и шли на восток. Так продолжалось многие месяцы. Измученные, исхудалые мы шли через деревни и города...

Знаете ли вы причитания, которые поют арестанты, осужденные за уголовные преступления, когда проходят через населенный пункт? - спросил Некрасов. И, не дожидаясь ответа, он затянул нараспев:

Пожалейте, отцы-благодетели!
Пожалейте усталых путников!
Арестантов несчастных вспомните!
Накормите, отцы-благодетели!..

Лицо Некрасова потемнело от печальных воспоминаний, он на минуту умолк. Потом продолжал:

- Тот, кто не слышал этой песни, которую не то поют, не то читают сотни голосов под аккомпанемент зловещего звона кандалов, никогда не поймет ужасного, нищенского существования, которое влачат несчастные арестанты.

Многие из них во время долгого путешествия, прерываемого "отдыхом" в этапных тюрьмах, заболевали и умирали. С нами шли также арестантки и жены некоторых ссыльных, добровольно направлявшиеся в ссылку за своими мужьями.

В конце концов, мы пришли в Кару. Я уже вам говорил, что там мне пришлось встретиться с несколькими поляками. Я был искренне восхищен ими... С первого дня ссылки они думали над возможностью побега и возвращения на родину. Они принимали участие во всех протестах, голодовках, бунтах, совершали побеги, хотя за это грозило суровое наказание, даже смерть. Бунтарь по характеру, я чувствовал в них братские души. Мы очень уважали польских товарищей по несчастью. Поэтому среди песен разных народов, которые пели арестанты, много было польских. Некоторые из них были переведены на русский язык.

Некрасов замолчал, несколько раз затянулся табачным дымом. Воспользовавшись этим, Томек спросил:

- Может быть, вы помните какую-нибудь из польских песен?

Капитан согласно кивнул головой.

- Я вас прошу, спойте нам одну из них, - прошептал Томек, глубоко взволнованный рассказом капитана.

Некрасов снял со стены висевшую там гитару, сел в кресло, ударил по струнам...

Над тихой, сияющей лунным серебром маньчжурской степью поплыли звуки песни, неразрывно связанной с трагической историей польского народа:

Боже, что Польшу родимую нашу
Холил, лелеял столь долгие годы,
Ныне к тебе мы возносим моленье
Дай нам свободу, пошли избавленье...

Когда капитан замолчал, воцарилась тишина, которая была красноречивее всяких слов...

- Значит, вы и эту нашу песню... пели в Каре? - шепнул боцман, вытирая глаза носовым платком.

- Пели. Нам особенно нравились песни, в которых выражалась тоска по свободе, ну и, конечно, революционные. Многие из нас готовили побег и бунт, и знаете, кого мы брали за образец? Вашего земляка Беневского[35], бывшего участника Барской конфедерации!

- Неужели?! Ведь наш Беневский бежал отсюда больше ста лет тому назад! - удивился боцман.

- Да, вы правы, но его бегство, получившее тогда известность во всем мире, особенно поразило умы ссыльных в Сибири. Многие из них стремились ему подражать. Когда в отчаянных головах зарождались фантастические планы бунта, они часто вспоминали Беневского.

- Действительно, у Беневского была голова на плечах. Он здорово надул своих преследователей, - сказал боцман. - Это верно, что такие истории укрепляют мужество человека.

- В Англии я читал записки Беневского, но очень хотел бы еще раз услышать от вас подробности его побега, - попросил Томек. - Я очень люблю такие рассказы...

- Я поддерживаю просьбу Томека, - горячо сказал боцман. - Прополосните-ка горло, а мы слушаем!

Боцман наполнил ромом рюмку Некрасова. Капитана не надо было долго упрашивать; он закурил трубку и начал рассказ:

- Попав в плен, Беневский сразу же задумал побег. Как только его привезли в Казань, он связался с местными татарами и находившимися там польскими ссыльными, с помощью которых хотел вызвать вооруженное восстание и облегчить себе побег. Но кто-то выдал заговор. К счастью, Беневский вовремя уехал в Петербург. Там он разработал новый план побега, на этот раз на голландском корабле. И опять ему это не удалось из-за предательства капитана корабля. Обер-полицмейстер Чичерин арестовал Беневского. Его посадили в крепость и отдали под суд. В качестве опасного политического преступника его приговорили к ссылке в Усть-Большерецк на Камчатке.

Прибыв на место ссылки, Беневский очутился под строгим

надзором. Несмотря на это, он не оставил планов побега. Вскоре ему удалось завоевать доверие губернатора Нилова. Его перевели в Петропавловск, где он стал преподавать языки дочери губернатора, Афанасии. Воспользовавшись этим, он сумел завязать знакомство с влиятельными жителями полуострова, которые предложили ему основать школу. Но Беневский об этом и не помышлял. Он знакомился с офицерами и чиновниками, и при помощи удачной игры в шахматы сумел даже скопить немного денег.

В беспокойном уме Беневсекого возник новый план побега. Он привлек к этому делу некоего Хрустеева и находившегося в ссылке уже больше пятнадцати лет Казимежа Бельского, бывшего чиновника польского короля. С их помощью он организовал заговор, который охватил широкие круги ссыльных. Деятельность Беневского была облегчена его близким знакомством с семьей губернатора. Дело в том, что молодая Афанасия влюбилась в него без памяти. Вынужденный необходимостью, Беневский некоторое время скрывал от нее, что уже был женат. Возможная опала губернатора свела бы на нет все его планы. Он намеревался ни больше, ни меньше, как захватить в порту корабль и бежать на нем с Камчатки. Однако заговор был раскрыт. Несмотря на это, Беневский отнюдь не растерялся! Он вступил в открытую борьбу. Губернатор Нилов погиб. Во главе доверенных людей Беневский окружил церковь, в которой в то время находились семьи русских чиновников, и пригрозил, что сожжет их, если солдаты не сложат оружие. Таким образом Беневский овладел городом.

Захватив корабль, стоявший в порту, Беневский погрузил на него запасы продовольствия, вывесил польский флаг и, дав салют из двадцати пушек, отчалил вместе со своими друзьями. С Беневским бежала также и Афанасия, которая даже после того как она узнала, что Беневский не может на ней жениться, пожелала сопутствовать ему в качестве приемной дочери[36].

- А что случилось потом с этой несчастной девчонкой? - спросил боцман.

- Она умерла во время путешествия по морю, - ответил Некрасов, набивая табаком трубку.

- Гм, мне ее очень жаль, - заметил боцман. - Но и наша Салли тоже полетела бы за Томеком на край света!

- Это что, ваша невеста? - заинтересовался Некрасов. - Если судить по имени, она, наверное, не полька!

- Мы не помолвлены, хотя... очень любим друг друга, - ответил Томек, краснея. - Это австралийка, которая учится в Англии. Но вы нам не рассказали, почему остались в Сибири...

- После того, что вы мне сказали, я уверен, вы меня хорошо

поймете. - ответил Некрасов, улыбаясь Томеку. - Сначала, находясь в Каре, я мечтал, по примеру Беневского, захватить корабль и бежать из России. Но позже я оставил всякую мысль о бегстве. Я находился в обществе многих революционеров. Благодаря им я понял, что буду здесь нужен, когда настанет пора действий. После моего освобождения я женился на студентке из Киева, приговоренной к ссылке в Сибирь. Мы живем в Хабаровске. Жена с двумя детьми все время остается там, а я бываю в семье несколько зимних месяцев, когда на Амуре прекращается навигация.

- Для моряка жена то же самое, что якорь для корабля, - буркнул боцман, и громко добавил: - Не печальтесь, будет и на нашей улице праздник. Рабочие везде бунтуют, а моряки им помогают. Команда броненосца "Потемкин" в Одессе уже показала свои коготки.

- Во всяком случае, вы не оставили мысли завладеть судном. Ведь вы командуете "Сунгачом", - вмешался Вильмовский, желая изменить щекотливую тему беседы.

Капитан Некрасов улыбнулся и сказал:

- Может быть, вас заинтересует то, что этот буксир принадлежит нескольким полякам, проживающим в Маньчжурии, в Харбине[37]. Они принимали участие в изысканиях, начатых Россией перед постройкой нынешней Китайско-Восточной железной дороги, которая соединяет Читу с Владивостоком. Я тоже некоторое время работал на строительстве этой дороги, когда и познакомился с моими теперешними компаньонами.

- Это и в самом деле приятное для нас стечение обстоятельств, - признал Вильмовский. - Я был знаком с первым вице-председателем Китайско-Восточной железной дороги инженером Станиславом Кербедзем. Это очень способный инженер. Он, например, построил первый железный мост на Неве в Петербурге и на Висле в Варшаве, который так и называют мостом Кербедзя.

- Мне приходилось слышать о Кербедзе, но лично я с ним не знаком. Встречался я с инженером Адамом Шидловским, под руководством которого в 1898 году выбирали место под строительство Харбина. Теперь там уже довольно крупный город. Большинство поляков, осевших в Маньчжурии живет именно там.

- Из этого можно заключить, что поляки немало потрудились на строительстве этой дороги, - приятно удивился боцман.

- Кроме того, поляки принимали значительное участие в исследованиях многих недоступных уголков Сибири, - вмешался Томек. - Они оставили здесь о себе хорошую память!

В этот момент где-то в глубине судна раздались глухие удары

и резкий крик.

- Что такое? Что там случилось? - встревожился Смуга.

- Черт возьми, кто-то зовет на помощь! - добавил боцман.

- Иван, Иван! Пойди сюда на минутку! - крикнул капитан, не вставая с места.

Матрос появился на пороге.

- Ты что сделал с этим выпившим господином? - небрежно спросил Некрасов.

- То, что вы приказали, - добродушно ответил Иван. - Я его запер, чтобы он выспался и не мешал. Видать отрезвел уже, потому что кричит...

- А куда ты его запер? - спокойно спросил Некрасов.

- В карцер, в других местах двери без замков.

Некрасов расхохотался.

- Выпусти его сейчас же! - приказал он. - Видимо, его разбудили крысы. Еще съедят его, и тогда мы хлопот не оберемся!

- Слушаюсь, господин капитан, сейчас освобожу, - ответил матрос.

Боцман повеселел и крикнул:

- Послушай, Иван, спешить особенно нечего. Двери в карцер, наверно, заело!

- Так точно, заело, - согласился Иван.

- Раз так, то выпей стаканчик рома, - предложил боцман.

VII
В ловушке

На рассвете "Сунгач" отправился в дальнейший путь. Буксир уже прошел на траверсе китайского городка Айгуня, расположенного на правом берегу Амура и теперь проходили около Хэйхэ[38], от которого до Благовещенска, построенного на противоположном берегу в 1856 году, оставалось всего лишь несколько километров.

После ночной беседы звероловы отдыхали на палубе одной из барж. Они с интересом смотрели вправо, потому что мутнеющая вода свидетельствовала о том, что они приближаются к месту, где Зея впадает в Амур. Как раз где-то здесь русский землепроходец, казак Поярков, вышел на берег Амура, который в те времена был известен в России только лишь по рассказам. Вильмовский, будучи прекрасным географом, напомнил друзьям об этом событии, которое произошло около двухсот пятидесяти лет тому назад; между путешественниками возникла интересная беседа на тему истории русских открытий в Восточной Сибири.

Амуром русские впервые заинтересовались в 1636 году. Спустя три года они начали исследование долины Витима к востоку от Байкала, потом предприняли попытку найти дорогу к Амуру. По приказу иркутского воеводы из Якутска на юго-восток направилась крупная экспедиция. Плохая организация ее привела к значительным потерям. Только часть казаков под командованием Пояркова дошла до реки Алдан и по ней до Станового Хребта, где обнаружила истоки Зеи. По Зее казаки дошли до берегов Амура. Вниз по Амуру экспедиция добралась до Охотского моря и вдоль его берегов пришла к городу Охотску.

Поощренные открытием Пояркова, его последователи нашли более удобную дорогу вдоль рек Олекмы и Урюма. В 1649-1651 годах во главе небольшого отряда к Нижнему Амуру прошел Ерофей Павлович Хабаров.

Хабаров во многих местах построил остроги и посадил в них гарнизоны казаков. Живописные места в районе устья Уссури восхитили Хабарова. Сихотэ-Алинский хребет, простирающийся в Уссурийском крае с юга на север и отделяющий морское побережье от бассейна реки Уссури, постепенно снижался к западу и подходил непосредственно к месту впадения Уссури в Амур. Возвышенность террасами опускалась к берегам рек и с нее открывался великолепный вид на просторные поймы. Двести лет спустя Муравьев-Амурский построил на этом месте поселок

Хабаровку, которая потом стала городом Хабаровском в честь знаменитого землепроходца.

Русские поселенцы на Амуре встретились с сопротивлением маньчжур, завоевавших к тому времени весь Китай. В 1689 году был заключен Нерчинский договор, по которому были установлены границы между Китаем и Россией.

Губернатор Восточной Сибири, упомянутый уже Николай Муравьев-Амурский, основал также город Благовещенск. По Айгунскому договору в 1858 году была установлена окончательная граница, по которой ничейный тогда Уссурийский край был закреплен за Россией. Дело в том, что в 1854 году Крымская война вызвала необходимость быстрого снабжения продовольствием и амуницией русского Тихоокеанского флота. Самый удобный и дешевый путь вел по Амуру. Муравьев, желая быстрее заселить Приамурье, даже вмешивался в семейную жизнь казаков и ссыльных, силой заставляя их жениться.

Вильмовский закончил свой рассказ. Томек подмигнул боцману и смеясь воскликнул:

- Жаль, что вас тогда здесь не было! Тогда вы уже давно были бы женаты!

- У тебя только женитьба на уме, - оборвал его моряк. - Мне женитьба нисколько не нужна, а вот ты, хотя у тебя еще под носом молоко не обсохло, вероятно, скоро пригласишь меня на свадьбу! Попадешь Салли под каблучок и сразу станешь покорным, как теленок!

- Вы так считаете?! - ответил обиженный Томек. - Вот я скажу Салли, что вы о ней говорите.

- Салли решит, что я прав! Она же умница-девушка! Она как-то очень обрадовалась, когда я сказал, что в старости буду нянчить ваших детей.

- Ох, не поздоровилось бы им от этого! - расхохотался Томек. - Таким нежным ручкам можно, пожалуй, доверить воспитание медвежат, да и то надо позаботиться об особой осторожности, чтобы вы не помяли им бока.

Боцман принял эти слова как комплимент. Он засмеялся и с удовольствием посмотрел на свои огромные суковатые руки.

- Ну что ж, мои старики постарались наделить меня силой, - сказал он минуту спустя. - Но не печалься, браток, к старости я, конечно, ослабею, и, кроме того, из любви к тебе и Салли буду осторожным.

Таким образом, ведя серьезную беседу об открытии Приамурья и обмениваясь шутливыми замечаниями, звероловы и не заметили, как перед ними, там, где Зея впадает в Амур, появился Благовещенск, город, выросший на месте прежней Усть-

Зейской станицы.

В это время сыщик Павлов крадучись появился на палубе. Он был одет в черный сюртук, на голову надел черный котелок. Котелки, или жесткие шляпы с приподнятыми вверх краями, тогда часто носили агенты охранки.

- Посмотрите только, как сегодня разоделся наш ангел-хранитель, - вполголоса заметил боцман. - В этом черном одеянии, с котелком на голове, он похож на трубочиста или гробовщика.

- Скорее на гробовщика! Вид его никому не приносит счастья, - добавил Томек. - В Благовещенске он наверняка сразу же побежит к исправнику, чтобы вручить ему рапорт.

- Ты прав, ему представится великолепный случай отплатить нам за карцер той же монетой, - с неохотой сказал Смуга. - Лишь бы он там не наболтал лишнего.

- Мрачное выражение лица сыщика не предвещает нам ничего хорошего, - добавил Вильмовский. - Будем надеяться, что рекомендательные письма к губернатору позволят властям не обращать внимания на доносы Павлова.

- Сто бочек испорченного китового жира вам в зубы, перестаньте вы каркать, как зловещие вороны! - обозлился боцман. - Не делайте из мухи слона! Он мрачен, потому что после вчерашней выпивки у него все внутренности огнем горят. Чего же ему жаловаться? Ведь мы угостили его как следует!

- Вы, вероятно, забыли о карцере и о крысах, - возразил Смуга. - Это неразумно - забавляться спичками, сидя на бочке с порохом.

- Не я это предложил, - защищался боцман. - А Некрасов так ничего о нас и не знает!

Они прервали беседу. "Сунгач" освободил баржи, чтобы взять их на буксир сбоку. Ловко сманеврировав, пароход направился прямо к пристани.

В порту на якорях стояло несколько барж, а у самой пристани готовился к отплытию почтово-пассажирский пароход, который уже повернулся носом к середине реки.

Некрасов подвел "Сунгач" к берегу. Как только матросы выбросили на берег трап, Павлов подошел к путешественникам и сообщил, что направляется по начальству.

- А вы вернетесь на пароход к обеду? - любезно спросил Вильмовский.

- Нет, я предпочитаю пообедать в городе, - резко ответил агент и добавил: - Только не забудьте, господа, явиться к здешнему приставу. Надо было бы вам также нанести визит его превосходительству губернатору. По всей вероятности, мы

встретимся в полицейском управлении.

- Спасибо за совет, мы, конечно, там с вами встретимся, - ответил Вильмовский. - Я надеюсь, что при вашей помощи нам удастся быстро оформить разрешение.

- Ну конечно! Ведь вы все время находитесь под моей опекой, - сказал Павлов, силясь улыбнуться. Он приподнял котелок и исчез на берегу.

После полудня четверо охотников и Удаджалак направились в полицейское управление, чтобы сообщить о своем прибытии в Благовещенск и получить согласие на охоту в верховьях реки

Город Благовещенск состоял из нескольких сотен одноэтажных деревянных домиков. Над ними возвышался блестевший на солнце купол собора. На незамощенных улицах царило оживленное движение. Жители Благовещенска вели бойкую торговлю с китайцами и маньчжурами, приезжавшими с того берега реки, главным образом из Айгуня. Любой уважающий себя китайский купец считал своим долгом по крайней мере раз в месяц приехать в Благовещенск. Торговля прекращалась только в начале зимы, во время ледостава и весной. Зимой китайцы и маньчжуры толпами прибывали в Благовещенск, ставили на улицах города переносные ларьки и продавали в них муку, крупу, водку и привозимые с юга Маньчжурии орехи и яблоки.

Зимой Благовещенск становился крупным торговым центром. Буряты, эвенки, ханты и якуты на санях, на собаках и оленях приезжали сюда из самых отдаленных уголков тайги, чтобы выменять собольи, лисьи или беличьи шкуры на мешок муки, крупы, фунт табаку или бутылку водки. Для купцов это была очень выгодная торговля, так как наивные жители тайги часто не знали настоящей стоимости мехов.

Становой пристав принял охотников чрезвычайно любезно. Увидев гостей, он встал из-за стола, пожал им руки, угостил чаем с ромом.

- Господин Павлов предупредил меня о вашем визите. Я ожидал вас, господа, с нетерпением, - говорил пристав, потирая руки. - От Павлова я много слышал интересного... По-видимому это вы господин Броль, укротитель животных?

Говоря это, пристав повернулся лицом к боцману.

"Ага, Павлов уже наболтал здесь на меня", - подумал моряк, но, не выдавая своего смущения, спокойно ответил:

- Да, это моя фамилия.

- Господин Павлов очень вас хвалил! - воскликнул пристав. Он мне посоветовал подать к чаю ром...

- Совершенно верно, я люблю ром, это настоящий мужской напиток, - согласился боцман.

- Знаю об этом, знаю также, что вы с уважением относитесь к его величеству императору и всей царской фамилии. Прекрасно, прекрасно. За ваше здоровье!

Прищурив глаза, боцман пытался угадать по выражению лица полицейского, что он в самом деле знает о нем, но так ничего и не понял. Пристав вежливо улыбался, говорил комплименты.

Только через полчаса непринужденной беседы он спросил, куда хотели бы направиться звероловы и долго ли они намерены там находиться. Получив соответствующие разъяснения, он сказал:

- Не вижу препятствий. Мне остается только пожелать вам удачной охоты. Будьте любезны передать мне ваши паспорта.

Довольные таким оборотом дела, охотники вручили приставу свои документы. Тот мельком взглянул на них, а потом небрежным движением бросил их в ящик стола.

- Все в порядке, завтра я доложу вашу просьбу исправнику.

- Как так, вы задерживаете наши паспорта? - удивился Смуга.

- Его благородие господин исправник с их превосходительством господином губернатором выехали из города. Поэтому я только утром смогу доложить им ваш вопрос. Впрочем, это простая формальность.

- А можем ли мы без всяких документов ходить по городу? - спросил Вильмовский.

- Ведь с вами находится господин Павлов. Вы можете вполне положиться на него, это очень способный человек, - двусмысленно ответил инспектор.

- Мы хотели бы нанести официальный визит господину губернатору... - начал было Смуга, но пристав улыбнулся и перебил его:

- Знаю об этом, знаю, и уже испросил у его превосходительства для вас аудиенцию. Он примет вас лично, завтра в одиннадцать часов.

- Мы вам чрезвычайно благодарны за вашу любезность. Скажите, когда мы сможем получить свои паспорта? - спросил Смуга.

- Безусловно, еще до вашего отъезда из Благовещенска, - ответил пристав. - А сегодня вы будете моими гостями. Я хотел бы показать вам достопримечательности нашего города. Разрешите пригласить вас на ужин в китайский ресторан Чанг Сена. Поскольку из-за отсутствия господина исправника мне придется заняться еще несколькими срочными делами, вечером меня заменит господин Павлов. Мы уже условились с ним. А теперь разрешите попрощаться с вами. Желаю приятно провести вечер.

Охотники поблагодарили пристава за приглашение и вышли на улицу.

- Вот змея! - взорвался боцман. - Сам вроде до земли кланяется, хвалит, приглашает на ужин, а одновременно отбирает паспорта...

- Интересно, что наболтал ему о нас Павлов, - спрашивал Томек. - Может быть, он рассказал о карцере и крысах...

- Не думаю, хотя мне казалось, что в тоне пристава слышалась нотка злорадства, когда он говорил о мнимом уважении боцмана к царской фамилии, - заметил Смуга.

- У меня тоже создалось такое впечатление, - добавил Вильмовский. - Жаль, что нам не удалось избежать этого приглашения на ужин.

- Действительно, у китайцев чрезвычайно странные вкусы. Я до сих пор помню, как в Хотане знакомый Пандита Давасармана потчевал нас засахаренными пиявками, - сказал боцман.

Путешественники вернулись на "Сунгач" в неважном настроении. На палубе они встретили Некрасова. Оказалось, что Павлова еще нет на буксире, поэтому, воспользовавшись случаем, путешественники пошли в капитанскую каюту на чай,

Некрасов с большим интересом выслушал их сообщение о визите к приставу. В задумчивости он медленно пил чай с араком.

- Интересно зачем он пригласил вас в этот китайский притон? - в конце концов сказал он.

- А вы знаете ресторан Чанг Сена? - полюбопытствовал Вильмовский.

- Конечно, знаю, - ответил капитан. - В этом ресторане находится тайная курильня опиума.

- Я полагаю, что в обществе полицейского агента с нами там ничего не случится, - сказал Томек.

- Возможно, вы и правы. Во всяком случае, пойти туда надо, раз вы приняли приглашение, - закончил Некрасов.

Перед самым закатом солнца на буксир прибежал запыхавшийся Павлов. От имени пристава он пригласил Некрасова на ужин в ресторан Чанг Сена. Капитан поблагодарил за приглашение и согласился. Охотники добыли из вьюков соответствующую одежду. Не прошло и часа, как они в обществе Павлова и Некрасова оставили пароход.

Ресторан Чанг Сена занимал обширное помещение в двухэтажном доме. Над входом в ресторан, по обеим сторонам узкой двери, висели цветные китайские фонари из бумаги с горящими внутри свечами. На первом этаже, за небольшим гардеробом, находились два обширных зала, разделенных

занавесью из разноцветных стеклянных бус, нанизанных на шнурки. С низкого деревянного потолка свисали лампы, бросавшие мигающий свет на цветные китайские картины, которыми были увешаны стены. Вдоль стен обоих залов находились уютные ложи со столами и мягкими стульями.

Навстречу прибывшим гостям выбежали два китайца. Низко кланяясь, они ввели путешественников во второй зал, где у столиков сидели гости. Играя роль хозяина дома, Павлов попросил путешественников усесться в заказанной наперед ложе, и пытался развлекать их беседой о важнейших событиях, волновавших город.

Некрасов уселся в глубине ложи, откуда, сам будучи незаметным, превосходно мог видеть весь зал. Томек уселся рядом с боцманом; с большим удовольствием он убедился, что стол сервирован по-европейски, застлан чистой, снежно-белой скатертью. О том, что ресторан китайский, можно было судить только по лежащим на подносе длинным палочкам из слоновой кости, которые заменяют в Китае вилки. Обслуживание гостей в ресторане Чанг Сена было поставлено великолепно. Не успели наши путешественники сесть за стол, как перед ними появились холодные закуски: заливное из мяса, грибы, салат из лука и овощей, маринованные березовые почки, ветчина, нарезанная тонкими полосками, яйца цвета сафьяна, жареные раковые шейки, светло-зеленая морская трава. Все эти блюда надо было поливать острым соусом темно-коричневого цвета, который подавался в маленьких рюмках к каждому прибору. Рядом со столом находилась жаровня с медным тазом, наполненным раскаленными углями; на углях подогревалось ведерко с водой, в которой стояли серебряные жбаны с китайской рисовой водкой. В эту водку для аромата примешивали розовое масло. Официант наполнял маленькие фарфоровые чашечки горячей водкой после каждой перемены блюд.

Примерно через час закуска была убрана со стола. Пришла очередь горячих блюд. Сначала были поданы: телятина, запеченная в тесте, потом пельмени, пирожки и вареная птица в густом белом соусе, в котором плавали почерневшие от варки улитки.

Увидев это лакомство, Томек толкнул боцмана ногой под столом. Плавающие в соусе улитки напоминали жареных червей. К счастью, чашка крепкой водки облегчила нашим путешественникам соблюдение китайского обычая, который требовал, чтобы гость обязательно попробовал хоть немного от каждого блюда. На столе появлялись все новые и новые блюда. После жареного поросенка, на стол поставили шашлыки, потом

курятину, порезанную на полоски, бульон, вареный рис, макароны, куриные головки с шейками и различные виды супов. Томек уже давно перестал считать количество подаваемых блюд. А боцман, который неизменно пользовался хорошим аппетитом, вздохнул и незаметно расстегнул пояс.

Обед из горячих блюд тянулся около трех часов. Официанты вновь убрали посуду и вынесли треногу со жбанами водки. Теперь на столе появились засахаренные фрукты, сладкие пироги, пирожные, орехи, оригинальный на вкус, горьковато-вяжущий, зеленый китайский чай и белое игристое вино. Это означало, что обед подходит к концу.

Как раз в это время к находившемуся навеселе Павлову подошел мужчина, одетый в темное по фигуре пальто и с котелком в руках. Он стал что-то шептать Павлову на ухо. Веселое выражение лица у Павлова как рукой сняло. Он внимательно выслушал краткое сообщение своего сотрудника и кивнул головой. Мужчина быстро ушел, а Павлов встал, говоря:

- Мне очень неприятно, но я вынужден оставить вас на несколько минут. Мне сообщили, что исправник вернулся в город, но завтра опять уезжает. Он ведет срочное следствие. Мне необходимо воспользоваться его присутствием в городе, чтобы оформить наши дела. Одновременно я узнаю, не будет ли изменен срок вашей аудиенции у его превосходительства.

- Я думаю, что уже пора вообще окончить нашу приятную встречу, - заметил Вильмовский.

- Боже сохрани! Что вы? Мое отсутствие долго не продлится, я сейчас же вернусь. А после возвращения я вам покажу самый интересный уголок этого ресторана, - возразил Павлов. - В углу зала, за портьерой, скрыта крутая лестница. Были ли вы когда-нибудь в курильне опиума?

- Я не знал, что здесь разрешено содержать такие курильни, - удивился боцман.

- Что вы, господин Броль! - возразил Павлов, подмигивая боцману. - Курильня доступна только для посвященных!

Все рассмеялись, услышав такое объяснение полицейского.

- Ну, раз так обстоят дела, мы подождем, - сказал Смуга. - Мне уже приходилось несколько раз видеть курильни опиума, но для моих друзей это будет новость.

- Прекрасно! Будьте любезны, не стесняйтесь, кушайте! Я постараюсь скоро вернуться.

Павлов обошел стоявшие в углу зала столики и исчез в гардеробе.

- Интересно, что он еще там надумал? - спросил капитан Некрасов.

- Вы что, не верите в возвращение исправника? - обратился к нему боцман.

Некрасов пожал плечами.

- Кто его знает? Меня с самого начала удивляет то, что пристав вообще пригласил вас в этот притон. Я пытаюсь разгадать, зачем это ему нужно?

- Не слишком ли много загадок? По-моему, все тайные агенты любят поужинать за государственный счет.

- Во всяком случае, скучать нам не придется, прибывают новые гости, - заметил Смуга.

Действительно, в зале появилась группа мужчин. Они остановились на пороге, с любопытством оглядывая зал.

- Что за оригинальные типы! - вполголоса воскликнул Томек.

Задиристый, как всегда, боцман выглянул из ложи и пробурчал:

- Действительно, ничего себе гости! Выглядят они как черти, переодетые в ангельские одежды!

Удачное определение вызвало общий смех. Бородатые лица с резкими чертами и поведение прибывших гостей представляли резкий контраст с довольно приличной одеждой, которую они носили. Они смущенно переминались с ноги на ногу, пока, наконец, один из них, человек высокого роста, направился в соседнюю ложу, расположенную рядом с ложей охотников. Посетители, стуча сапогами, шумно расставляли табуретки вокруг стола. От официанта потребовали водки.

Некрасов незаметно стал изучать глазами странных соседей. Его лоб прорезала морщина, как будто он пытался что-то вспомнить. Китайский официант, который как раз принес новую бутылку шампанского и стал наливать бокалы, вдруг украдкой подал Некрасову записочку, свернутую в трубку. Капитан прочел записку. Смял ее, бросил в пепельницу и поджег спичкой. Это заметил только Вильмовский, потому что остальные с интересом слушали анекдот, который рассказывал боцман. Вильмовский хотел спросить Некрасова, в чем дело, как вдруг один из гостей, сидевших в соседней ложе, быстро встал со своего места и бесцеремонно вошел в ложу путешественников.

Это был необыкновенно высокий человек. Теперь, когда он стоял близко, бросалось в глаза, что одежда на нем была как будто с чужого плеча. Пиджак с трудом закрывал его широкую, выпуклую грудь, с волосами, видневшимися из-под расстегнутого ворота грязной рубашки. Татуировка на груди изображала птицу. Короткие и тесные рукава пиджака не могли вместить необыкновенно развитые мускулы, короткие штаны еле достигали щиколотки. Одним словом, гость выглядел, как ряженый на

масленицу, но, несмотря на это, мрачное выражение лица могло возбудить страх у любого человека. На давно небритой щеке посетителя виднелся широкий шрам, ведущий от левого уха через обе губы до конца подбородка. Из-под широких бровей глядели светлые, безжалостные глаза, хищные и агрессивные. Мужчина подошел к столу и оперся о него обеими руками.

Звероловы прервали беседу; в зале воцарилась тревожная тишина. Все посетители смотрели по направлению к ложе, где высокий человек по очереди всматривался в лица сидевших, словно искал кого-нибудь из знакомых. Удивленные звероловы смотрели на него. Только один капитан Некрасов сидел в задумчивости, низко опустив голову на грудь. Взгляд мужчины остановился на боцмане Новицком. Он долго присматривался к нему.

- Ты меня помнишь? - сказал он наконец хриплым голосом. - Долго я тебя искал, ты, царский шпион! Наконец-то мы встретились!

Боцман поднял голову. Мрачный взгляд незнакомого мужчины не произвел на него никакого впечатления.

- Если кто-нибудь хочет получить по голове, то получит, - спокойно ответил он. - Однако, если говорить правду, то я вас не знаю! Вы ошиблись!

- Ничего подобного, я ничего не забыл! По твоей милости мне всыпали двадцать пять горячих, - проворчал великан. - Я тебе за это отплачу!

Он подскочил к боцману, подсовывая ему под нос огромный волосатый кулак. Боцман вытер губы салфеткой. Спокойно поднялся, вышел из-за стола. С удовольствием оглядел великана, который по крайней мере на полголовы был выше боцмана.

- Я тебя совсем не знаю, отстань от меня! - спокойно сказал боцман.

- Ах, не знаешь, так сейчас узнаешь! - воскликнул забияка.

Ловким движением он ударил боцмана в подбородок. От удара голова боцмана отпрянула назад, он отступил на шаг и тяжело упал на одно колено. Однако сразу же пришел в себя, словно его окатили водой, и встал. Забияка замахнулся на него вторично, но на этот раз опытный в кулачных боях боцман сумел избежать удара по голове, а, наоборот, сам правым кулаком ударил противника в желудок, а левым в подбородок. Ошеломленный забияка закачался, но боцман схватил его за одежду в талии, приподнял выше своей головы, закружился на месте и с размаху бросил противника на пол. Под аккомпанемент криков испуганных товарищей и звона бьющегося стекла забияка неподвижно растянулся на полу, широко разбросав руки.

Посетители ресторана вскочили со своих мест и прижались к стенам. Звероловы тоже встали, потому что из соседней ложи послышался звук отодвигаемых стульев. В зал выскочили несколько человек и стали в нерешительности глядеть то на боцмана, то на лежащего на полу своего предводителя.

Спустя некоторое время забияка тяжело сел на полу. Волосатая рука потянулась к карману, и в зажатом кулаке блеснуло лезвие ножа. Увидев это, остальные авантюристы тоже достали оружие. Они пригнулись, словно готовясь прыгнуть на противников, держа в руках кастеты, штыки и ножи.

Томек, Смуга и Удаджалак сразу же встали рядом с боцманом. Вильмовский уже подходил к бандитам, желая предупредить их атаку, но капитан Некрасов взял его за руку. Прищурив глаза, он смотрел на обнаженную грудь бандита, поднимавшегося с пола. На груди было вытатуировано изображение кукушки с распростертыми крыльями. Некрасов вспомнил этого человека.

- Успокойте друзей, это ловушка. - шепнул он Вильмовскому, а сам вышел из-за стола; остановился между боцманом и группой бандитов. Слегка наклонившись вперед, боцман уже сделал шаг по направлению к противникам, но в этот момент Вильмовский очутился рядом с ним:

- Подожди, это провокация, - прошипел он.

Боцман остановился, как вкопанный. Он внимательно следил за каждым движением противников, готовый защищаться.

Тем временем Некрасов подошел к великану.

- Эй, Василий, не узнаешь меня? - спросил он. - Тебе что, надоело жить, "генерал кукушка"?

Великан уже стоял на ногах, держа в руках открытый нож. Наклонив голову, бандит налитыми кровью глазами всматривался в Некрасова.

- Вспомни-ка, кого ты называл своим отцом-благодетелем? - еще тише сказал капитан.

Бандит сделал несколько медленных шагов к капитану. Острием ножа коснулся его груди. На мрачном, грозном лице великана отразилось сначала сомнение, потом крайнее изумление.

- Так это же ты... батюшка Некрасов, - в смущении прошептал он.

Вдруг он бросил нож на пол. С необыкновенным волнением стал целовать капитану руку.

- Прости мне, батюшка, ей богу, не узнал... столько лет... - взволнованно говорил он.

Капитан обнял его и тихо спросил:

- Ты почему задирался, Василий?

- Я опять в тюрьме, батюшка. Подговорили нас, выпустили на эту ночь, одели, дали оружие... обещали наградить.

- Кто вас подговорил? - продолжал спрашивать Некрасов.

- Пристав, батюшка, только никому не говори об этом...

- Послушай, Василий, это мои друзья, а ты ведь, пожалуй, не ищешь со мной ссоры?!

- Скорее отгрызу себе руку!

- Спасибо, Василий! Полиция оцепила дом. Когда они должны были войти?

- Когда услышат выстрелы! Вы останьтесь, может быть, нам удастся бежать в лес! До свиданья, батюшка!

Василий поднял нож, сложил его, спрятал в карман. Посмотрел на своих сообщников через плечо.

- За генералом кукушкой марш! - приказал он.

Видимо, он пользовался авторитетом у друзей, потому что те, не говоря ни слова, спрятали оружие. Побежали к завесе в углу зала. Послышался топот ног по ступеням лестницы, потом где-то хлопнула дверь, в глубине здания послышался чей-то сдавленный крик, и все затихло. Официанты мигом убрали помещение. Гости, как ни в чем ни бывало, опять уселись за столики.

Звероловы вопросительно смотрели на Некрасова. Тог сначала налил всем по стакану шампанского, а потом коротко пояснил:

- Полиция подговорила варнаков[39] напасть на нас. Полиция оцепила дом и намерена арестовать нас после того, как послышатся выстрелы. Пристав был уверен, что, защищаясь от нападения, мы станем стрелять, и нас схватят. Конечно, потом дело выяснилось бы и, если полиция не нашла бы ничего предосудительного, нас отпустили бы с извинениями.

- Зачем полиции такая провокация? - недоверчиво спросил Томек.

- Это работа подлеца Павлова, - вмешался боцман.

- Конечно, теперь у нас явное доказательство того, что Павлов подозревает вас в чем-то, - сказал Некрасов. - Дело в том, что здешняя полиция не хочет рисковать, арестовывая ни в чем не повинных иностранцев. Ведь это может повлечь за собой дипломатические осложнения. Поэтому они подготовили нам ловушку, и только благодаря случайности нам удалось се избежать.

- Это мы вас должны благодарить, - сказал Смуга. - Откуда вы знаете этого человека?

- Ваську? Это варнак, с которым я сидел в Карийском остроге, Он ежегодно убегал из заключения, чтобы побродить по тайге.

Один раз я ему помог снять кандалы. Отдал ему свою порцию продуктов. С тех пор он всегда считал меня своим благодетелем.

- Как видно, это довольно опасный человек, - заметил Смуга.

- Конечно, у него немало на совести дел, - согласился Некрасов. - Но я никак не подозревал, что господин Броль обладает такой нечеловеческой силой. Среди варнаков Васька считается отменным силачом. Думаю, что сегодня он впервые был побежден.

- Ничего себе парень, - признал боцман. - Но о каком генерале кукушке вы вспоминали этому бандиту? Неужели это пароль?

- Что вы! Дело в том, что варнаки бегут из тюрьмы весной, когда в тайге можно найти ягоды и съедобные коренья. Как раз в это время прилетают с юга кукушки. Поэтому варнаки считают эту птицу своим "генералом". Голос кукушки стал для них сигналом к бегству.

- А как вы догадались, что полиция устроила засаду на нас? - спросил Томек.

- Среди официантов ресторана у меня есть хороший знакомый. Когда варнаки вошли в ресторан, он мне сообщил, что полиция оцепила дом, - ответил Некрасов

- Ах, это он подал вам записочку, которую вы сразу же сожгли, - вмешался Вильмовский.

- Вот именно. Я считаю, что всякого рода вещественные доказательства надо сразу уничтожать. Ведь я пользуюсь у полиции плохой репутацией.

- Внимание, на горизонте показался Павлов! - предупредил боцман,

Агент быстро подошел к столику. С трудом скрывая волнение, он сказал:

- Мне очень неприятно, что я вас оставил одних на столь длительный срок, но что поделать, служба не дружба! К сожалению, я больше не могу оставаться с вами. Вечером из тюрьмы бежали арестанты... несколько человек. Они вооружены, это опасные рецидивисты! Меня просили помочь в их преследовании...

- Как это можно, чтобы из тюрьмы бежали вооруженные преступники!? - притворяясь наивным, спросил боцман.

Злой на собственную неловкость, агент гневно посмотрел на моряка и, заикаясь, ответил:

- Оружие, видимо, они достали после бегства... Исправник опасался, чтобы вас не постигла какая-либо неприятность с их стороны, и приказал мне предупредить...

- Вы немного опоздали, - перебил его Смуга. - Здесь были какие-то темные личности, пытались даже учинить скандал, но

мы их попотчевали как следует.

- Договорились ли вы с исправником? - спросил Вильмовский,

- А как же, завтра утром он вас примет, - поспешно ответил Павлов.

- Как так, значит он не уезжает? - с иронией заметил Томек.

- Нет, он изменил свои планы. Завтра утром мы вместе пойдем к исправнику, а потом к его превосходительству, господину губернатору, - заявил Павлов и тут же вышел.

VIII
Фу Чау

Странное положение, в котором очутились наши путешественники после нападения на них в ресторане Чанг Сена, нисколько не изменилось и на следующий день. Павлов с самого утра появился на пароходе и был чрезвычайно вежлив и услужлив. Вместе с Павловым путешественники пошли к исправнику, который вернул им паспорта, разрешил охотиться на территории всей подчиненной ему области и приказал агенту оказывать экспедиции всяческую помощь.

Через час путешественники явились с визитом к вице-губернатору. Он принял их на своей частной квартире, в присутствии троих адъютантов. Вице-губернатор расспрашивал об охоте, пожелал успеха и заверил, что напавшие на них хулиганы будут пойманы и примерно наказаны.

Звероловы вернулись на "Сунгач" в отличном настроении. Было совершенно ясно, что полиция после неудачной провокации пыталась мнимой вежливостью затушевать дело и собственную неосторожность.

Сразу же после обеда "Сунгач" отчалил от пристани в Благовещенске и направился вверх по реке. По обоим берегам Амура, покрытым зарослями тальника и вербы, виднелись вдали вершины гор. Чтобы улучшить состояние лугов, туземцы часто поджигали осенью траву на пастбищах. Поэтому то тут, то там виднелись сполохи от многочисленных палов.

По мере продвижения "Сунгача" на запад изменялся вид берегов Амура. Горные хребты придвинулись к самой реке, пойма ее сузилась, в лесах стали преобладать лиственницы, сосны и березы белые и даурские.

На четвертый день путешествия, перед рассветом, Смуга обратился к капитану Некрасову с просьбой подойти поближе к левому берегу реки, чтобы выбрать место для высадки. По расчетам Вильмовского, они находились примерно на расстоянии двухсот пятидесяти километров к западу от Благовещенска. Отсюда было не больше ста пятидесяти километров до Рухлова, конечного пункта железнодорожной линии, по которой можно было доехать до Нерчинска.

Ничего не подозревая относительно истинных намерений звероловов, Павлов похвалил выбор места будущей охоты.

- Я, конечно, не очень большой знаток, но мне приходилось не раз слышать, что здешние места - рай для охотников, - льстиво

говорил он. - В свое время здесь охотился знаменитый наш путешественник и великолепный стрелок, его превосходительство Николай Михайлович Пржевальский[40].

- Несколько лет после него здесь же охотился польский ссыльный Бенедикт Дыбовский, который исследовал пути следования перелетных птиц, - вмешался Томек. - Вы, пожалуй, слышали и о нем?!

- А как же, слышал, - согласился агент, и сразу же добавил: - Этот бывший каторжник был помилован по высочайшему повелению его величества. Вот вам, господа, лучшее доказательство, что за богом молитва, а за царем служба не пропадают!

- Говорите уж лучше об охоте. - перебил его обозленный боцман.

- Как я уже сказал, жаловаться на отсутствие дичи вы не будете, - миролюбиво продолжал агент. - Кроме того, здесь легко найти китайцев, которые охотно покажут богатые дичью места на противоположном берегу реки. Такое удовольствие требует большого риска.

- Почему же, если можно спросить? - полюбопытствовал боцман.

- Там легко встретиться с хунхузами[41], - ответил Павлов.

- А это еще что за черти, скажите пожалуйста? - спросил моряк.

- Китайские бандиты! Буквально за копейку они могут подвергнуть человека ужасным пыткам или даже убить. Еще и теперь они иногда проникают и на нашу сторону реки.

- Ого, видно, мы действительно выбрали себе хорошее место для охоты, - с иронией сказал боцман.

- Ничего не бойтесь! Я похвалил выбор места не только потому, что здесь много дичи, - успокоил боцмана Павлов. - Когда мы шли по реке, я заметил, что в нескольких верстах отсюда находится казацкая станица. Близость станицы удержит хунхузов подальше от этого места.

- Если так, то все в порядке, хотя, как вы сами убедились, нам не слишком легко плюнуть в кашу, когда мы соберемся вместе, - ответил боцман, подмигивая Томеку.

Во время этой беседы "Сунгач" стал готовиться к стоянке. Подцепив свои баржи с одного бока, он подходил к берегу. В конце концов, машины парохода остановились; крайняя баржа стояла почти у самого берега. Загремели цепи якорей.

Выгрузка имущества экспедиции продолжалась до самого вечера, поэтому капитан Некрасов решил отправиться в дальнейший путь на рассвете. По сравнению с ценой

пассажирских билетов, вознаграждение, которое потребовал Некрасов, оказалось весьма скромным. Поэтому к сумме трехсот рублей, названной Некрасовым, Смуга по своей инициативе добавил сто рублей в качестве премии экипажу.

С восходом солнца звероловы проводили капитана на судно. Некрасов долго прощался с боцманом Новицким. В последний момент, когда моряк уже собирался сойти не берег, Некрасов задержал его и сказал:

- Ты, парень, мне нравишься, медведь ты такой! Прежде чем замерзнет Амур, я сделаю еще несколько рейсов вверх по реке. Если случайно вы пожелаете еще раз покататься со мной, выстрелите в воздух четыре раза подряд. Проходя мимо, я буду внимательно наблюдать за тем, что происходит на берегу...

- Прекрасно, я даже ночью узнаю эту старую калошу, - весело ответил боцман. - Вы мне тоже понравились!

Некрасов наклонился к уху боцмана и тихо добавил:

- Вы не очень доверяйте вежливости этой полицейской крысы. Правда, после идиотской провокации в Благовещенске он явно переменил фронт, но я готов держать пари, что он продолжает свои козни!

- Вы так считаете?

- Да, притом я не люблю, когда полиция вдруг становится чересчур любезной.

- Хорошо, я буду глядеть во все глаза!

Выбрасывая из трубы снопы светящих искр, "Сунгач" тронулся в путь. А звероловы собрались на совет, чтобы распределить свои занятия. Решили, что:

Сыновья Нучи займутся уходом за тиграми, лошадьми и будут приготавливать пищу;

Смуга, Броль и Томек - будут охотиться;

Броун и Удаджалак - станут набивать чучела животных и птиц;

Павлов - возьмет на себя общее наблюдение за безопасностью лагеря.

Такое распределение ролей должно было облегчить Смуге и его двум спутникам поездку в Нерчинск. При Павлове им надо было следить за каждым словом, а на охоте, вне лагеря, они могли свободно обсудить все детали предстоящей операции. Сразу же утром следующего дня Смуга повел свою группу вверх по берегу реки; там было множество птиц. За короткое время им удалось подстрелить несколько экземпляров, после чего они остановились отдохнуть рядом с пристанью, где кули заготавливали дрова для пароходов.

У них охотники купили свежепойманного лосося; боцман

сразу же очистил рыбу, разложил костер и стал печь ее куски на камнях. Тем временем Смуга и Томек беседовали с китайцами. Вскоре Смуга заметил, что один из них, подросток, которому не было еще и двадцати лет, прямо-таки не отрывает взгляд от штуцера с оптическим прицелом, который Смуга прислонил к дереву.

- Я вижу, тебе нравится мое ружье, - обратился Смуга к юноше. - Из этого штуцера легко можно попасть в цель, находящуюся на противоположном берегу реки. Вот, пожалуйста, посмотри!

С этими словами Смуга прицелился из ружья. Юноша старался заглянуть в прицел. Прижмурил один глаз. Затаив дыхание, он смотрел на далекий горный хребет, видневшийся на противоположном берегу Амура.

- Ах, какое ружье, - шепнул он на русско-китайском жаргоне. - Если бы у нас было такое ружье, то мой старик отец охотился бы до сих пор, а хунхузы не отважились бы подойти к нашей фанзе[42].

- Разве бандиты часто на вас нападают? - спросил Смуга.

Китаец пугливо взглянул на путешественника и опустил голову.

- Теперь приходят реже... Им уже нечем поживиться, потому что мы лишены всего... - тихо ответил он.

По просьбе Томека, он рассказал печальную историю своей семьи.

Они жили на маньчжурском берегу Амура, в деревушке, расположенной у подножия гор, поросших густым лесом. Мать с помощью детей засевала небольшое поле, а отец охотился на антилоп, соболей, лисиц и белок. Отец был отважным охотником; он не боялся даже снежных барсов[43], которые зимой сходили с отдаленных возвышенностей Средней Азии. Однажды они заметили, что вблизи их дома обосновалась банда хунхузов. С тех пор бандиты стали нападать на деревушку и безжалостно грабить жителей. Хунхузы оставляли им лишь столько продуктов, чтобы они не умерли с голода.

- Однажды мой отец пошел проверить ловушки, поставленные на белок, а хунхузы как раз в это время появились в деревушке, - говорил юноша. - Они были взбешены поражением, которое потерпели в битве с казаками на русском берегу. Хунхузы забрали почти все продовольствие, и потребовали от жителей выделить десятерых молодых мужчин, которые должны были заменить убитых членов банды. Никто не хотел идти к ним, и в отместку за это бандиты стали жечь фанзы и убивать жителей. В отчаянии крестьяне бросились на хунхузов. Только немногие из

безоружных крестьян спасли свою жизнь.

Юноша замолчал. Потом продолжал еще тише:

- Мне было тогда всего семь лет... Я видел, как хунхузы убивали мою мать, братьев и сестер... От ужаса я потерял сознание; благодаря этому мне удалось избежать смерти. Вернувшись домой, отец нашел меня в бессознательном состоянии. Он похоронил убитых рядом с фанзой. Теперь он уже не может охотиться, как прежде. От слез он почти потерял зрение. Мы живем за те деньги, которые я получаю при вырубке леса.

- А что произошло с хунхузами? Вы не пытались отомстить им? - взволнованно спросил Томек.

- Почти все мужчины погибли, и некому было мстить, - ответил китаец. - Потом пришла другая банда хунхузов, они передрались между собой. Одни уходят, другие приходят!

Юноша наклонился к Томеку и шепотом добавил:

- Я откладываю часть из каждой получки, и когда зажигаю лампаду у домашнего алтаря, то всегда говорю матери, братьям и сестрам, сколько уже отложил на покупку винтовки...

- Много ли тебе еще не хватает? - спросил Смуга.

- Винтовка много стоит, а отцу нужна пища. Но через несколько лет я куплю винтовку!

- Ты парень, молодец, - похвалил Смуга. - А ты можешь выследить дичь?

- Конечно! Отец меня научил!

- Может быть, ты поможешь нам выследить снежного барса? - предложил он.

- Когда я несколько дней тому назад был дома, отец мне говорил, что вблизи бродит барс. Он похитил нашего поросенка.

- Хочешь ли помочь нам поймать его? - настаивал Смуга.

- Да, но вам придется пойти со мной на китайский берег. Мы живем вверх по реке на расстоянии суток пути.

- Послушай, парень, если ты выследишь для нас ирбиса, я дам тебе хорошую винтовку. Согласен?

Юноша недоверчиво посмотрел на путешественника.

- Ну, как? Хочешь получить винтовку?

Искорки радости в глазах молодого китайца были достаточным ответом. Смуга потрепал его по плечу и сказал:

- Приходи в наш лагерь денька через два. Он находится вниз по реке не больше часа отсюда. Скажи, что ищешь охотника, который хочет поймать снежного барса.

- Хорошо, я приду и скажу, - согласился китаец. - Но что будет, если ирбис уже ушел из наших краев?

Смуга смерил юношу испытующим взглядом и ответил:

- Если не будет барса, ты все равно получишь винтовку.

Однако в лагере ты обязательно уверяй всех, что приведешь нас к логову ирбиса. А как нам переправиться на противоположный берег реки?

- На пароме, - ответил китаец.

- Можно ли на этом пароме разместить нескольких человек и лошадей?

- Да, на нем можно перевезти даже телегу!

- Значит, помни! Ты должен прийти через два дня!

* * *

Вильмовский осторожно высунул голову из палатки и осмотрелся вокруг. Еще стояла глухая ночь. Нучи, покуривая короткую трубочку, бодрствовал у костра. Рядом с ним, на земле, лежали черные собаки. В бледном свете луны виднелись контуры палаток и телег. В лагере царила ночная тишина, только с той стороны, где стояли клетки с тиграми доносилось отрывистое рычание, которое сливалось с плеском волн широкого Амура.

По земле стелился легкий туман...

Вильмовский долго прислушивался; потом исчез в глубине палатки. Задумчиво посмотрел на спящих друзей. Боцман спал, удобно растянувшись на походной кровати. Его широкая выпуклая грудь мерно вздымалась; время от времени он всхрапывал. Томек, пожалуй, тоже спал; он лежал без движения, повернувшись лицом к стене. Смуга все еще старательно увязывал вьюки. Вот он откинул рукой прядь волос, упавшую ему на лоб, и присел на связанном тюке. Достал табак из кармана кожаной куртки. Попыхивая трубкой, наблюдал за встревоженным Вильмовским. Через некоторое время Смуга тихо сказал:

- Андрей, ты бы соснул хоть немного до рассвета.

Вильмовский тяжело вздохнул и ответил:

- Мне совсем не хочется спать, не дают заснуть тревожные думы... Ведь если китаец не подведет, вы уже сегодня отправитесь в путь... Мне будет очень тяжело поджидать вас в полной неизвестности!

- Несколько дней промелькнет мигом, Андрей! Я тебе обещаю, что буду следить за безопасностью Томека...

- Ах, ведь не только в нем дело! Томек и я, мы родственники Карских и выполняем свой долг, но вы двое...

- Успокойся, дружище! Ради приключения боцман готов спуститься даже в ад! Он и так не умрет естественной смертью! Что касается Томека, то ты лучше меня знаешь - он такой же, как и боцман. Теперь его волнует только твоя безопасность.

- Держи их крепко в руках, Ян, - попросил Вильмовский, глядя на спящего сына. - Сам тоже не очень рискуй! Я ни за что не прощу себе, если с кем-нибудь из вас случится плохое!

- Мне приходилось попадать в куда более тяжелое положение, - ответил Смуга. - Что касается меня, я отправился в эту экспедицию в память о моем сводном брате. Ты же знаешь, как он стремился помочь ссыльным.

Вильмовский уселся рядом со Смугой. Закурил трубку, потом спросил:

- Все ли уже запаковано?

- Пожалуй, все, но мы еще проверим багаж, - ответил Смуга. - В этом тюке у меня пять меховых спальных мешков. Вон в том одеяла, немного белья и подручная аптечка. Здесь одежда для нашего ссыльного - теплые штаны, бараний кожух, меховая шапка, рукавицы, белье, валенки. В кожухе зашиты искусственные усы, брови, борода и парик, что должно облегчить ему побег.

- Ты не забыл о клее? - спросил Вильмовский.

- Он в кармане кожуха. В следующем вьюке у нас палатка, а в том - необходимое лагерное имущество. Перед самым отъездом мы еще упакуем немного продуктов в присутствии Павлова. Оружие и амуниция уже упакованы.

- Сколько лошадей вы возьмете с собой?

- Шесть; четыре верховых и две упряжных для телеги, на которую погрузим клетку с барсом и вьюки.

- Думаю, этого хватит.

- Слушай, Андрей, до возвращения Удаджалака не отходи от Павлова ни на шаг, - предостерегал Смуга. - Особенно следи, чтобы он не подходил к тюку, в котором спрятана тигровая шкура.

- Буду об этом помнить, Ян, можешь на меня рассчитывать, - твердо ответил Вильмовский.

Друзья проговорили до рассвета. Они обсуждали план действий отдельных членов экспедиции, старались предусмотреть все препятствия, которые могут встретиться на их пути. Больше всего трудностей вызывало присутствие полицейского агента. Смуга советовал в случае надобности устранить его, не останавливаясь ни перед чем, но Вильмовский, как всегда, категорически воспротивился этому. Он считал, что никто не имеет права лишить жизни другого человека. Они долго не могли прийти к согласию. В конце концов, увидев, что Томек и боцман пробуждаются, они прекратили спор.

Не успели путешественники выкупаться в реке и усесться за завтрак, как молодой китайский дровосек Фу Чау прибежал с известием о том, что он выследил ирбиса. Волнение звероловов,

вызванное этим, не возбудило у Павлова никаких подозрений. Места, где обитал снежный барс, в те времена были столь же мало известны европейцам, как и само это животное, весьма редко встречаемое в зоологических садах. Поэтому Павлов знал, что даже шкура снежного барса представляла чрезвычайно ценный трофей.

Во время краткого, но весьма оживленного совета, звероловы решили устроить облаву на барса. Павлов не возражал против экспедиции на маньчжурскую сторону, но рекомендовал сохранять особую осторожность, так как вблизи можно было нарваться на банду хунхузов, о существовании которой он узнал от Фу Чау. В облаве должны были участвовать Смуга, боцман, Удаджалак и Томек. Не теряя времени, они стали готовиться в путь.

Вильмовский и Павлов проводили охотников до самой переправы через Амур. Переправа осуществлялась на пароме с водяным колесом. Паром состоял из двух барж с деревянной платформой на них. Хозяин парома, бородатый китаец с лохматой головой, носил у окрестных жителей прозвище капитана Ванга.

Примитивный паром не мог перевезти телегу, шесть лошадей и всех людей за один раз, поэтому капитан Ванг был вынужден переправляться через Амур два раза.

Второй раз паром переправился только после обеда. Томек с нетерпением смотрел на приближавшийся правый берег реки. Ведь там находилась Маньчжурия[44], столь же грозная страна, как и обширные районы Сибири. На западе граница Маньчжурии опиралась о Большой Хинган, на востоке - доходила до Уссурийской низменности и гор Северной Кореи. Северная граница Маньчжурии проходит по Амуру и Уссури. Между горами, покрытыми частично лесом, расположена степная Маньчжурская низменность; леса здесь растут только по берегам рек, но в этих лесах в изобилии водятся тигры, барсы, медведи, волки, лисицы, дикие кабаны, косули, олени и горные антилопы.

Паром упорно преодолевал течение реки. Он медленно приближался к полосе прибрежной степи, которая поднималась узким предгорьем и доходила до прорезанного глубокими долинами, вздымающегося к небесам Большого Хингана. За северным краем гор текла река Аргунь, к западу от которой, на расстоянии всего лишь двухсот пятидесяти километров, был расположен город Нерчинск. Дальше к югу простиралась Монголия, родина знаменитого Чингисхана, крупнейшего военачальника в истории Азии, который на рубеже XII и XIII веков основал колоссальное монгольское государство, простиравшееся

от Китая до реки Дуная в Европе.

Фу Чау со своим отцом жил у подножия гор, покрытых девственными лесами. Звероловы стремились дойти до их фанзы еще до наступления вечера, а тем временем паром неуклюже плыл наискосок против течения реки. Звеня привязанным к поясу чайником, капитан Ванг вроде бы погонял полунагих кули, крутивших водяное колесо, но сам помогать им не спешил. Он кричал, угрожал палкой, вертелся вблизи двуконной арбы и пытался рассмотреть, что скрывается в лежавших там мешках, тюках и вьюках.

В конце концов, паром пристал к жалкой, сбитой из нескольких бревен пристани. И звероловы, и кули порядком намучились при разгрузке клади. Как только выгрузили арбу, в нее тотчас же впрягли лошадей. Фу Чау ловко вскочил на вьюки, лежавшие на арбе, звероловы уселись в седла. Отдохнувшие лошади бодро направились на юго-запад.

С наступлением сумерек Смуга распорядился остановиться на отдых. Он опасался заблудиться в незнакомой стране. Стреноженных лошадей пустили пастись. Люди тоже поужинали, достав запасы из дорожных мешков. После того, как животные несколько отдохнули, Фу Чау предложил отправиться в дальнейший путь. Он уверял, что попадет в свою фанзу даже с завязанными глазами. После недолгого колебания охотники согласились на его предложение. Как только на небе показались звезды, они оседлали лошадей. Ехали, направляясь в сторону горного хребта. Лошади шли шагом, а путешественники вели непринужденную беседу, покуривая свои трубки.

IX
Снежный барс

Из-за далеких гор выглянул серебряный лик луны. Звероловы ехали вдоль опушки довольно редкого леса. Со стороны широкой долины ветерок веял живительной прохладой. Лошади, вероятно, почувствовали близость жилья, потому что без понуканий ускорили шаг.

- Уже близко, наша фанза находится здесь, за лесом, - воскликнул Фу Чау, обращаясь к Смуге.

- Если это так, то давай поедем вперед и разбудим твоего отца, - ответил зверолов.

Они пришпорили лошадей, и вскоре арба осталась далеко за ними. Не прошло даже четверти часа, как Смуга и Фу Чау въехали в долину. Где-то вблизи залаяла собака, но сразу же умолкла, и вокруг опять воцарилась тишина. Редкий лес кончился, открыв небольшое поле. В лучах луны охотники увидели характерную, глинобитную китайскую фанзу, с кирпичной трубой, торчавшей отдельно позади дома. Две боковые стены и один из фасадов фанзы были полностью лишены окон, но во фронтовой стене было два больших окна, разделенных на квадраты, заклеенные бумагой. Между окнами виднелась широко открытая дверь. Двускатная крыша фанзы была покрыта древесной корой.

Охотники задержали лошадей у дома. Но никто не отозвался на их призыв, словно фанза была пустой. Соскочив с лошадей, они приблизились к открытой двери. Томек осторожно переступил порог. Потом он зажег спичку и в свете дрожащего огонька осмотрелся вокруг. С левой стороны двери, вдоль стены стояла низкая каменная печь, называемая здесь каном[45]. Кан устраивается из кирпича, или камня и имеет вид широкой скамьи, на которой можно свободно лежать. Дымовые каналы проходят через весь кан от топки до трубы. Сейчас на кане лежали соломенный мат и ватное одеяло, в беспорядке свисавшее одним концом на пол,

Томек коснулся кана рукой и почувствовал тепло нагретого камня. В глубине фанзы от самых стропил свисала завеса, которая, наверно, прежде делила дом на две части. Томек зажег новую спичку и сделал еще несколько шагов. На чисто вымытом столе из гладких струганных досок стоял подсвечник с огарком свечи. Томек зажег огарок и увидел, что напротив кана стоит небольшой домашний алтарь, напоминающий часовенку, украшенную разноцветными бумажками и полевыми цветами. В

фанзе, кроме стола и трех покосившихся табуреток, был еще старый китайский сундук. Крышка сундука была откинута вверх, словно кто-то в спешке выхватывал оттуда все содержимое.

Не гася свечи, юноша вышел из фанзы.

- Там никого нет, - сообщил он друзьям. - Пожалуй, отец Фу Чау бежал, услышав топот лошадей. Видимо, он подумал, что мы хунхузы.

- А может быть, кто-нибудь и в самом деле напал на него до нашего приезда? - встревожился боцман.

- Раньше лаяла собака, а теперь ее нет, - вмешался Удаджалак. - Пес разбудил хозяина, а потом убежал вместе с ним.

- В этом нет ничего удивительного после всего того, что довелось пережить этим людям. Ведь они живут в постоянной тревоге, словно мышь под метлой, - заметил Смуга. - Наши призывы тут ни к чему, давайте лучше подождем Фу Чау.

Уставшие лошади стояли спокойно, и охотники уселись на скамью возле фанзы. Рядом стоял деревянный навес. За ним виднелся огород, окруженный низким ажурным забором. Звероловы терпеливо ждали, пока арба подъехала к фанзе. Фу Чау спрыгнул с арбы на землю.

- Мы застали дверь открытой, а дом пустым, - воскликнул Томек.

Фу Чау вбежал в фанзу; при слабом свете свечи он быстро осмотрел помещение, вышел на двор и высоким голосом что-то крикнул по-китайски в темноту ночи.

Вокруг царила тишина, прерываемая только фырканьем лошадей. Фу Чау повторил свой призыв. Из кустов показался сутуловатый мужчина. Нацелив на Фу Чау ствол старого ружья, он медленно подошел к юноше. Скрестив руки на груди, Фу Чау низко поклонился старику. Тот сначала коснулся рукой плеча сына, словно хотел удостовериться, что его не обманывает зрение, а потом приветствовал поклоном незнакомых гостей.

Фу Чау на своем языке сообщил отцу, кем являются его спутники. Старик согласно кивнул головой и направился к кустам. Вернулся с довольно большим узлом на спине в сопровождении лохматой собаки. Движением руки пригласил гостей в фанзу.

Охотники расседлали лошадей. Привязали их вместе с двумя распряженными конями к коновязи у навеса. Всю упряжь, мешки и вьюки внесли в фанзу. Удаджалак зажег фонари, а Смуга и боцман стали доставать из дорожных мешков продукты.

Старый китаец присел на корточки у кана. Он открыл дверку топки и раздул огонь из углей, покрытых пеплом. Потом Фу Чау принес охапку мелко нарубленных дров. Вскоре огонь весело

играл в печи; старик подошел к столу, на котором прежде положил узел. Звероловы увидели сокровище, которое он так прятал от хунхузов. Это были простая синяя блуза и штаны, потертый овечий полушубок, несколько беличьих шкурок, одна лисья и старый, довольно помятый, жестяный чайник. Старик налил в чайник воды из ведра и поставил его на огонь. Остальные вещи китаец спрятал в сундук, стоявший у стены.

Томек незаметно изучал внутреннее убранство фанзы. Верхняя часть стен и стропила потемнели от времени. Но, несмотря на это, в комнате царила чистота, хотя крайняя бедность хозяев выглядывала из каждого угла. Из подполья старик достал горшок с небольшим количеством вареного риса, но боцман тут же пригласил его к столу, отведать пищи, приготовленной из привезенных продуктов.

Китайцы уселись на краю кана, изумленные богатством содержимого дорожных мешков путешественников.

Боцман приготовил самый настоящий пир. Он открыл коробки мясных и рыбных консервов, подал солонину, сыр, сухари, консервированную фасоль в томатном соусе, сушеные фрукты и бутылку русской водки. Порядком проголодавшиеся путешественники вместе с китайцами чинно уселись за стол.

К концу ужина Смуга подарил хозяину мешочек с табаком. Старый китаец сразу же привязал его к поясу. Потягивая трубку, он задумчиво кивал головой, но время от времени бросал неуверенный взгляд на дверь. Вероятно, ему не давала покоя какая-то мысль.

Вскоре охотники заметили странное поведение старика, и Смуга спросил его, не холодно ли ему случайно. Китаец отрицательно кивнул головой,

- Телега, много коней, хорошее оружие, мешки с дорогими вещами - это очень плохо. Если хунхузы узнают, что у нас такие богатые гости, они сразу появятся здесь! - пояснил он на русско-китайском жаргоне.

Смуга проницательно посмотрел на старика. Неужели эти два китайца были в сговоре с хунхузами? Ведь Павлов не раз говорил, что бандиты располагают сторонниками и разведчиками среди местных жителей, которые сообщают им, когда и на кого надо напасть. Действительно, почему этот старик и его сын остались на развалинах селения в столь близком соседстве с бандой хунхузов? Возможно, рассказ юноши об убийстве его семьи - обыкновенная сказа, а ирбис - приманка для того, чтобы заманить охотников в ловушку?!

- Много ли людей в банде хунхузов? - спросил Смуга, внимательно наблюдая за выражением лиц своих хозяев.

- Я видел их, когда они переправлялись на противоположный берег. Полтора десятка, от силы двадцать человек, - ответил старик. - Потом рассказывали, что они напали на строителей железной дороги...

- Подумаешь! Пришлось бы всего по пять человек на каждого из нас, - презрительно вмешался боцман.

Смуга тоже не выглядел испуганным возможностью встречи с бандитами. Заметив на его губах загадочную улыбку, Томек подумал, что на этот раз плохие известия были на руку Смуге.

- Ну, что ж, поживем - увидим! - сказал Смуга. - А теперь пора спать, потому что скоро начнет светать!

- Кому первым становиться на часы? - спросил Томек.

- Сегодня нет нужды в охране! Вот-вот взойдет солнце, - громко ответил Смуга.

Удаджалак как раз стелил одеяла на кане. Боцман зевнул во всю свою мощную глотку и стал раздеваться.

- Раз не надо становиться на вахту, то давайте будем спать, - буркнул он. - Правда, многие нарушившие заповедь охраны с удивлением пробуждались затем в царстве святого Петра, то есть в раю, но вы здесь командир - вам виднее!

- Вы, конечно, правы, боцман, поэтому не бурчите, а идите спать, - шепнул Смуга. - Сегодня уже никто не успеет уведомить хунхузов...

- Возможно, но, по-моему, лучше никому здесь слишком не доверять!

- Я всегда верю только себе, - парировал Смуга.

- Так надо сразу и говорить! - буркнул успокоившийся моряк и подмигнул, показывая, что понимает, в чем тут дело.

Убедившись, таким образом, что Смуга предпримет необходимые меры предосторожности, боцман, словно настоящий китаец, разделся донага и лег на кан, повернувшись головой к центру фанзы, а ногами к стене. Натянул одеяло на голову и почти сразу начал храпеть. Его примеру последовали Томек и Удаджалак. Смуга тоже лег в постель, повернув лицо к двери. Притворившись спящим, он из-под прищуренных глаз наблюдал за китайцами.

Некоторое время Фу Чау шепотом вел беседу с отцом. Тот кивал головой, ежеминутно поглядывая на спящих гостей. Кончив беседу, Фу Чау снял с гвоздя на стене старое, подвязанное проволокой ружье, тщательно зарядил его и уселся на пороге открытых дверей фанзы. Отец погасил свечи в фонарях и присел за спиной сына.

Смуга повернулся на другой бок.

Заслуженный отдых охотников прервало ржание лошадей.

Звероловы, как по команде, вскочили с постели. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться, что оружие их находится в целости и сохранности. Винтовки стояли, как и раньше, опертые о стену. Охотники выбежали на двор. Фу Чау стреножил лошадей и выпускал их пастись на луг. Его отец, в соломенной, конусообразной шляпе на голове, выгонял из огорода двух подсвинков. Охотники остановились во дворе. Старик-китаец встретил их поклоном и сказал:

- Сын говорил мне, что достопочтенные гости намерены поймать ирбиса. Видимо, в горах предстоит суровая зима, потому что одна самка уже показалась здесь. Недавно она зарезала у меня поросенка.

- Может быть, ты знаешь, где она прячется днем? - спросил Смуга.

- Несколько дней тому назад я ее выследил, - ответил китаец. - Ну и хитрая штука! Она обычно поджидает животных на берегу ручья, у водопоя.

- Мы просим вас, достопочтенный господин, чтобы вы еще сегодня показали нам это место, - вмешался Томек.

- Вы в самом деле обещали за это дать моему сыну винтовку? - недоверчиво спросил китаец.

Смуга, словно не дослышав вопроса, обратился к китайцу:

- Говорят, что вас часто посещают хунхузы? Твой сын рассказывал, что вы пережили тяжелые времена из-за них, правда ли это?

Старик подошел ближе. Движением руки он пригласил гостей следовать за ним. В нескольких шагах от фанзы они увидели невысокий плетень и за оградой насчитали семь могил в одном ряду. Могилы содержались тщательно, были покрыты цветами.

- Здесь лежит моя супруга и дети, - сказал старик, отвешивая глубокий поклон перед каждой могилой. - Хунхузы убили их и взяли все мое имущество.

- Послушай, друг, если нам когда-нибудь доведется встретить хунхузов, мы будем об этом помнить, - сказал боцман, сурово насупив брови. - А насчет винтовки, обещанной твоему мальцу, не беспокойся! Он получит ее, а не то провалиться мне на этом месте!

Старик поклонился боцману.

- Достопочтенный господин, такое оружие очень дорого стоит. Мой сын уже собрал немного денег, и теперь сказал мне, что отдаст их вам!

Старик подошел к одной из могил. Добыл из-под дерна жестяную коробку из-под чая и вручил ее боцману. Сконфуженный моряк заглянул внутрь коробки. Немного

взволнованный, он глядел на горсточку серебряных монет. В конце концов он всадил руку в карман, вынул оттуда золотую пятирублевку, бросил ее в "копилку", закрыл крышку и вернул коробку старику.

- Спрячь это на черный день, старик, - буркнул он, вручая коробку китайцу. - Идем в фанзу, Фу Чау, ты сейчас получишь там свою винтовку.

Старик еще раз поклонился моряку почти до самой земли, а тот, не желая отставать от него в вежливости, тоже низко поклонился, и они стукнулись головами, как два козла. Взгрустнувший было Томек сразу повеселел. Взяв друзей под руку, он повел их в фанзу.

Радость обоих китайцев была безгранична. Смуга вручил им новую винтовку, а боцман добавил к ней свой запасной оптический прицел. Томек подарил Фу Чау пачку патронов, Удаджалак отдал свой кукри, то есть короткий кривой нож с широким лезвием, обычное оружие гурков, обитающих в Непале и Западном Бенгале, откуда был родом Удаджалак.

Позавтракав, охотники в обществе хозяев пошли на поиски следов снежного барса.

Старый китаец помолодел по крайней мере на несколько лет. Он шел быстро, твердо ступая по земле. С гордостью поглядывал на сына, вооруженного новой винтовкой. В ближайшем их окружении ни у кого не было такого великолепного ружья. Теперь они вместе будут ходить на охоту. Когда соберут немного денег, купят участок земли, переедут поближе к крупному городу, где забудут о хунхузах. Старик уже не жаждал мести. Он понял, что смерть нескольких неизвестных бандитов не вернет к жизни его семью! Он хотел только уберечь единственного сына и спокойно умереть в окружении внуков. Поэтому его сердце было переполнено благодарностью к чужестранцам, которые так щедро одарили его. Он стремился как-то выразить свою благодарность и, вспомнив прежние годы, сам отважно повел охотников к логову снежного барса.

Вскоре он уловил хорошо знакомый ему шум ручья. Протоптанная антилопами тропа проходила несколько в стороне, потому что старик нарочно обходил ее, чтобы не пугать животных. Если антилопы изменят место водопоя, то ирбис пойдет вслед за ними.

Кружным путем охотники подошли к ручью. Китаец притаился в кустах. Осторожно раздвинул ветви.

- Это здесь, - шепнул он. - Посмотрите, достопочтенные господа, на этот раздвоенный ствол дерева, вершина которого склонилась к самой воде! Обычно ирбис на рассвете поджидает

на нем антилоп...

- Эй, человек, даже самое глупое животное сразу увидит на дереве барса и удерет! - с сомнением сказал боцман.

- Ты ошибаешься, благородный господин, - возразил китаец. - Ирбиса даже днем трудно заметить на дереве! Он вытягивается вдоль крупной ветви, кладет голову на передние лапы и неподвижно ждет.

- Барсы - чрезвычайно умные животные, - поддержал китайца Смуга. - Подождите меня здесь. Я пройдусь по окрестностям и обдумаю план засады.

- Хорошо, только осмотрите как следует местность, потому что нам надо будет попасть сюда ночью, - сказал боцман и с удобством расположился на траве под деревом. Томек уселся рядом с ним. Воспользовавшись тем, что китайцы и Удаджалак забрались в малиновые кусты, Томек спросил:

- Заметили ли вы, что Смуга совсем не обеспокоился известием о хунхузах?

- Ба, он, кажется, был даже доволен этим, - согласился моряк. - Если такой хитрец берется за дело, то хунхузам было бы лучше сойти с его дороги!

- Гм, если бы бандиты захотели преследовать нас по пути к Нерчинску...

- Сдается мне, что ты недалек от истины, - сказал боцман. - Смуга готов так устроить...

- Вот была бы потеха!

- Мы бы развлеклись немного, - добавил боцман. - К счастью, твой уважаемый папаша остался в лагере!

При одной лишь мысли о встрече с хунхузами боцман удовлетворенно стал потирать руки. Прежде, в различных портах мира, он охотно вмешивался в любые драки, но с тех пор, как Вильмовский пригласил его в компанию по поставке животных для Гагенбека, он не мог потворствовать своим желаниям. Томек заметил красноречивое потирание рук и, помня предупреждение отца, сказал:

- А что мы сделаем, если хунхузы возьмут нас за горло?

- Ты спрашиваешь, что сделаем? Будем метко стрелять! - ответил боцман.

- Но это же ужасно - проливать зря человеческую кровь!

- Э-э, браток, сдается мне, что ты хочешь надуть Салли!

- При чем тут Салли! Зачем вы вмешиваете имя Салли в разговор о драках?!

- Потому что ты болтаешь как монах. Уже не задумал ли ты поступить в монастырь?! В таком случае ты здорово подвел бы нашу голубку! Если какой-нибудь подлец лезет на тебя с

кулаками, приходится забывать о библии!

- Хорошим вещам вы меня учите, - язвительно заметил Томек.

- Чему меня учили, тому и я учу! Подбил я однажды товарищу глаз, и его мамаша пришла жаловаться к моему старику. В наказание мне пришлось целый вечер писать: "Если кто-нибудь ударит тебя в левую щеку, подставь ему правую!"

- Видимо, это вам помогло!

- А как же, даже очень! На другой день этот мой товарищ съездил мне по уху, а когда я по евангельскому завету подставил ему второе, он вышиб мне зуб. Узнав об этом, мой старик отлупил меня как следует за то, что такой здоровенный недотепа позволяет вышибать себе здоровые зубы!

Томек расхохотался. Вскоре наши друзья в самом лучшем настроении вели беседу о различных приключениях, которая продолжалась вплоть до возвращения Смуги из разведки.

* * *

После обеда Смуга распорядился, чтобы все осмотрели и смазали оружие. Каждый участник экспедиции был вооружен двумя револьверами и винтовкой. Звероловы еще раз перевязали вьюки, так как телегу и часть снаряжения намеревались оставить на некоторое время в усадьбе старика.

Отдельно отложили тюки с одеждой для ссыльного, спальные мешки, палатку, скромные запасы продовольствия и снаряжение, нужное в пути.

Возбужденный этими приготовлениями боцман отвел Смугу в сторонку и спросил:

- Пожалуй, мы скоро отправимся в путь?

Смуга утвердительно кивнул головой, а моряк продолжал спрашивать:

- Вы ожидаете нападения хунхузов?

Смуга опять кивнул головой.

- А если они не нападут?!

- Тогда мы сами их поищем... - услышал он ответ.

Удовлетворенный боцман тихо засмеялся и шепнул:

- Я тоже так думал во время переправы на этот берег реки. Вам хотелось бы, чтобы бандиты погнали нас на запад?

- Либо они нас, либо мы их, - ответил Смуга.

Боцман опять басовито захохотал и спросил:

- Как вы думаете, они скоро узнают о нас?

- Если они не появятся через два или три дня, то мы сами начнем действовать. Но я думаю, что они раньше сунут сюда свой

нос.

- А мы им его утрем, ей-ей!

Они заговорщицки засмеялись.

- Вильмовский опять станет читать нам проповедь, - сказал боцман. - Он благородный мужчина, но не слишком практичный...

- Не мудрите, боцман! В случае стычки ни на минуту не спускайте глаз с Томека.

- Можете на меня рассчитывать. Салли мне голову оторвет, случись с ним что-нибудь плохое!

Наступил вечер. Охотники пошли спать рано, но на этот раз выставили часовых. После Томека настала очередь Смуги. Заткнув револьверы за пояс, он вышел во двор.

Ночь была светлая и тихая. Огромный диск восходящей луны, казалось, касался темных вершин леса. Смуга проверил хорошо ли привязаны лошади к коновязи под навесом, потом обошел кусты вокруг фанзы. Ничего подозрительного он не заметил, поэтому спокойно вернулся в фанзу. Не делая лишнего шума, разбудил товарищей. Вскоре они, вооруженные и одетые, вышли из дома. Смуга принес сеть и аркан.

- Мы трое пойдем в разведку к водопою, - заявил Смуга, когда все охотники собрались во дворе фанзы. - А ты, Удаджалак, останешься здесь на страже. Если заметишь что-либо необычное, выстрели из винтовки. До водопоя отсюда недалеко, и мы прибежим через несколько минут. Будь осторожен, потому что хунхузы могут быть близко!

- Слушаюсь, сагиб, - по-военному ответил Удаджалак.

- Послушай, браток, лучше всего сядь возле дверей и прислушивайся хорошенько, - посоветовал боцман. - Если ты будешь бродить вокруг дома, то окажешься прекрасной мишенью для любого бандита, находящегося в кустах.

- Боцман прав, - сказал Смуга. - От дверей лошади видны, как на ладони, а именно к ним нельзя подпускать никого чужого. В случае опасности немедленно разбуди китайцев. Заряженная винтовка для старика стоит рядом с каном.

- Слушаюсь, буду наблюдать... - ответил Удаджалак.

Три охотника осторожно пробирались через чащу леса, поэтому прежде чем они дошли до водопоя, прошло не меньше получаса. Томек посмотрел вверх. Ствол дерева, нависшего над потоком на темном фоне других деревьев, был почти не виден.

- Здесь пусто и глухо, - шепотом заметил он. - Жалко времени на бесцельную засаду... Мы можем возвращаться назад!

- Не говори глупостей, - перебил его Смуга. - Мы нарочно говорили всем об охоте на ирбиса, поэтому теперь должны хоть притвориться, что охотимся. Ты что, уже забыл о Павлове?

- Ваша правда. Он, конечно, проведет целое следствие, когда мы отсюда исчезнем, - добавил боцман. - Поэтому многое зависит от показаний наших китайских хозяев. Именно для них мы устраиваем представление с охотой на ирбиса!

- Понимаю, боцман, понимаю, но что-то я сегодня неспокоен, - оправдывался Томек.

- Не думай о хунхузах, они, возможно, совсем не придут, - утешил его моряк.

- Прекратить разговоры! Боцман, лезьте на дерево и прикрепите сетку к стволу, - приказал Смуга. - Сделайте это так, чтобы западня закрылась, если потянуть за шнурок.

- Хорошо, флаг сейчас будет на мачте, - сказал боцман. Он забросил сетку на спину и стал взбираться на дерево.

Вскоре послышался его голос.

- Замечательное место на засаду! Лезешь, как по лестнице...

- Тише там! - предостерег Смуга.

Его предостережение было излишним. Боцман сам умолк на полуслове. Он только теперь заметил на расстоянии вытянутой руки прижавшуюся к стволу дерева самку барса. Она смотрела на него блестящими, чуть прищуренными глазами. Вдруг тихо вскочила. К счастью, боцман не потерял присутствия духа. Он моментально закрыл лицо сеткой, которую держал на спине. Резкий удар чуть не сбросил его со ствола. С трудом удерживая равновесие, боцман впился рукой в мягкую шкуру на шее животного, которое когтями и клыками пыталось разорвать толстый свиток сети... Боцман старался сбросить с себя разъяренного хищника, но тот внезапно ударил его задними лапами по ногам. Клубок из животного и человека свалился на землю.

Бесшумная борьба на дереве продолжалась всего пару секунд. Поэтому Томек и Смуга не на шутку испугались, когда боцман и барс свалились с дерева прямо им на голову. Томек упал, получив удар по лицу пушистым хвостом. Смуга сразу же понял, в чем дело. Всем своим телом он бросился на барса, стремясь прижать его к земле. Боцман застонал. Томек поспешил им на помощь. Он схватил хищника за шкуру на шее возле самой головы. Вероятно, ему удалось бы голыми руками захватить зверя, но вдруг со стороны фанзы послышался винтовочный выстрел. И сразу же началась беспорядочная канонада.

Боцман поджал ноги, застонал от усилия, выпрямился и сбросил с себя барса и друзей. Освободившийся хищник скрылся в кустах, а звероловы схватили упавшие на землю винтовки и помчались к фанзе.

X
Битва с краснобородыми

Беспорядочная стрельба вскоре сменилась отдельными выстрелами. Не обращая внимания на ветки, бьющие по лицам, падая на землю, спотыкаясь о лежащие на земле стволы деревьев, охотники что есть сил бежали к фанзе. Падая с дерева, боцман повредил себе ногу, разорванные когтями барса лоскутья одежды цеплялись за кусты, но он не отставал от других. Лицо у Смуги было окровавлено, так как и он не успел уклониться от острых когтей хищника. Удары веток причиняли ему нестерпимую боль. Один лишь Томек не пострадал и рвался вперед.

- Быстрее, они еще защищаются! - воскликнул он, ускоряя бег.

- Не выскакивай вперед!.. - крикнул Смуга, хватая юношу за руку,

- Беги за мной! - добавил боцман, рванувшись вперед. Моряк без труда угадывал мысли Смуги. Чем больше они сохранят сил к моменту появления около фанзы, тем мощнее будет их отпор врагу. В данный момент положение в фанзе не могло быть слишком угрожающим. Удаджалак, опытный стрелок и превосходный солдат, конечно, не позволил захватить себя врасплох банде обыкновенных бандитов. Отдельные выстрелы доказывали лучше всего, что первая атака была отбита.

Лес поредел... Впереди уже виднелась фанза. Смуга опередил боцмана. Он повел товарищей к навесу, под которым были привязаны лошади. Скрываясь за кустами, они подбежали к навесу на расстояние нескольких шагов. Попытались наскоро определить положение. Хунхузы прятались в кустах перед фанзой и выстрелами пытались поразить защитников, находившихся внутри дома. Видимо, часть хунхузов в это время старалась окружить фанзу, чтобы приблизиться к ней со стороны стен, лишенных окон. На тылах дома были слышны их возгласы. Не было сомнений в том, что они начнут штурм еще до рассвета.

Два хунхуза, одетые в короткие полушубки, с широкими, конусообразными шляпами на головах, пытались отвязать лошадей, стоявших под навесом. Однако бандиты не могли подойти к ним, потому что стоило только кому-либо из них показаться возле встревоженных лошадей, как из широко открытой двери фанзы раздавался выстрел. Хунхузы ругались на чем свет стоит, делали все новые и новые попытки, а тем временем, с одной стороны пули защитников фанзы, а с другой - копыта брыкающихся лошадей не давали им возможности

подойти к коновязи.

Опасаясь, что положение может в любую минуту измениться в пользу банды, Смуга решил начать атаку. Он тронул боцмана за плечо и кивком головы показал на хунхузов около лошадей. Боцман понял приказание и знаками потребовал от Томека, чтобы тот поддержал его огнем в случае нападения бандитов, находившихся перед фанзой.

Юноша сразу же повернул винтовку в сторону фанзы, а оба его товарища положили свои винтовки на землю рядом с ним и достали ножи. В данном случае огнестрельное оружие было непригодно - пули могли ранить лошадей.

Смуга и боцман одновременно поднялись на ноги и побежали навстречу хунхузам. Разгорелась короткая схватка. Захваченные врасплох бандиты оказали слабое сопротивление. Первым ударом Смуга повалил одного из них, а боцман, хотя и получил удар арканом по лицу, от которого у него на мгновение помутилось в глазах, схватил хунхуза за руку. Борьба их закончилась криком ужаса и боли. Со стороны послышались выстрелы. На них ответил огонь из фанзы.

Трое охотников подползли ближе к дому. Теперь они очутились между лошадьми и осадившими фанзу хунхузами. Бандиты прекратили огонь. Видимо, они стали совещаться.

Небо на востоке порозовело.

- Светает, сейчас они нападут на фанзу... - шепнул боцман.

- Удаджалак не терял времени даром, - пробурчал Томек. - Три трупа лежат на дворе перед домом.

- Вместе с нашими двумя, это уже пять... - добавил моряк.

- Тихо! Идут! - прошипел Смуга.

Из-за угла фанзы показалось бородатое лицо. Бандит взглядом измерял расстояние до широко открытой двери. Потом он осторожно вышел из-за угла и сразу же прижался спиной к стене. Шаг за шагом он подходил к двери. Вслед за ним показались другие. Их было несколько человек. Вскоре они находились уже у широкого окна. Опустились на четвереньки и поползли... Некоторые держали в зубах ножи, другие были вооружены палками. Только у троих были ружья.

- Девять человек... Я прыгну на них, поддержите меня огнем, - шепнул боцман.

- Хорошо, они ничего не знают о нас... - согласился Смуга.

Он не ошибся; бандиты, находившиеся сзади дома, не ориентировались в обстановке. Они руками давали знак товарищам, скрытым в кустах, чтобы те присоединились к атаке. До двери им оставалось всего лишь два или три шага.

Боцман не терял драгоценного времени. Положив винтовку

на землю, он вынул из кобуры револьвер и всадил его за пояс. Нож передвинул так, чтобы его рукоятка была под рукой, поднялся на ноги и прыгнул...

- Не стреляй, Удаджалак! - крикнул Томек, увидев ствол винтовки в проеме дверей.

- Молчи! - прошипел Смуга, пытаясь ладонью закрыть рот юноши. Но было уже поздно.

Хунхузы на несколько мгновений раньше заметили, что к ним бежит чужой. Они как по команде вскочили на ноги. Первый из них замахнулся палкой; вероятно, он размозжил бы боцману голову, если бы тот не упал на землю. Удаджалак бросился на помощь боцману. Он рванулся из фанзы и ударом приклада повалил хунхуза на землю. Разъяренный неудачей, боцман вскочил на ноги и бросился на хунхузов как ураган. Схватив поваленного Удаджалаком врага, он как перышко поднял его над головой и, размахнувшись, бросил в толпу нападающих хунхузов. Двое или трое из них упали, а великан-моряк уже очутился в толпе бандитов. Сильным ударом кулака он повалил одного из них на землю, второго ударил ножом. Трое остальных хунхузов набросились на него, но боцман стряхнул их с себя одним движением плеч. Держа нож в зубах, он бросался поочередно на врагов, разя их меткими ударами кулаков. Его поддерживал Удаджалак. Прикладом винтовки он бил направо и налево, защищая боцмана от внезапных ударов сзади. Вскоре в борьбу включились Фу Чау и его старый отец.

Засевшие в кустах хунхузы не могли ничего сделать. Стрелять было нельзя, так как рукопашная схватка не давала возможности определить, где свой, а где враг. Увидев, что их сообщники могут потерпеть позорное поражение, они решили броситься им на помощь. С ужасным воем они выскочили из кустов.

Смуга и Томек только этого и ждали. Они дали два залпа из винтовок, а затем, вооружившись револьверами, бросились на хунхузов с фланга. Раздались выстрелы. По лицу Смуги пробежала гримаса боли. Пуля попала ему в левую руку, и все же двумя меткими выстрелами он устранил разбойников со своего пути. Томек подставил подножку одному из хунхузов и собирался уже оглушить его ударом рукоятки револьвера, как вдруг в этот момент сам получил страшный удар. Юноша упал. Как сквозь туман он увидел Смугу, который вовремя защитил его от нового удара прикладом. Томек попытался преодолеть слабость и стал подниматься на ноги. Смуга схватился с одним из бородачей. Томек поймал хунхуза за шиворот и ударил рукояткой револьвера по темени.

Короткая, но чрезвычайно ожесточенная битва окончилась.

Разъяренный боцман уже бежал на помощь своим друзьям. Хунхузы не отважились напасть на него в открытой борьбе. Раздалось несколько выстрелов. Хунхузы стали по одному удирать в лес.

С винтовкой в руках Смуга посылал им вслед выстрел за выстрелом, вынуждая их отступать к горловине ущелья. С беспокойством он оглядел группу друзей. Боцман с окровавленным лицом наскоро перевязывал платком руку, порезанную ножом, но при этом весело улыбался, показывая белые зубы. Он кричал китайцам, чтобы те как можно скорее седлали лошадей. Удар, полученный Томеком, к счастью, пришелся по меховой шапке; ему удалось отделаться только шишкой на голове. Фу Чау был ранен ножом в спину, но легко. Острие ножа разрезало кожу и скользнуло по кости левой лопатки.

Томек испугался, заметив кровь, стекавшую с левой руки Смуги. Он немедленно побежал в фанзу за аптечкой. Когда юноша вернулся, Смуга уже стоял под навесом, рядом с лошадьми. Томек подбежал к нему, а в это время оба китайца вынесли из дома упряжь и вьюки.

- Сбросьте куртку! - воскликнул Томек. - Я принес бинт!

- Потом! Бери лошадей для боцмана и Удаджалака. Пешком они ничего не сделают, - ответил Смуга. - Присоединяйся к погоне! Гоните хунхузов вверх по реке! Поспеши же, черт возьми!

С помощью китайцев Томек стал спешно седлать лошадей. Вскоре он галопом мчался к горловине ущелья. В степи он увидел друзей, которые меткими выстрелами вынуждали хунхузов бежать по направлению к Амуру.

В это время Смуга седлал свою лошадь. С помощью китайцев навьючил две других.

- Ты быстро потеряешь силы, достопочтенный господин! Надо остановить кровотечение, - сказал старый китаец, когда Смуга уже собирался вскочить в седло.

- Вот здесь аптечка. Это недолго, - говорил Фу Чау.

Смуга всегда любил следовать хорошему совету. Неразумная спешка могла обречь на неудачу погоню.

- Помогите мне снять куртку, - сказал он после короткого размышления.

Старый китаец принес ведро воды. Смуга умылся, заклеил пластырем ссадину на лице. После этого он правой рукой ощупал кровоточащую левую. В мускулах застряла пуля. Китайцы крепко перевязали рану. Фу Чау принес свежую рубашку, которую нашел среди вещей оставленных в фанзе.

Смуга вскочил в седло.

Старый китаец подал ему винтовку, полученную от Удаджалака перед началом битвы.

- Возьмите свое ружье, достопочтенный господин! - сказал он.

- Ты храбро бился по нашей стороне, возьми эту винтовку себе на память, - ответил Смуга. - Арбу и вьюки сохрани до нашего возвращения.

- Мы будем их беречь как свои глаза, - сказал Фу Чау.

- Послушай, парень, мы организуем погоню за хунхузами. Они должны получить по заслугам. Мы их отдадим в руки русских властей. Сообщи об этом нашим товарищам, оставшимся в лагере на той стороне реки.

- Я это сделаю сейчас же, - уверил Фу Чау.

- Сейчас ты не можешь ехать, - возразил Смуга. - Сегодня вы должны похоронить убитых. Если ты завтра утром оставишь своего достопочтенного отца, то еще до наступления вечера будешь в лагере. Этого достаточно. Ну, до свиданья!

Смуга с места тронулся рысью, ведя на аркане две вьючные лошади. Он поехал через степь напрямик, прислушиваясь к доносившимся издали винтовочным выстрелам. В успехе погони он не сомневался. Боцман и Удаджалак располагают огромным опытом, и не позволят хунхузам выскользнуть из ловушки Поэтому на лице Смуги блуждала довольная улыбка. Разгром банды хунхузов и пленение их должно открыть им путь в Нерчинск.

Смуга пришпорил лошадь. Не обращая внимания на боль в раненой руке, он понукал коня, стремясь быстрее нагнать друзей. Вдруг лошадь, на которой он ехал, резко отпрянула в сторону, фыркая от испуга. Смуга чуть-чуть не слетел с седла. Он заметил мертвого хунхуза, лежавшего в траве. Ударил лошадь нагайкой и поскакал дальше.

Вскоре Смуга увидел погоню и бегущих хунхузов.

"Они прекрасно действуют", - подумал он, наблюдая маневры друзей.

Томек скакал сзади хунхузов, не позволяя им отклоняться к востоку. Боцман и Удаджалак нажимали на них с боков, направляя банду прямо к реке. Было еще очень рано. Погоня должна продолжаться до вечера. Таким образом, им, по расчетам Смуги, удастся проскакать пятьдесят или даже шестьдесят километров. Значит, к вечеру до первой железнодорожной станции останется не больше половины дня пути.

Смуга выстрелил из револьвера. Томек, оглянувшись, осадил коня.

- Как хорошо, что вы нас догнали! - воскликнул он, когда Смуга поравнялся с ним. - Ну, как ваша рана?

- Ерунда, Томек! Раной мы займемся вечером на стоянке, - ответил Смуга. - Не улизнул ли от вас кто-либо из хунхузов?

- Один было пытался, да боцман его застрелил.

- Сколько их теперь?

- Человек десять! Что будем делать?

- Пока что позволим им бежать на запад...

- Ночью они от нас улизнут!

- Будь спокоен, до вечера мы всех их свяжем как маленьких, - ответил Смуга.

Погоня продолжалась... В течение дня хунхузы попытались еще раз рассредоточиться в степи. И снова один из них погиб. Через несколько часов они были уже полностью истощены. Некоторые не могли держаться на ногах от усталости и падали на землю.

Смуга в бинокль внимательно изучал местность. В сотне метров от него обрывистый берег реки значительно понижался. Полоса кустов, росших над рекой, затруднила бы преследование банды. Учитывая это, Смуга дал сигнал к атаке. Всадники повернули лошадей к Амуру. Выстрелами из винтовок они оттеснили хунхузов к обрывистому берегу. Лишенные сил бандиты прекратили сопротивление, их схватили и связали. Вскоре все хунхузы лежали на земле.

Уже вечерело. Необходимо было остановиться на отдых. И люди, и кони были измучены. Лагерь разбили на высоком берегу Амура.

Охотники сидели, уплетая наскоро приготовленный ужин, но Смуга почти ничего не ел и молчал. Он с усилием поднес здоровую руку ко лбу, чтобы стереть пот, и побледнел, словно теряя сознание.

- Что с вами? - встревожился Томек. - Вы, наверно, плохо перевязали рану!

С трудом преодолевая слабость, Смуга ответил:

- В мякоти руки у меня застряла пуля... Я хотел подождать с операцией до Нерчинска, но, пожалуй, переоценил свои силы...

- Ах, сто бочек протухшего китового жира! Почему же вы сразу об этом не сказали? - возмущенно воскликнул боцман. - А ну, снимайте куртку, я кое-что смыслю в этом деле!

Должно быть, Смуга чувствовал очень сильную боль, так как без всякого сопротивления при помощи друзей стянул куртку. Рукав рубашки был пропитан кровью. Боцман осторожно снял бинты.

- Здорово же они вас угодили, - буркнул моряк и громко приказал: - Удаджалак, дайте-ка сюда фонарь и воду! Томек, приготовь аптечку!

Боцман тщательно умыл руки и приступил к "врачебному" осмотру. Своими жесткими лапами он начал ощупывать руку так, что Смуга зашипел от боли.

- Чтоб ее кит проглотил, эту пулю, так глубоко сидит! - сказал боцман. - Пулю надо было сразу вынуть, тогда бы вы не потеряли столько крови. Однако не печальтесь, я ее мигом достану!

Томек приготовил бинты и дезинфицирующие средства. Боцман положил раненого на одеяло и опер его голову на свои колени. Потом добыл из ножен охотничий нож, тщательно вытер лезвие платком и стал медленно обжигать его над пламенем свечи.

- Теперь чего-нибудь для подкрепления духа. Давай-ка, браток, бутылку с ромом, - обратился он к Томеку.

Юноша неуверенно взглянул на Смугу, но боцман прикрикнул на него, и он поспешно достал из мешка, притороченного к седлу боцмана, плоскую бутылку. Моряк сначала потребовал, чтобы Смуга потянул порядочный глоток, а потом сам выпил за его здоровье и наклонился над раненой рукой. Пальцами своей левой руки боцман стал крепко нажимать на бока раны, а потом сразу вогнал в нее острие ножа. Смуга прикусил губы.

- Есть, есть эта чертова пуля! - взволнованно произнес боцман, показывая окровавленный, сплюснутый свинцовый шарик. Моряк наложил тампон и искусно перевязал руку. Потом он сорвал куски пластыря с лица Смуги. Когти барса оставили болезненные следы. Боцман что-то пробурчал относительно ротозейства китайцев, которые делали первую перевязку.

- Барс вас погладил что надо. Вероятно, останутся шрамы. Как вы теперь себя чувствуете?

- Черт возьми, мне и в самом деле полегчало! Вы прекрасно оперировали! Дайте-ка еще глоток рома!

- Это лучшее доказательство, что завтра вы будете здоровы, как рыба, - обрадовался боцман. - Ямайский ром помогает от всех болезней! Сам я пью только ром, и поэтому не родился еще тот, кто бы со мною справился! Даже утренняя царапина ножиком уже зажила под пластырем, который мне приложил Томек во время погони.

Смуга вернул бутылку моряку.

- Вы обязательно должны отдохнуть, - сказал Томек, с тревогой и нежностью глядя на побледневшего Смугу.

- А как же, - вторил боцман. - Теперь спите до утра. Мы сами становимся на вахту! Ни слова возражений, я говорю, как врач!

Ночь прошла спокойно. Смуга встал на рассвете. Несмотря на то, что зверолов еще был довольно слаб, он приказал свернуть

лагерь. Друзья не смели возражать. Длительное пребывание на маньчжурском берегу могло повлечь за собой встречу с местными жителями, или - что еще хуже - с отрядом китайских солдат. Они, конечно, потребовали бы выдачи хунхузов, которых охотники намерены были отдать в руки русских властей. Кроме того, они могли иметь неприятности из-за нелегального перехода границы.

Отправились берегом вверх по течению реки. Примерно около полудня они заметили большую лодку, шедшую вдоль берега. Обещав рыбакам хорошее вознаграждение, они договорились о переправе на русский берег Амура. Хунхузов посадили на носу лодки, на корме уложили багаж, упряжь, снятую с лошадей, и вьюки. Томек и Удаджалак решили переправиться через реку вплавь на лошадях.

Под тяжестью людей лодка погрузилась в воду почти по самые борта, но несмотря на это, быстро шла вслед за лошадьми, которых несло течение. К счастью, лошади сумели добраться до берега. Довольный Смуга хорошо заплатил рыбакам и, кроме того, купил у них корзину свежей рыбы.

Сели на лошадей. Окружив пленных хунхузов, поехали на северо-запад. Берега Амура скоро исчезли из виду.

Три друга с тревогой наблюдали за Смугой. Он с трудом держался в седле. Заметив это, решили остановиться на одной из лесных полян. Ослабевший Смуга прилег в палатке, хотя был недоволен непредвиденной задержкой.

- Ничего мне не будет, - утешал он друзей, повесивших носы. - Видимо, железная дорога уже недалеко... Завтра я, конечно, почувствую себя лучше.

- Ничего не поделаешь! Вы потеряли много крови и должны отдохнуть, - категорически потребовал боцман. - Если будете ехать верхом, совсем обессилеете. Что мы тогда без вас сделаем?

- Много людей, а продуктов мало, - вмешался Удаджалак.

- Давайте устроим носилки, и пусть хунхузы несут вас, - посоветовал как всегда изобретательный Томек. - Таким образом, вы будете отдыхать даже в пути.

Смуга стал было возражать, но боцман перебил его.

- Весь экипаж принял это решение, и ваше дело - подчиниться, - грубовато сказал он. - Ну-ка, друзья, беремся за работу!

Совет оказался и вправду хорош. Друзья приготовили удобные носилки. Утром боцман развязал четырех бандитов и распорядился, чтобы они несли раненого.

Охотники шли теперь через дикую, горную страну, которая по своей живописности не уступает Альпам. Они осторожно спускались в глубокие лесные овраги. Среди карликовых, белых

берез, искривленных, узловатых сосен, носивших следы вихрей и длительных, суровых зим, росли стройные кедры и лиственницы. Здесь была родина мощных черных медведей и забайкальских рысей[46], которые по силе и отваге могут соперничать с тиграми. Томек уже несколько раз заметил по пути очень большие, круглые следы. Он обратил на них внимание боцмана. Где-нибудь здесь рысь могла прятаться днем в расщелине скалы. Возможно, и теперь одна из них следит за ними, ведь известно, что рыси отличаются превосходным зрением и слухом. Кроме того, здесь было вдоволь других животных. Об этом свидетельствовали многочисленные следы оленей и лосей, а также часто встречавшиеся лисьи норы. Были здесь и соболи[47], черно-серый мех которых весьма ценили охотничьи сибирские племена.

Из глубины леса веяло сыростью, чувствовался запах гниющей древесины и прелых листьев. Караван медленно обходил буреломы, время от времени останавливаясь на короткий отдых. Боцман менял хунхузов, несущих носилки, а Томек, пользуясь случаем, рассказывал Смуге обо всем интересном, что он заметил в пути.

Около полудня звероловы вышли из лесу в долину, расположенную среди невысоких, каменных холмов. Долина носила степной характер. Люди и лошади ускорили шаг. Томек ехал впереди, рядом с носилками раненого. Вдруг Смуга приподнял голову.

- Слышишь? - вполголоса спросил он Томека.

Юноша задержал лошадь и рукой приказал остальным остановиться. Стал прислушиваться. Смуга не ошибался: издали к ним доносился звон колокольчика и топот лошадиных копыт. Томек подозвал боцмана.

- К нам приближаются всадники, - коротко сказал он.

- Эй, Удаджалак! Поезжай за нами в некотором отдалении. Хорошо следи за этими бандитами! При первой попытке к бегству - пуля в лоб! - воскликнул моряк.

Боцман пришпорил лошадь. Томек поспешил за ним. В конце долины они увидели широкую степную дорогу, изрытую глубокими колеями. По дороге ехала тройка небольших крепких лошадок, запряженных в тарантас. Под дугой коренника висел колокольчик, резким звоном вторивший хриплым крикам ямщика, подгонявшего лошадей коротким ременным кнутом. Тарантас ехал в сопровождении нескольких всадников явно монгольского типа с безбородыми лицами и выдающимися скулами. Это были буряты. Они сразу же заметили вооруженных людей, остановившихся у дороги. Ямщик осадил лошадей, а всадники выскочили вперед. Некоторые из них держали в руках

старые ружья. Всадники остановились рядом с двумя охотниками. Только теперь они заметили выходивший из долины небольшой караван. Они очень смутились, увидев связанных пленников.

К сконфуженным всадникам подошел Удаджалак.

- Добрый день! - приветствовал он их на бурятском языке.

- Добрый день! - Ответили буряты. Услышав родной язык в устах незнакомца, они повеселели.

XI
Среди бурятов

Некогда Удаджалак участвовал в экспедиции Пандита Давасармана в Прибайкалье[48]. Уже тогда он познакомился с бурятами, живущими на востоке и северо-востоке от этого глубочайшего пресноводного озера в мире. Поэтому он знал, что западные буряты занимаются сельским хозяйством, а восточные - скотоводством и ведут кочевой образ жизни. Кроме того, Удаджалак изучил обычаи бурятов и даже их язык. Поэтому он мог приветствовать всадников на бурятском языке, что им очень понравилось. Дружеские взгляды бурятов убедили его, что он избрал правильную тактику. Удаджалак опять обратился к ним с вежливым приветствием:

- Здоровы ли ваши стада?

- Стада здоровы, а здоровы ли вы? - ответил самый старший по возрасту бурят.

Удаджалак рассказал бурятам о себе, своих друзьях и о положении, в котором они очутились. Он предложил перейти на русский язык, чтобы все присутствующие могли принять участие в беседе. Посыпались вопросы на ломаном русском языке. Теперь уже все включились в оживленную беседу. Буряты с почтением смотрели на четырех охотников, которые сумели противостоять многочисленной банде хунхузов. Соскочив с седел, буряты подошли к раненому Смуге. Томек с интересом рассматривал оригинальную одежду бурятов и упряжь их маленьких, но сильных лошадей. Эти последние были оседланы деревянными, покрытыми красным лаком седлами с двумя большими железными стременами. Лошадь, на которой ехал старший бурят, отличалась богатым убранством: на седле блестели чеканные серебряные набойки, стремена были тоже покрыты серебром. Сразу видно, что этот всадник возглавляет всю группу.

Бурятские всадники были одеты в широкие и длинные кафтаны голубого, серого, зеленого или красного цветов с разрезом на боку и застежками с левой стороны. По вороту и на груди кафтаны были украшены позументами из китайского шелка. Поверх кафтана буряты носили цветные, шерстяные пояса. Под кафтанами у них были темно-синие рубашки и бумазейные штаны. Свои не слишком длинные волосы буряты заплетали в короткие косички, спускающиеся на шею, а на головах носили малахаи, то есть остроконечные шапки с красным султаном, обшитые по околышку мехом, который во время морозов можно

было опускать на уши. Одежду бурятов дополняли унты из овчины с длинными голенищами, толстыми подошвами; носки этих своеобразных сапог были остро загнуты вверх.

Толпа бурятов окружила Смугу. Старший из них поклонился и, сложив вместе ладони рук, любезно пригласил:

- Не побрезгуйте нашим гостеприимством, пожалуйте к нам в улус. Недалеко отсюда, в монастыре, есть лама. Этот лама - богдо[49], он умеет заговорить любую болезнь. Он, конечно, исцелит и вашего больного!

- Далеко ли до вашего улуса? - спросил боцман.

- Недалеко. Мы перевезем больного в тарантасе, - ответил бурят.

- Гм, мы охотно приняли бы ваше приглашение, но что нам делать с пленными? - спросил боцман. - Они не так давно напали на строителей железной дороги. Поэтому мы решили передать бандитов русским властям, чтобы те их примерно наказали.

- Мы слышали, что хунхузы во время этого нападения убили нескольких человек; это, наверное, как раз те хунхузы, - добавил бурят. - Губернатор из Читы прислал даже отряд казаков и назначил награду за поимку бандитов.

- Вот именно, этим казакам мы и передадим пленных, - вмешался Смуга. - Из вашего улуса они могут бежать.

- Не бойтесь этого. В улусе мы будем их стеречь, а вы немного отдохнете, - сказал бурят. - Потом мы поможем доставить бандитов на место, так как мы торгуем со строителями железной дороги. Они покупают у нас скот. Мы как раз возвращаемся оттуда.

- Что ж, в таком случае едем к вам, - сказал боцман. - Наш раненый товарищ нуждается в помощи.

Буряты перенесли Смугу в тарантас, поместили его со всеми удобствами на мягких овчинах, а несколько всадников, вооруженных ружьями, окружили хунхузов.

Боцман и Томек ехали рядом с тарантасом. Они вели тихую беседу. Основная причина, побудившая их воспользоваться гостеприимством бурятов, заключалась в необходимости обратиться к знающему врачу. Правда, боцман уже оказал Смуге первую помощь, но моряк не был искушен в медицине. Он даже не знал, что ему предпринять дальше. Конечно, бурятское лечение при помощи "заговора" святого ламы крепко отдавало "шаманством", глубоко укоренившимся у бурятов полтора века назад. Боцман сильно сомневался в результатах подобного шарлатанского лечения, и даже опасался возможного ухудшения состояния Смуги. Но пока что других средств помочь ослабевшему другу у него не было.

- Успокойтесь, пожалуйста, - утешал его Томек. - Отец говорил мне как-то, что ламы располагают хорошими лекарствами.

- На кой же ляд они занимаются разным колдовством? - спросил боцман. - Кто в наш век верит в "заговоры" или в изгнание беса из тела человека?!

- По-видимому, ламы делают это для того, чтобы поразить воображение примитивных людей.

- Черт их там разберет! Я мало смыслю в этих религиях!

- Я постараюсь вам кое-что рассказать. По верованиям шаманов, весь мир наполнен добрыми и злыми духами. Шаманы берут на себя роль толкователей воли этих духов. Они же будто бы призваны своими заклинаниями испрашивать благорасположения духов и отклонять их злые намерения по отношению к людям. Шаманы утверждают, что они вызывают духов, которые вселяются в них и говорят их устами. Таким образом, все дело зависит от ловкости и фантазии самого шамана. Изгнание духа болезни из тела человека происходит также с помощью разного рода фокусов, как, например: сжигания дурманящего зелья, игры на барабане, покрытом таинственными знаками; танцев в соответствующем одеянии и, наконец, пения. В результате этого шаман сам впадает в экстаз, бросается на землю и делает такие жесты, словно ведет борьбу со злым духом. Ламы, в качестве представителей новой религии, должны были считаться с укоренившимися среди населения шаманскими обычаями. Поэтому некоторые шаманские фокусы они включили в ламаизм и тем самым привлекли монголов к своей религии.

- Ого, браток, так это же целое представление, - расхохотался моряк. - Помнишь, как в Буганде колдуны кабаки[50] лечили Смуге рану, нанесенную отравленным ножом?! Ты говорил, что они тоже устраивали похожее представление.

- А как же, ведь я подглядывал через отверстие в циновке, - ответил, улыбаясь Томек. - Но вы должны, однако, признать, что они располагали хорошими противоядиями. Они, в сущности, спасли Смуге жизнь! Может быть и теперь ламы сумеют помочь.

- На безрыбье и рак - рыба, - сказал, тяжело вздыхая, боцман. - Интересно, ламы сами убеждены в своей силе, или они занимаются "заговариванием" только для темного народа?

- Кто их там знает? Видите, буддистские верования во многом изменились и, приняв форму ламаизма, распространились среди многих азиатских народов, причем повсюду сохранились остатки шаманизма. Таким образом, ламаизм приобрел некоторые шаманские обычаи, а шаманизм, в свою очередь, принял многое из ламаистского вероучения.

- Вроде все ясно, браток, но скажи мне, в конце концов, буддизм и ламаизм - это одно и то же самое?

- Первичный буддизм изменился и превратился в ламаизм. Поэтому последователей ламаизма часто называют буддистами.

- Я думаю, что в глубине тайги еще до сих пор можно найти шаманов, - заметил боцман.

- Я тоже в этом уверен, хотя буддизм, магометанство и христианство уж распространились здесь довольно широко.

- Посмотри, браток, мы, никак, подходим к порту! - воскликнул боцман.

На холме, у дороги, виднелся конус, насыпанный из камней. Это был так называемый обо, или священный холм. На его вершине торчала жердь, увешанная цветными тряпицами. Проезжая рядом с обо, буряты останавливались и подбрасывали на холм по одному камню - в честь духа, опекающего улус.

За холмом показалась деревушка из нескольких деревянных хат, построенных на высоких каменных фундаментах. Маленькое окошко и дверь, к которой вело деревянное крыльцо, находились только у фронтовой стены. Рядом с хатами стояли круглые войлочные юрты. Буряты летом предпочитают жить в юртах, ведь они пасут скот довольно далеко от своей деревушки. В домах же они живут только зимой. Теперь над конусообразными юртами виднелись столбы голубоватого дыма. Невдалеке стояли навесы для скота, овец и лошадей.

Первыми почуяли хозяев и гостей большие черные собаки со стоячими ушами и длинными, острыми мордами. Всадники отогнали собак ударами нагаек. Из юрт стали появляться женщины, одетые так же, как и мужчины. Их длинные волосы были искусно заплетены в две косы, спрятанные в мешочки из черной материи, которые бурятки носили спереди на груди. Некоторые из буряток, по-видимому, богатые, украшали волосы цветными бусами и серебряными монистами.

Приехавшие мужчины подозвали женщин. Те бросали любопытные взгляды на незнакомых гостей; у всех у них были раскосые, узкие глаза, слегка прикрытые веками, почти лишенными ресниц и как бы припухшими.

Буряты спешились. Томек обратил внимание на их "утиную" походку, чрезвычайно напоминающую походку боцмана, столь характерную для людей, которые большую часть жизни проводят в седле или на борту корабля. Оказалось, что бурят, пригласивший охотников в улус и носивший фамилию Батуев, был старостой этой деревушки. По его приказу несколько подростков расседлали лошадей и ввели их в загородку.

Батуев спросил охотников, желают ли они поместиться в

юрте вместе с его семьей, или предпочитают занять зимний дом, стоящий теперь порожняком. Вопрос был весьма щекотливым, потому что наши охотники желали поставить свою собственную палатку. В большинстве случаев жилища бурятов не представляют удобств с точки зрения европейцев. Но, не желая обидеть гостеприимного хозяина, охотники согласились остановиться в зимнем доме.

Батуев был, вероятно, человеком богатым, потому что его дом состоял из двух комнат. В центре первой из них находился очаг, сложенный из камня. Перед очагом был расстелен обширный войлочный ковер, покрытый сверху овчинами, служившими постелью как членам бурятской семьи, так и гостям. Вторая комната была обставлена похоже. Мебель и посуда, наверно, находились в летней юрте. Убедившись что в домике царила чистота и порядок, звероловы облегченно вздохнули. По совету хозяина переднюю комнату они отвели под спальню, а во второй разместили вьюки, упряжь и другое имущество экспедиции.

Батуев распорядился запереть хунхузов в отдельную хату. У ее двери он поставил часовых, вооруженных ружьями. Охотники были до крайности утомлены. Битва с бандитами, длительная погоня за ними, переправа через Амур и тяжелый поход по тайге надломили их силы. Они стремились как можно скорее лечь спать, но Батуев помешал им. Как только охотники распаковали часть вьюков, Батуев пригласил их в свою юрту на обед. Правила гостеприимства бурятов исключали возможность отказа. Поэтому даже Смуга решил пойти вместе с друзьями. Путешественники наскоро почистили одежду. Томек принес ведро воды, чтобы охотники смогли умыться после длительного путешествия.

Гостеприимный Батуев не отходил от путешественников ни на шаг. Он с любопытством рассматривал предметы, которые они доставали из вьюков.

Вскоре охотники, вслед за хозяином, вошли в обширную юрту. В честь прибытия иностранных путешественников жена и дочери Батуева одели высокие шапки из собольего меха и украсили себя ожерельями из янтаря и кораллов.

Очутившись в юрте, охотники на момент остановились у входа. Они внимательно следили за Удаджалаком, который лучше других знал обычаи бурятов. В правом углу юрты, напротив входа, стоял домашний алтарь в виде шкафчика, покрытого красным лаком. На шкафчике, в позолоченной раме, висело изображение Будды. По обеим сторонам иконы стояли каменные изваяния, отображающие различные воплощения Будды, перед которыми находились небольшие медные чары, куда клали пожертвования. Весь алтарь был украшен

разноцветными бумажками и полевыми цветами.

Прямо от двери Удаджалак медленно направился к алтарю, сложил ладони как для молитвы, поднял руки высоко вверх и отвесил низкий поклон, кончиками пальцев касаясь края алтаря.

Наши путешественники по очереди повторили эту церемонию и только после этого поздоровались с хозяевами.

То, что гости совершили обряд по местному обычаю, чрезвычайно понравилось бурятам. Батуев многозначительно взглянул на сыновей, которые немедленно достали из сундука несколько квадратных мягких подушек, предназначенных для знатных гостей. Как и положено в богатом доме, подушки были покрыты желтым китайским шелком. Желая еще больше подчеркнуть огромное уважение к гостям, Батуев положил для каждого гостя по две подушки, притом усадил гостей вдоль почетной стороны юрты, то есть с левой стороны от входа. Звероловы уселись на подушки "по-турецки".

Хозяйка угостила всех излюбленным бурятами кирпичным чаем, который она раздробила в деревянной ступе и сварила с добавкой молока, масла и соли. Гости получили чай в новых деревянных чашках, а буряты вынули свои собственные чашки. Вскоре перед гостями очутился низенький столик. Все домашние уселись за него. Девушки поставили на столик большую миску с дымящимися пельменями, посуду с вареным мясом и лепешки, поджаренные по бурятскому обычаю на бараньем жире. Однако хозяйка, прежде чем поставить эти блюда на стол, бросила по несколько жирных кусков из каждой миски в огонь, чтобы насытились также души умерших, обреченные на длительное странствование по земле. Хозяин принес жбан крепкого напитка, приготовленного из молока. Пир был в самом разгаре, когда в юрту вошел какой-то бедняк, одетый в старые, рваные лохмотья. Он низко поклонился перед алтарем и приветствовал пирующих. Не спрашивая даже, кто он и откуда, буряты пригласили его к столу и стали потчевать, как гостя. Путешественники были поражены гостеприимством бурятов по отношению к любому гостю, вошедшему в их дом.

Буряты очень интересовались новостями из других стран и расспрашивали о них гостей, подсовывая им самые вкусные куски. Боцман и тут сумел блеснуть аппетитом, причем, уплетая бурятские яства, он вел увлекательную беседу о различных приключениях. Когда Батуев узнал, что путешественники некоторое время находились в священном для всех буддистов монастыре в Кими, он достал из сундука бутылку русской водки. И Батуев, и его домашние жадно слушали интересные рассказы о жизни неизвестных им народов. Они прямо-таки не могли

поверить, что, кроме Сибири, существует в мире еще такое множество стран. Конечно, Томек не преминул рассказать о печальной судьбе поляков под властью царизма. Буряты не скрывали своего сочувствия польским политическим ссыльным, которых они неоднократно встречали на строительстве железной дороги. Ведь они сами должны были терпеть гнет царских чиновников и не раз возмущенные несправедливостью, оказывали им сопротивление. Многим из бурятов приходилось бежать в соседние страны.

Обед затягивался. Томек с тревогой смотрел на побледневшее лицо Смуги, а Смуга никак не хотел встать раньше всех от стола, потому что отказ от угощения считался у бурятов оскорблением. Томек спросил потихоньку Удаджалака, как можно закончить пир, не обижая хозяев.

- Мы должны показать, что уже достаточно сыты, - тихо ответил Удаджалак.

- Я уже давно расстегнул пояс, но на это никто не обратил внимания, а дядя Смуга так побледнел, что я опасаюсь, не сделается ли ему плохо? - ответил Томек.

- Я сейчас тебе покажу, что надо сделать, - шепнул Удаджалак.

Удобно усевшись на подушках, Удаджалак громко икнул. Несмотря на тревогу о здоровье Смуги, Томек чуть не прыснул со смеху, увидев на лицах хозяев огромное удовольствие. Недолго думая, он стал вторить Удаджалаку. Боцман сейчас же сообразил в чем дело, потому что этого рода способ был ему известен по предыдущей экспедиции в Среднюю Азию. Он икнул с такой силой, что чуть не свалился с подушек. Это вызвало у бурят огромное удовлетворение. Низко кланяясь, они благодарили гостей за посещение.

Поддерживаемый друзьями под руки, Смуга еле-еле доплелся до дома. Вскоре он лежал на мягких овчинах, укрытый одеялом. Его примеру последовали и остальные путешественники. Этой ночью один лишь Удаджалак вставал два раза, чтобы проверить часовых перед домиком, в котором были заперты хунхузы.

Ворочаясь с боку набок, Томек постанывал сквозь сон. Его мучили кошмары... С первых дней опасной экспедиции он пытался скрыть от друзей гнетущую его тревогу. Он знал, что и они тоже скрывали перед ним свои опасения. С особой ясностью помнил он ночь перед отправкой их на маньчжурскую сторону. Именно тогда отец и Смуга, считая, что все спят, держали тайный совет до самого рассвета. Но ведь Томек не спал... Отвернувшись к стене, он притворился спящим и слышал каждое слово... Теперь во сне его посетили мучительные видения... Запертый Павловым,

отец сидит в клетке с тиграми; Томек зовет его и просит, чтобы он не ехал в Нерчинск. Потом ему приснился Збышек с кандалами на ногах, который взывал о помощи... Боцман варил хунхузов в большом котле и приглашал Томека на пир; но прежде, чем он стал каннибалом, Смуга перестрелял несчастных и стал срывать с них скальпы. Томек хотел помешать ему в этом, но хунхузы вдруг ожили. С диким криком они стали выскакивать из котла. Боцман ждал их с ножом в руке. Вдруг отец заслонил собой этих несчастных...

XII
Корень, рожденный молнией

Внезапно разбуженный, Томек вздрогнул и сел в постели. Еще не совсем проснувшись, он увидел над собой лицо склонившегося боцмана. Только теперь Томек сбросил с себя остатки ужасного сна. Со двора в самом деле уже доносились голоса людей, ржание и фырканье лошадей.

- Я тебя разбудил, потому что ты прыгал на постели, как рыба в сети, - сказал боцман. - Вставай, буряты уже запрягают тарантас. Мы сейчас поедем к буддийскому знахарю.

- Жалко, что вы меня не разбудили раньше! - ответил Томек, облегченно вздыхая. - Я видел страшный сон...

- Видимо, тебя мучили кошмары от слишком обильной пищи!

- Возможно, но я здорово перетрусил.

- Ого, у меня есть опыт в этом деле! Однажды во время рейса в Кейптаун ребята вынуждены были вылить мне на голову ведро холодной воды, так как решили, что я с ума сошел во сне!

- А что вам приснилось?

- Ах, какая-то негритянка хотела, чтобы я женился на ней, и потащила меня к алтарю...

Томек расхохотался. Боцман всегда боялся даже думать о женитьбе.

- Ты, браток, не смейся над чужим несчастьем, потому что в случае чего тебя никто не пожалеет! - пробурчал моряк.

- Но ведь с вами ничего не случилось! Вы же остались холостяком!

- Пожалуй, да, но кто там знает, не потому ли, что я на всякий случай в Кейптауне вовсе не сходил на берег.

- А я и не знал, что вы так суеверны!

- Хоть это и сон, но береженного бог бережет! Дело в том, что в Кейптауне одна девчонка в самом деле строила мне глазки! Как только мы входили в порт, она уже там меня поджидала...

Услышав рассказ о неизвестном ему до сих пор эпизоде из бурной жизни друга, Томек совсем развеселился. Он быстро набросил на себя одежду и вышел на крыльцо. Смуга, одетый в дорогу, сидел на ступеньках. Выглядел он очень плохо. Сыновья Батуева кончали запрягать лошадей в тарантас.

- А я уже думал, что нам придется ехать без тебя, - сказал Смуга, увидев Томека.

- Боцман только что меня разбудил. Сейчас я оседлаю лошадей, - ответил юноша.

- Лошадей оседлал Удаджалак, а ты лучше позавтракай перед дорогой, - сказал Смуга с бледной улыбкой.

- После вчерашнего обжорства мне совсем не хочется есть. Вот, одену куртку и буду готов!

- Томек поищи-ка в рюкзаке молитвенную мельницу и захвати ее с собой, - сказал Смуга.

- Хорошо, захвачу!

Вскоре Смуга с удобством расположился в тарантасе. Батуев вскочил на передок, подобрал вожжи и свистнул на лошадей. Трое звероловов вскочили в седла и поскакали за тарантасом. Они быстро мчались по изрезанному рытвинами тракту. Не задерживаясь, миновали укрытую в долине казацкую станицу. Она внешне выглядела совсем иначе, чем бурятский улус. Усадьбы были ограждены высокими заборами, в домах было по нескольку окон и крылечки с навесами на низеньких столбах. Кроме дома, на каждой усадьбе стояли хозяйственные постройки, которых не было в бурятских улусах. Батуев погонял лошадей, и вся кавалькада скоро выехала на край обширной равнины. Здесь на небольшом холме, среди рощи, стоял буддийский дацан[51].

Звероловы были восхищены живописным видом монастыря. Построенный по правилам буддийской архитектуры, отличающейся необыкновенной легкостью, оригинальными формами и живыми красками, трехэтажный монастырь поражал стройностью и красотой. Каждый верхний этаж храма был значительно меньше, чем нижний, и отделялся от него террасой и резной крышей, далеко выходящей за стены нижнего этажа. По углам крыши были изогнуты вверх; над ними, а также над входом в храм, виднелись позолоченные "хорла", то есть буддийские круги, символизирующие вечное круговращение. По обеим сторонам каждого хорла виднелись изображения косуль.

Батуев остановил лошадей у ворот, прорезанных в каменной стене, окружающей монастырь. Звероловы спешились и привязали лошадей к тарантасу. Потом они помогли Смуге выйти из тарантаса и подвели его к воротам. Здесь, как обычно перед буддийскими храмами, справа от ворот стояла большая молитвенная мельница, барабан который был покрыт священными письменами. Проходя рядом с мельницей, верующие буддисты поворачивали ручку барабана, так как верили, что это равносильно чтению написанных на нем молитв.

На пороге монастыря их встретил молодой монах в красном одеянии. Батуев объяснил ему, что прибывший из далеких стран ангаши[52] просит врачебной помощи у святого ламы. Монах нисколько не удивился этой просьбе. Видимо, подобные посещения были часты в этом монастыре. Он наклонил голову в

знак согласия и ввел гостей внутрь ограды монастыря. В этот момент в храме никого не было. Между двумя рядами деревянных колонн, поддерживающих перекрытие, в самом центре храма, находилось изваяние сидящего Будды. У его подножья стоял алтарь со многими мелкими изваяниями божеств и мисками с жертвенными дарами. Запах полевых цветов смешивался с одуряющим ароматом благовоний. С потолка свисали флаги с священными письменами и длинные хоругви, на которых были изображены буддийские божества. Стены храма были покрыты живописными изображениями различных воплощений Будды и его святых последователей.

Молодой монах раздвинул тяжелую портьеру. За ней показались ступени лестницы, которая вела на верхний этаж. Монах провел путешественников в комнату, стены которой были обиты шелковой материей. Вдоль стен лежали толстые циновки для сидения, рядом с которыми стояли низкие, лакированные столики. В углу находился домашний алтарь с золочеными фигурками святых.

Едва путешественники уселись на циновках, как появился "святой" лама. По виду трудно было определить его возраст. Коричневая, блестящая кожа на его лице не носила следов морщин, только под глазами виднелись мелкие складки. Лама внимательно взглянул на гостей, отвесил им поклон, наклонив голову в высокой, желтой шапке, сужавшейся вверху и немного согнутой вперед. Лама был одет в темно-красную пелерину без рукавов из китайской парчи. Поверх пелерины была повязана светлая, широкая шаль, один конец которой лама перебросил через плечо на спину. За шелковым поясом у него были заткнуты большие четки, а в руках он держал небольшую молитвенную мельницу. Смотря на гостей, лама одновременно медленно вращал колесо мельнички. От ламы доносился запах благовоний.

Путешественники встали с циновок, приветствуя ламу. А он сказал что-то молодому монаху тихим, бесцветным голосом. Тот сразу же исчез из комнаты, но вскоре появился вновь. От имени своего настоятеля он поочередно вручил путешественникам цветные, тонкие, шелковые шали, которые буддисты дарят только очень почетным гостям. Молодой монах делал это чрезвычайно торжественно, низко кланяясь каждому.

Смуга в свою очередь подарил "святому" ламе резную молитвенную мельницу из знаменитого монастыря в Кими, а потом вручил ему денежное пожертвование на монастырь. Таким образом, совершился обмен первыми подарками. Молодые послушники внесли котелок с чаем и деревянные миски с сухими пирожными, сладостями и фруктами. Лама достал из складок

своей одежды личную чашку и протянул ее послушнику, разливавшему чай. Для гостей были поставлены красные фарфоровые чашки.

Не переставая вертеть руку молитвенной мельницы, лама развлекал гостей беседой. Он рассказывал о своем пребывании в священной Лхасе, расспрашивал о монастыре в Кими. Батуев слушал рассказ ламы с набожным вниманием, время от времени склоняя голову на грудь. Лама прекрасно говорил по-русски, хотя с несколько гортанным оттенком, характерным для большинства монголов. Живые, черные его глаза непрерывно переходили от одного лица к другому, пока не остановились на бледном лице Смуги. Лама прервал речь, всматриваясь в Смугу. Все замолкли, а лама, не отрывая взгляда от Смуги, тихо сказал:

- В буддийской святыне любой человек найдет то, чего ищет, хотя русские попы считают наши монастыри местопребыванием дьявола. Русские чиновники и попы не считают братских[53] людьми.

- Мы не русские чиновники, - поспешно сказал Томек. - Мы явились к вам, достопочтенный лама, с просьбой помочь нашему раненому товарищу.

- Вы правильно сделали. Русские врачи заботятся только о том, чтобы получить мунгум[54]. Прошу вас, идите за мной, дорогие гости!

Лама ввел путешественников в комнату, отделенную портьерой. Это был его врачебный "кабинет" и одновременно аптека. Две стены от пола до потолка были заняты полками с разнообразными сосудами, на третьей стене висели пузатые кожаные мешочки с тибетскими надписями.

Лама помог Смуге раздеться и посадил его на циновку у окна. Снял повязку с раны. Рана немного гноилась. Лама взял со стены несколько мешочков. Стал сыпать зелье в один из сосудов, бормоча при этом заклинания, или, возможно, молитвы. Руками он делал над сосудом какие-то таинственные движения и, поворачивая голову, тихо сплевывал за себя.

Боцман незаметно подтолкнул Томека локтем.

- У нас по деревням знахарки тоже лечат так глупых баб... - тихо сказал он по-польски.

- Тише, боцман, - прошептал Томек. - Пусть совершают свои смешные обряды, лишь бы лекарство подействовало.

- Твоя правда, браток, только приготовь на всякий случай чистые бинты, потому что этот священник, хотя он и пахнет как парфюмерная фабрика, моется, пожалуй, редко.

Томек бросил на друга возмущенный взгляд, но все же достал из подручной сумки бинты. Он положил их на циновку рядом со

Смугой. Тем временем лама разлил снадобья по мисочкам. Шелковым платочком обмыл снадобьями рану. Смуга переносил эту процедуру весьма терпеливо. Когда лама принес какую-то черную мазь, Смуга пододвинул свои бинты. Вскоре перевязка была окончена.

- Ты вовремя пришел сюда. Злой дух хотел уже поселиться в твоем теле, но я его прогнал заклинаниями, - сказал лама, закончив перевязку. Теперь он начал тщательное обследование пациента. Выслушивая и выстукивая его, беззвучно шевелил губами, морщил лоб, словно выражал гнев. Наконец, закончив осмотр, лама обратился к Смуге.

- Тебя уже лечил кто-то из наших благочестивых ламов, - сказал он громко.

- Ты не ошибаешься, достопочтимый господин, - ответил Смуга. - Это было в монастыре в Кими. Во время своей прежней экспедиции я был ранен...

- Можешь мне не говорить об этом, я все знаю, - перебил его лама. - Внутри тебя притаился ужасный злой дух... Кто-то, при помощи яда, помог ему овладеть твоим телом.

Томек и боцман изумленно переглянулись. Откуда лама мог знать, что Смуга был когда-то ранен отравленным ножом?

- Твоя новая рана ничем тебе не угрожает. Через два дня можешь снять повязку, - продолжал лама. - Опасность представляет первый злой дух. Он только дремлет в тебе, но порой пробуждается. Вот и теперь...

Томек побледнел, да и боцман не на шутку обеспокоился. Неужели в самом деле Смуге опять что-нибудь угрожает? Томек вдруг вспомнил, что врачи кабаки Буганды не ручались за полное выздоровление Смуги.

- Ты вовремя обратился ко мне. Правда, злой дух останется в тебе, но я его снова усыплю, - сказал лама.

Он снял со стены еще несколько мешочков. Достал из них мелкотолченое сухое зелье и стал смешивать его, все время бормоча заклинания и делая руками таинственные жесты. Потом часть порошка лама бросил в сосуд с водой, который поставил на огонь, а остальную часть лекарства всыпал в мешочек. Так прошло несколько минут. Лама налил в чашку отвар из зелья, подал чашку Смуге и сказал:

- Выпей это лекарство. Я составил его из чудесного корня растения, которое, по древним преданиям, рождается от удара молнии. Это растение усыпит злого духа твоей болезни.

- Что же это за растение, уважаемый лама? - недоверчиво спросил боцман.

- Это жень-шень[55], досточтимый господин, - ответил лама. -

Уже больше трех тысяч лет корень этого растения применяется в народной медицине. Его нелегко найти, потому что растет он только по берегам источников, которые появляются из земли после удара молнией.

- И это в самом деле целебное растение? - продолжал спрашивать боцман.

- В знак того, что это животворное и целебное растение, боги придали его корням вид человеческого существа. Древние китайские врачи делали из этого корня лекарство, которое могло на некоторое время отогнать смерть от человека, лежащего на смертном одре.

Смуга выпил отвар, поданный ему ламой, а боцман, как всегда любопытный и недоверчивый, спросил опять:

- Можешь ли ты, уважаемый лама, открыть нам тайну, откуда ты узнал о чудесном действии этого корня?

- Достопочтенный чужестранец, искусство врачевания я получил от мудрецов священной Лхасы, само название которой говорит о том, что она находится под особым покровительством богов. На тибетском языке Лхаса значит Земля Богов. Согласно древней монгольской легенде, храм в Лхасе возник благодаря невольной помощи слепого мудреца. Как видно, это был знак благоволения со стороны богов.

- Это чрезвычайно интересно. Досточтимый лама, очень вас прошу, расскажите нам эту легенду, - попросил Томек.

Боцман и Смуга поддержали его просьбу.

- Я с удовольствием расскажу вам, достопочтенные гости, но прошу вас в мою келью, где больной удобно отдохнет на циновках.

Все вернулись в комнату ламы. Молодые опять принесли котелок с горячим чаем. Когда все расселись, лама начал рассказ.

- Давным давно, в царстве Жунь[56] пастухи вознамерились построить большой храм. Место для его постройки они выбрали в живописной долине. Они долго свозили в долину ценные материалы, а когда их накопили достаточно, принялись за работу. Общими усилиями они возвели великолепные стены и уже кончали строительство, как вдруг все здание рассыпалось в прах. Пастухи чрезвычайно этим опечалились, но не оставили мысль построить в этом месте святыню. Вскоре они возобновили работы. Однако и на этот раз почти уже законченное здание развалилось без какой-либо видимой причины. То же самое случилось и во время третьей попытки построить храм.

Святые ламы не могли ничем помочь. Тогда хан царства Жунь вызвал самого знаменитого в своей стране прорицателя. Но и тот не сумел ответить на вопрос, почему не удается закончить

строительство. Однако он сказал, что тайна эта известна одному святому мудрецу, находящемуся где-то на востоке.

Хан немедленно позвал отважного и хитрого ламу, которого послал на поиски мудреца. Лама посетил все известные страны к востоку от царства Жунь. Осторожно и незаметно он расспрашивал о местопребывании знаменитых мудрецов, но никто ему не мог помочь. Отчаявшись, лама отправился в обратный путь в царство Жунь. Однажды у его седла лопнула подпруга. Желая починить ее, он стал искать вокруг какое-либо жилье. На берегу озера заметил старую юрту. В юрте он застал старика, погруженного в размышления.

- Мир твоему дому, брат. - сказал лама.

- Садись у очага и не побрезгуй моим скромным угощением, брат, - ответил старец.

Лама вскоре заметил, что хозяин слеп. Во время беседы старец сам сказал ему о всему увечье. Он считал, что ведет беседу с кем-то из своего народа, потому что ловкий посланник хана Жунь притворился ламой с востока, совершающим паломничество по монгольским святым местам. Он попросил у старца ремень, чтобы починить подпругу. Конечно, слепой сам не мог исполнить его просьбу и позволил ему поискать нужный ремень в юрте. Когда лама исправил подпругу, старик сказал:

- Ты счастлив, лама с востока, потому что ты можешь посетить великолепнейший храм, какого никогда не видели и не имели пастухи из царства Жунь! Они не смогут построить храм в своей долине. Волны неизвестного им подземного моря разрушают стены. Если они узнают эту тайну, подземное море уйдет из царства Жунь и зальет наши пастбища. Тогда все мы погибнем!

Лама догадался, что перед ним сидит мудрец, которого он так долго и напрасно искал. А старец, все еще принимая ламу за представителя своего народа, потребовал, чтобы тот не выдал его тайны никому из западных лам. Тогда отважный лама воскликнул:

- Беги, несчастный старик! Подземное море скоро зальет твою страну, потому что я лама из царства Жунь!

Воскликнув это, он вскочил в седло и помчался к своим, а бессильный слепой старик сходил с ума от отчаяния. Вскоре в юрту вернулся его сын. Громко рыдая, старец приказал ему погнаться за чужим ламой, который поехал на запад.

- Догони его и убей! Он украл у меня тайну, - кричал он.

На одном из монгольских наречий слова "тайна" и "ремень" звучат почти одинаково, а рыдающий старец произносил это слово очень неясно. Поэтому сын неправильно его понял.

Испуганный тем, что отец приказывает ему убить чужого ламу за столь незначительную вину, он стал просить старца опомниться.

- Я заклинаю тебя, сын, немедленно догони его и убей, если не хочешь, чтобы все мы погибли! - крикнул отец.

Что же делать в таком случае? Сын не хотел опечалить старого отца, поэтому вскочил в седло и в тот же день догнал ламу. Поприветствовав его надлежащим образом, он сказал:

- Ты сегодня был гостем моего отца и, по его словам, взял наш ремень. Прости меня, что я задерживаю тебя по такому незначительному поводу, но я выполняю волю отца, который приказал мне убить тебя за этот ремень. Отец мой был очень разгневан и не отдавал себе отчета в том, что говорит. Поэтому я прошу тебя вернуть мне ремень, чтобы я мог исполнить его желание, не проливая крови.

- Этот ремень мне твой отец подарил, но если он требует возврата, я обязан выполнить его волю, - ответил лама из царства Жунь. - Стариков следует почитать и нельзя их обижать. Вот твой ремень!

Молодой человек во весь опор поскакал к отцу. У юрты он увидел соседей, привлеченных плачем отца, поэтому сразу же вернул ему ремень, полученный от ламы.

- Исполнил ли ты мое приказание? - нетерпеливо спросил старик.

- Я же не мог убить ламу! Ведь он ничего плохого нам не сделал, ответил сын. - Я только отобрал у него ремень, о котором ты говорил.

- О, горе нам! Ламы с запада победили! Видно, такова воля богов, - печально ответствовал старик. - Я говорил, что он украл у меня тайну, а ты понял, что ремень. Уходите отсюда все! Вскоре море зальет всю нашу страну!

Предсказание святого старца исполнилось уже на следующий день. Подземные громы потрясли всю землю. Вода озера вышла из берегов и поглотила святого мудреца, его сына и многих, многих других.

А лама вернулся к своему властелину. Он успокоил ламов и пастухов, испуганных землетрясением. Когда он им поведал о тайне, которую узнал, пастухи принялись за строительство нового, великолепного храма, вокруг которого вскоре вырос город, столица царства Жунь[57].

* * *

Перед тем как попрощаться, лама вручил Смуге мешочек со

снадобьями и предложил принимать их в течение трех ближайших дней. Потом он показал гостям весь монастырь и даже позволил заглянуть в обширный зал, где юноши с бритыми головами, по виду напоминающие взрослых ламов, сидели, склонившись над столиками. Одни изучали трудное дело иероглифического письма тушью, другие - учились рисовать изображения богов на толстой бумаге. Это были шаби, или послушники. Они вежливо приветствовали путешественников и вернулись к прерванным занятиям. По рассказу ламы, шаби начинали послушание на девятом году жизни. Многие годы они изучали тибетский язык и учились писать на нем; для этого им приходилось выучить огромное число различных знаков и уметь писать их тушью с помощью кисточки. В буддийской религии тибетский язык является церковным языком, подобно тому, как латынь у католиков. Благодаря этому, несмотря на наличие государственных границ, общий церковный язык объединял все монгольские племена Азии. Юные послушники усердно рисовали изображения богов, работали в монастырском хозяйстве. Выполняли всякие поручения, изготовляли молитвенные мельницы, которые ламы продавали благочестивым паломникам во время больших религиозных торжеств.

Спустя определенное время послушники становились учениками, получая несколько более высокую степень посвящения. Они изучали религиозные тексты, принимали участие в торжественных богослужениях, учились играть на священных инструментах и танцевать священные танцы. Много времени посвящали они тайнам тибетской медицины, изучению целебных растений и изготовлению из них лекарств. Только после многих лет обучения их посвящали в число ламов.

Звероловы с интересом выслушали рассказ настоятеля монастыря, обошли все помещения храма и в конце пути очутились у его ворот. Там, в тарантасе, их уже ждал Батуев. После церемониального прощания, старый лама долго стоял на пороге монастыря, вращая молитвенную мельницу до тех пор, пока путешественники не исчезли за горизонтом.

XIII
Сибирский легион свободных поляков

В лесной лощине, окруженной цепью не очень высоких, пологих холмов, раздавался стук топоров и грохот падающих деревьев. Вдоль только что построенной железнодорожной линии суетились рабочие. Одни из них отесывали стволы и разрезали их пилами на шпалы определенного размера, другие на тачках возили балласт, на котором укладывали шпалы и рельсы. Железнодорожный путь медленно вгрызался в девственную тайгу.

Среди толпы бородатых сибирских крестьян, одетых в старые полушубки и обутых в лыковые лапти, виднелась группа рабочих, одетых в одинаковые, изношенные серые кафтаны, холщовые штаны и рубахи. Это были каторжники, то есть люди, приговоренные к тяжелым работам. На головах, выбритых с одной правой стороны, они носили круглые шапки без козырьков. На ногах у них были кандалы, причем некоторые из них были прикованы цепями к тачкам. Группу окружал конвой из солдат в темно-зеленых мундирах.

Вольнонаемные рабочие и арестанты, равно как и солдаты конвоя, с одинаковым любопытством поглядывали на стоявший невдалеке барак, обмениваясь сведениями о необыкновенном событии. Они заинтересовались звероловами, которые вступили в жаркий бой с бандой хунхузов и победили их. Известие об этом распространилось в лагере утром того дня, когда конный бурят вызвал командира отряда казаков в улус. Спустя несколько часов солдаты привели связанных бандитов. Вместе с ними приехали четыре иностранных путешественника. Теперь сотник Тухольский вел энергичное следствие, подозревая пойманных хунхузов в участии в недавнем нападении на строителей железной дороги.

В то время как рабочие терялись в фантастических догадках, четверо героев дня сидели в бараке, как на раскаленных углях. Именно в этот момент решалась судьба всей опаснейшей экспедиции. Даже Смуга, всегда владевший собой, нетерпеливо поглядывал на дверь, за которой сотник Тухольский производил дознание. Казаки вводили бандитов по очереди. Удары нагаек и стоны доносились из соседней комнаты.

Томек старался не слышать стонов истязуемых. Судорожно сжав зубы и побледнев как полотно, он смотрел через окно. Он не мог оторвать взгляда от арестантов, работавших на насыпи.

Возможно среди них были и поляки?.. Вид людей, закованных в кандалы, прикованных цепями к тачкам, красноречиво свидетельствовал о тех муках и унижениях, которые вынуждены были переносить тысячи ссыльных, героических борцов за свободу своей родины.

Боцман сохранял мнимое спокойствие, курил трубку, но и в его голове были невеселые мысли. Он мрачным взглядом провожал казаков, ведущих хунхузов на следствие, и в конце концов пробурчал:

- Видимо, с нашими ссыльными тоже обращаются не лучше...

- Посмотри, боцман, через окно, и у тебя сразу же пропадут всякие сомнения, - шепнул Томек.

Вспомнив своего сводного брата, Смуга тяжело вздохнул. Один только Удаджалак, казалось, не удивлялся ничему. На его родине, как и во многих других странах Азии, часто во время следствия применялись пытки.

Прошло довольно много времени, прежде чем казаки вывели последнего хунхуза. На пороге комнаты показался сотник Тухольский. Он в задумчивости смотрел на путешественников, как бы взвешивая в уме, что им сказать. Лишь после длительного молчания он неуверенно произнес:

- Они сознались... Это их банда месяц тому назад совершила нападение на наших железнодорожников. Генерал-губернатор направил меня сюда, чтобы организовать преследование хунхузов. К сожалению, банда бежала в Маньчжурию... А жаль, повышение и награда пролетели у меня мимо носа...

Томек и боцман сделали такое движение, словно в голову им пришла одна и та же мысль. Однако Смуга взглядом приказал им молчать и закурил трубку. Подперев голову рукой, сказал:

- Но ведь теперь эти хунхузы в ваших руках... О нашем участии в их поимке можно и не упоминать.

Сотник Тухольский прищурил глаза и выжидательно молчал.

- Вы нас избавили от неудобств, связанных с пленниками, - говорил Смуга. - Нам теперь не до хунхузов, следствий и... наград. Мое здоровье возбуждает опасение. От ранения, полученного в бою с хунхузами, раскрылись старые раны. Мне необходим совет хорошего врача, чтобы поправиться и успешно закончить охоту.

На лице сотника появилось выражение надежды и удовлетворения. Неужели повышение и награда не минуют его?

- У нас в Сибири мало врачей. Жить добровольно здесь никто не хочет, - вмешался он. - Туземцы лечатся у своих монахов или шаманов, а мы, русские, вынуждены лечиться у нескольких европейских врачей, занятых в больницах Читы или Нерчинска.

Ни один из них не захочет сюда приехать.

- Неужели нельзя чем-нибудь помочь? - вздохнул Смуга, наблюдая за Тухольским. - Из-за этой бандитской пули может сорваться вся экспедиция...

Офицер потер руки и сказал:

- А если бы я отвез вас в больницу?

- Это для нас слишком большая потеря времени, - ответил Смуга. - Кроме того, один я не могу ехать. Я очень ослабел, а путь - далекий.

- Ваши спутники поехали бы с вами. Я постараюсь это как-нибудь устроить.

- Гм, мы подумаем над вашим предложением, - с колебанием ответил Смуга. - Во всяком случае, один из нас должен будет немедленно вернуться в лагерь близ Благовещенска, чтобы сообщить остальным товарищам о нашем отъезде. Но на это трудно решиться, так как ему пришлось бы ехать через тайгу в опасном одиночестве...

- И этому делу можно помочь, - сказал офицер. - Я еще не сказал вам о том, что выявило следствие. Дело в том, что хунхузы выдали своего шпиона, находящегося на нашем берегу Амура. Это старый паромщик, которого зовут капитаном Вангом. Он донес банде и о вас.

- Ах, лицемер! - воскликнул Томек. - Во время переправы я обратил внимание на интерес, проявленный им к нашим вьюкам!

- Стоило бы надеть ему петлю на шею, - буркнул боцман.

- Будьте спокойны, он понесет заслуженное наказание, - заверил офицер. - Я уже написал приказ об его аресте. Несколько моих людей готовятся в путь. Паром капитана Ванга находится недалеко от вашего лагеря. Поэтому один из вас может сейчас же ехать с солдатами.

Смуга незаметно улыбнулся. Сотник Тухольский сообщил им о хунхузском шпионе только тогда, когда уверился в том, что путешественники не претендуют на награду.

Помолчав немного, Смуга сказал:

- Раз дело представляется так, нам остается только дать официальные показания о нападении хунхузов.

Офицер сразу же принес письменный прибор. Смуга продиктовал Томеку содержание заявления, из которого вытекало, что сотник Тухольский спас охотничью экспедицию or нападения хунхузов.

Четверо путешественников подписали заявление.

Сотник не скрывал своей радости. Он тщательно спрятал документ в карман.

- Я возьму вас в Нерчинск специальным поездом, - сказал он

благожелательно. - В больнице Нерчинска работает европейский врач, и я подам соответствующий рапорт его высокопревосходительству генерал-губернатору, чтобы у вас не было никаких осложнений с полицией. Думаю также, что вами заинтересуется господин Нашкин. Я ему шепну несколько словечек. Ведь это он назначил награду за поимку хунхузов.

Путешественники украдкой обменялись многозначительными взглядами.

- Кто такой этот Нашкин? Это кто-нибудь из полиции? - равнодушно спросил Смуга.

- Сразу видно, что вы иностранец, - ответил офицер. - Это сибирский миллионер. Он разбогател на меховой торговле и неплохо сдирает шкуру с местных жителей.

- А почему он интересуется делом нападения на строителей железной дороги? - спросил Томек.

- Хунхузы тяжело ранили его племянника, инженера на строительстве, - пояснил сотник.

- Ах, вот как? - удивился Смуга. - Мы вам благодарны за вашу протекцию. Помощь господина Нашкина может нам пригодиться в Нерчинске.

- Его высокопревосходительство генерал-губернатор и Нашкин, конечно. будут вам очень благодарны за лояльное сотрудничество с русскими военными властями. Ведь вы пострадали в борьбе с преступной бандой!

- Прежде всего мы отдаем себя под ваше покровительство, - ответил Смуга. Он удовлетворенно подмигнул друзьям. План поездки в Нерчинск становился вполне реальным.

- Кто из вас отправится с моими людьми вниз по реке? - спросил сотник Тухольский, тоже вполне довольный путешественниками.

Смуга притворно задумался.

- Думаю, что в лагерь надо отправить Удаджалака, - ответил он, и, обращаясь к индийцу, добавил: - Расскажете господину Броуну и Павлову обо всем, что с нами случилось.

- А что нам делать с лошадьми? - вмешался боцман. - Ведь не везти же их в Нерчинск?

- Вашими лошадьми займется комендант лагеря на первой железнодорожной станции, - предложил Тухольский. - Рано утром оттуда в Читу уезжает на специальном поезде заместитель главного инженера. Мы поедем вместе с ним. Я сейчас отдам распоряжение, а господин Удаджалак пусть приготовится в путь. Казаки отправятся еще сегодня.

Офицер вышел из барака. Смуга воспользовался случаем, чтобы посвятить Удаджалака в свои дальнейшие планы. Они

должны вывезти ссыльного из Нерчинска, предварительно переодев его и загримировав, причем во время поездки он будет пользоваться фальшивым паспортом. На предпоследней остановке беглец должен сойти с поезда, скрыться в тайге и дожидаться там, пока они не подоспеют с лошадьми. Потом они проберутся поближе к лагерю, где беглец будет надежно спрятан в тигровую клетку.

Не прошло и часа, как наши путешественники попрощались с Удадажалаком, желая ему удачи. Томек непринужденно болтал с сопровождающими Удаджалака казаками, а боцман даже выпил с ними "посошок" на дорожку.

* * *

Томек стоял у открытого окна. Вслушиваясь в размеренный стук вагонных колес, он с любопытством смотрел на проносившиеся мимо пейзажи Забайкалья. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались горные хребты, высота которых не доходила, однако, до линии снегов. Отдельные горные цепи, лишенные ясно выраженных граней, представляли из себя широкие плоскогорья, между которыми вырастали куполообразные вершины. Время от времени среди густой сети лощин с пологими склонами, поросшими лесом, показывались "островки" типично степного пейзажа. Сибирская тайга на территории Забайкалья встречается с монгольской степью, которая двумя языками, открытыми к югу, далеко проникает в тайгу; на западе это селенгинский клин, а на востоке - аргунско-ононский. Степные районы, с характерной для них растительностью на южных, каменистых склонах врезаются в царство тайги далеко на север, почти до пределов Якутии; тайга в свою очередь выходит далеко на юг, вплоть до реки Ингоды и даже кое-где доходит до засушливых степей южного Забайкалья.

Видимо, в наследство от отца Томек получил страсть к естествознанию; он тщательно изучал виды растений и животных, встречавшиеся ему по пути; оказалось, что они присущи как сибирской тайге, так и монгольским степям амурско-уссурийского района и даже высокогорным областям.

Географические вопросы в уме Томека постепенно уступили место трагическим для поляков воспоминаниям, связанным с южной оконечностью Байкала, называемого бурятами священным морем. Под влиянием внезапного волнения Томек обратился к друзьям.

- Отсюда недалеко уже до Мишихи[58] на берегу Байкала... -

сказал он по-польски, но сразу же спохватился и умолк, вспомнив, что они не одни.

Кроме Смуги, с удобством расположившегося на овчинах, разостланных на диване вагона, и дремавшего боцмана, в купе находился заместитель главного инженера. Он ехал по делам строительства в Читу к генерал-губернатору. Это был пожилой человек с длинной седой бородой. Сотник Тухольский представил его звероловам как Станислава Красуцкого. Заметив его испытующий взгляд, Томек смутился. Внезапно проснувшийся боцман открыл глаза и спросил на русском языке:

- Ты что-нибудь сказал?

- Я говорю, что отсюда рукой подать до Байкала, - повторил Томек, тоже по-русски, благодарный боцману за то, что тот сохранил самообладание.

- Ну и что с того! - пробурчал моряк, пожимая плечами. - Подумаешь, важная причина для того, чтобы будить человека!

- Не обижайтесь на своего молодого друга. Байкал для поляков своего рода священное место, - вдруг отозвался молчавший до сих пор инженер Красуцкий.

- Почему же это? - удивился боцман.

- Несколько лет назад группа польских ссыльных, находившаяся на берегах этого озера, подняла бунт. Ссыльные, принадлежавшие к другим национальностям, никогда не отважились бы на подобный шаг. Поэтому все поляки, приближаясь к Байкалу, вспоминают героев, погребенных в тайге под Мишихой, и других, убитых в Иркутске!

- Скажите, вы тоже поляк? По какой же причине вы решили жить в Сибири? - грубовато обратился к инженеру боцман.

- Сначала я здесь находился в качестве ссыльного. Потом мне удалось закончить в Петербурге Институт инженеров путей сообщения, и я приехал сюда в поисках хорошего заработка. В Сибири я прожил почти сорок лет.

- Вы постоянно работаете на строительстве железных дорог? - спросил Томек.

- А как же! - подтвердил инженер. - Мне кажется, что постройка железной дороги облегчает ссылку нашим соотечественникам.

- Несомненно, ваши соображения не лишены основания, - вмешался Смуга. - Неужели вы находились здесь во время польского восстания на берегах Байкала?

- Нет, на Байкал я попал несколько лет спустя, но тогда здесь еще очень часто вспоминали трагедию поляков.

- В таком случае, вам пришлось многое слышать об этом восстании, - заметил боцман.

- Думается, что для поляков это тяжелое воспоминание, - ответил Красуцкий.

- Господин Броль уже многие годы сопутствует нам в охотничьих экспедициях, - поспешил пояснить Смуга. - И хотя он немец, но симпатизирует полякам. Он даже неплохо говорит по-польски.

- Раз так, то давайте перейдем на польский язык, - предложил инженер Красуцкий. - Мне будет полезно вспомнить родной язык.

- Прекрасно, - сказал боцман. - Думаю, что сотник Тухольский со своими казаками уже давно пошел на боковую, потому что связанные хунхузы не смогут улизнуть на ходу поезда. Давайте поговорим о чем-нибудь интересном. Кому первому пришла в голову мысль о мятеже на берегах Байкала?

- Очень трудно определить, кто первый задумал групповой побег из Сибири, - ответил Красуцкий. - Дело в том, что почти все польские ссыльные лелеяли мечту о бегстве по примеру Беневского. После январского восстания среди ссыльных поляков оказалось много студентов, художников, бывших офицеров и героических варшавских ремесленников, попавших в плен на поле битвы. Еще во время этапа через Сибирь в их ушах раздавались отголоски прежней битвы. Любая искра могла вызвать пожар...

- В некоторых польских кругах считалось, что проект группового побега из Сибири принадлежит Ярославу Домбровскому, который позднее стал участником Парижской Коммуны[59], - заметил Смуга.

- Возможно, что так и было, - согласился Красуцкий. - Ярослав Домбровский в 1864 году содержался в московской пересыльной тюрьме. Тогда уже многие говорили о том, что в один и тот же день все партии ссыльных, разбросанные на длинном пути от Варшавы до Урала, должны одновременно разоружить конвой и вернуться в Польшу в те места, где еще продолжалось сопротивление повстанцев. Домбровский при помощи польских и русских революционеров сумел бежать из тюремной бани. После этого некоторые поляки занялись разработкой еще более смелых планов бегства. К примеру, находившийся в ссылке в Красноярске Павел Ландовский, бывший начальник повстанческой жандармерии в Варшаве, намеревался вместе с русским революционером Николаем Серно-Соловьевичем поднять русский народ на революцию.

- Это и в самом деле был смелый план, - удивленно сказал Томек.

- К сожалению, русские власти раскрыли заговор, - продолжал Красуцкий. - Серно-Соловьевич был внезапно вывезен и умер по дороге в Якутск, и с ним погибли тайны

подготавливавшейся революции.

Однако поляки не оставили свое намерение бежать. Главный центр заговора был перенесен в Иркутск, где во время зимнего скопления арестантов в тюрьмах умерло больше ста человек. Организатором подготовки побега был там Нарциз Целинский, бывший участник восстания 1848 года в Познанском княжестве и в Галиции, позднее штабс-капитан на Кавказе и повстанец 1863 года. Его план вооруженного выступления и побега не предусматривал помощи со стороны русских революционеров.

Узнав о волнениях среди польских ссыльных, царские власти решили отобрать самых беспокойных из них и направить на строительство железной дороги, которая должна была проходить вдоль южного берега Байкала. Ссыльные сначала приняли этот проект с радостью. Работа на строительстве позволяла им находиться на свежем воздухе и могла облегчить планируемый побег. Целинский предлагал отправиться с берегов Байкала через киргизские степи в Бухару, где в то время шла война между Россией и бухарским эмиром.

- Мне кажется, что проект был вполне реальным, - вмешался Смуга.

- Вы правы, побег мог быть успешным, если бы не ряд непредвиденных обстоятельств. Дело в том, что в конце мая 1866 года первая партия ссыльных была отправлена в Култук на южном берегу озера, расположенный на расстоянии около ста километров от Иркутска. Вторая партия была направлена на семьдесят километров дальше, в селение Мурино. Как раз тогда пришло известие о царском манифесте об амнистии в связи с неудачей покушения Каракозова на жизнь царя. По манифесту сроки тяжелых наказаний были уменьшены наполовину, менее тяжелые наказания заменялись принудительным поселением в Сибири. Иркутские власти задержали отправку ссыльных на Байкал, чтобы провести новое распределение арестантов на группы по новым срокам. Амнистия значительно улучшила настроение среди ссыльных, так что часть из них даже отказалась от мысли о бегстве.

В конце концов, на строительство дороги были отправлены семьсот двадцать человек. Арестанты попали в чрезвычайно тяжелые условия. Постоянные ветры, веющие над Байкалом, являются причиной частых бурь. Значительные перепады температуры воздуха на озере и на берегу приводить к тому, что ночью в ущельях дует резкий холодный ветер, который дает себя знать особенно осенью. В тот год шли непрерывные дожди, питание арестантов было из рук вон плохим, рабочий день длился с пяти часов утра до шести вечера, жилища отсутствовали,

и арестанты вынуждены были сами строить себе шалаши.

В озеро впадает множество рек, которые отделены друг от друга горными хребтами, и строителям приходилось через них пробиваться. Отвесные стены высотой свыше двухсот метров нависали прямо над водой. Весной, когда паводковые воды срывали мосты, прекращался подвоз продовольствия. Арестанты пробивали в скалах туннели, корчевали пни, валили деревья, копали землю и готовили материал для строительства мостов. В той пустыне они чувствовали себя полностью оторванными от цивилизованного мира. Правда, им разрешалось раз в три месяца писать письма домой, но из дому они почти не получали ответов.

Среди ссыльных, разбросанных отдельными группами вдоль южного берега Байкала[60], шла оживленная агитация в пользу побега. Густав Шрамович считал, что выхода нет: придется либо "подыхать как скот от непосильной работы", либо попытаться освободиться, а в случае неудачи погибнуть с честью с оружием в руках. К сожалению, среди ссыльных не было единомыслия. Нашлись даже предатели. Поэтому Целинский, избранный вождем восстания за его боевое прошлое, решил воспользоваться удобным случаем и отдал группе ссыльных в Мурино приказ начать борьбу. Это произошло в начале июля, в ночь с пятницы на субботу.

Приказ Целинского поднял арестантов еще в нескольких местностях. В Лиственной Шрамович, а в Култуке - Арцимович разоружили стражников и направились вдоль Байкала на соединение с группой Целинского. В качестве арьергарда они выслали вперед восемьдесят кавалеристов во главе с Леопольдом Эльяшевичем. Адъютантом у Эльяшевича состоял Эдвард Вронский, гимназист из Вроцлава, настоящая фамилия которого была Сконечный. По пути в Мишиху отряд Эльяшевича встретил командира конвойных войск полковника Черняева и инженера Шаца, руководителя работ. Эльяшевич взял обоих в плен. Бывшие при них деньги он конфисковал, выдав пленным квитанцию с подписью: Сибирский легион свободных поляков. И тем самым выдал название польской военной организации.

Эльяшевич вскоре объединился с группой вождя восстания Целинского, но тот, не имея возможности слишком долго ждать прихода Шрамовича с пехотой, приказал Эльяшевичу немедленно занять Посольск. По дороге Эльяшевич встретился с русским отрядом под командованием поручика Керна. Поляки потеряли нескольких человек убитыми, часть попала в плен. В Посольск прибыли русские подкрепления под командованием майора Рика, поэтому Эльяшевич отступил в Мишиху, куда вскоре подошел и Шрамович во главе двухсот, плохо вооруженных, пехотинцев. В

этих условиях рискованно было пойти на решительное сражение. Целинский советовал вернуться в Култук, где не было русских войск, и оттуда направиться к китайской границе. Повстанцы не приняли его план, так как считали, что русские уже заняли все местности на южном берегу озера. Целинский сложил с себя полномочия, и командование повстанцами взял на себя Шрамович.

Известие о восстании быстро дошло до русских властей в Иркутске, которые со всей энергией стали собирать силы для его подавления. Желая возмутить население против восставших, они распространили ложные слухи о том, будто бы взбунтовавшиеся арестанты намерены уничтожить русских и туземцев. Таким образом, кроме русских войск, против горсточки поляков обратилось местное население. Повстанцы попали в окружение. Во главе небольшого отряда Целинский попытался перейти китайскую границу. Шрамович у которого осталось всего лишь сто пятьдесят человек принял решительное сражение под Мишихой. Истратив патроны, повстанцы бросились в рукопашную, но все же, в конце концов, были вынуждены отступить в тайгу. Рассредоточившись, они пытались небольшими группками пробиться в Китай. Донельзя измученные, истощенные голодом, они попали в руки русских войск.

- Бедняги, разве они не знали, что должны проиграть эту неравную борьбу? - перебил его Томек, тяжело вздохнув.

- А что случилось с теми, которые попали в плен? - спросил боцман.

Красуцкий насупил брови, словно пытаясь что-то вспомнить, и ответил:

- Вы, господа, найдете лучший ответ в стихотворении, написанном одним из поэтов в честь польских повстанцев с берегов Байкала[61]. Послушайте, пожалуйста:

"Лучше уж пуля, чем жизнь такая!"
Решили, восстали, страх разогнали!
В руках берданки. Страна родная
Их не дождется - в слезах, в печали!
В глуши таежной - голода муки.
Лишь тот был счастлив, что пал в сраженьи!
А им? - Им выпало пораженье,
Опять сковали оковы руки.
И суд неправый... И строй пехоты...
И залпы - первый... третий... четвертый!

Боцман достал из кармана клетчатый платок. Стал шумно

сморкаться. Томек повернулся лицом к окну, пытаясь скрыть слезы, появившиеся у него на глазах. Смуга вбил в Красуцкого испытующий взгляд, словно хотел до конца прочесть его скрытые мысли. После длительного молчания закурил трубку и сказал:

- Царизм уже не раз применял метод разжигания вражды между завоеванными народами. Впрочем, то же самое делают с успехом и другие государства, ведущие политику завоеваний. Однако, в данном случае, ложь царских чиновников была, видимо, быстро разоблачена. Ведь несчастные узники желали только своей свободы!

- Вы, конечно, правы! Даже жители Иркутска искренне сочувствовали повстанцам. Во время суда обнажилась подлая роль царского правительства, которое обвиняло польских узников в намерении уничтожить русских в Сибири, - признал Красуцкий.

- Как вытекает из стихотворения, к расстрелу приговорили четверых повстанцев, - вмешался боцман. - Что сделали с остальными?

- Из семи человек, приговоренных к смерти, расстреляли четверых: Шрамовича, Целинского, Рейнера и Котковского. Около четырехсот человек приговорили к многолетней или даже вечной каторге, некоторых отдали под надзор полиции.

- Как был приведен в исполнение приговор? - спросил Томек.

- Казнь состоялась близ берегов Ангары у подножия диких гор, на предместье Ушаковка. Несмотря на то, что стояли морозы и туманы, жители Иркутска собрались в пригороде. Не было только поляков, проживавших в городе. Власти запретили им показываться на улице в течение нескольких дней. Ответственность за поведение поляков была возложена на домохозяев.

- Вот подлецы! - возмутился боцман.

- И все же нашелся человек, который нарушил суровое распоряжение властей. Переодевшись в одежду чалдона, то есть сибирского крестьянина, один из поляков, Болеслав Ольшевский, пробрался на место казни. Он мне рассказал, как все это происходило, - продолжал инженер. - Четверо поляков смело шли на смерть, как и положено героям. Их сопровождал иркутский ксендз, поляк, тоже из ссыльных, Кшиштоф Швермицкий.

Увидев, что у ксендза дрожат руки, Шрамович сказал ему: "Ты, святой отец, вместо того, чтобы поддержать наш дух, и тем помочь нам смело принять смерть от руки этих рабов царизма, дабы показать им, что поляки умеют умирать за свободу, ты сам ослабел и требуешь утешения, потому что у тебя дрожит рука, которой ты должен нас благословить! Выше голову, польский пастырь, молись не за нас, а за будущее Польши! Нам все равно,

погибнем ли мы на своей земле за ее свободу, или в изгнании! Идея, которой мы посвятили свою жизнь, не погибнет!"[62]

Шрамович попрощался с товарищами. Остановился у столба, вкопанного в землю. Когда на него надели саван, он подбросил вверх шапку и умер с возгласом: "Еще Польша не погибла..."

Его шапка упала около царского полковника. Он отбросил ее ногой. Тогда в толпе, собравшейся на месте казни, раздались крики: "подлец!" Под грохот барабанов раздался ружейный залп...

Взволнованный Красуцкий умолк.

Первым вышел из состояния задумчивости Смуга. Он вытряхнул пепел из погасшей трубки и взглянул в окно вагона. На востоке поднималась заря. Таким образом, ночь в поезде прошла среди страшных воспоминаний.

- Уже светает, мы подъезжаем к Нерчинску[63] - громко сказал Смуга.

Услышав слова Смуги, Томек очнулся и выглянул в окно. В розоватом свете раннего утра простирался холмистый пейзаж, напоминающий пустыню. Монотонность дикого края кое-где прерывали узкие и глубокие овраги с высокими, крутыми каменистыми склонами, иногда поросшие карликовой растительностью. Время от времени среди сухих оврагов и долин появлялись окруженные горами острова зеленых лугов, поросших всеми видами степных и луговых трав. В таком разнотравьи в изобилии встречаются мятлик, келерия, осока, ковыль, скабиоза и типчак.

Вид обширных степей взволновал Томека, так как это значило, что они приближаются к цели экспедиции - Нерчинску! Неуверенность, надежда и тайный страх попеременно овладевали сердцем юноши. Они перенесли столько трудов, преодолели столько опасностей, чтобы добраться наконец до места ссылки Збышека! Удастся ли им его освободить? В поисках ответа на этот вопрос Томек невольно посмотрел на своих друзей. Смуга пыхтел короткой трубкой-носогрейкой и ленивым взглядом следил за клубами дыма, поднимавшимися в воздух, боцман опустил голову на грудь и, как ни в чем ни бывало, дремал. Их случайный попутчик Красуцкий просматривал какие-то бумаги. Томек повеселел и облегченно вздохнул. Их рискованная экспедиция должна была окончиться успешно, раз в ней участвуют такие умные и бесстрашные люди, как Смуга, отец и боцман!

XIV
Грозное предупреждение

- Сто бочек прогорклого китового жира! Да перестань ты, пожалуйста, охотиться на тараканов! - обратился боцман к Томеку. - Заснуть не могу, если ежеминутно слышу, как ты ногами давишь их, проклятых!

Томек, шагавший из угла в угол, остановился у лежавшего на полу соломенного тюфяка, на котором отдыхал боцман, и возмущенно ответил:

- Одному мешает гнус, другому - тараканы. Я вижу, что вы как-то очень быстро привыкли к этим проклятым насекомым. Смотрите, таракан лезет по вашей подушке!

- Ну что ж из того? Видимо, он чувствует мое доброе сердце. Ведь таракан тоже хочет жить! - философски ответил боцман. - Моряки, браток, не могут обращать внимания на такую мелочь. На кораблях всякое бывает. Знаешь, браток, однажды я плыл в Китай на старой калоше. Мы везли трубы, но если бы я этого не знал, мог бы подумать, что везем груз крыс и тараканов. Они нам попадались даже в супе.

- Я бы ни одного часа не остался на таком судне, - воскликнул Томек.

- Ты так думаешь? Впрочем, возможно, такой храбрец как ты и прыгнул бы в море! Я же предпочел дойти до Коломбо на Цейлоне и только там, вместе с приятелем, постарался опоздать на корабль. В дальнейший путь он отправился без нас.

- Мне теперь не до шуток, - буркнул Томек. - Если бы не то, что господин Клеменсович получил эту нору в наследство от своего отца, польского ссыльного, я бы эту гостиницу поджег, не колеблясь ни минуты!

- Отличная идея, но тогда нам пришлось бы жить под открытым небом, так как в Нерчинске это единственная гостиница. Видно, этот Клеменсович был ловкий делец, если начал дело там, где у него не было конкурентов!

Возмущенный насмешливым тоном боцмана, Томек пожал плечами и отвернулся. Он подошел к окну, выходившему на темный, грязный двор. Смуга что-то долго не возвращался из города. Около помойной ямы во дворе вертелась кудлатая собака. Не дождавшись возвращения Смуги, юноша отвернулся от окна и осмотрел убогий номер гостиницы. На первый взгляд он был скорее похож на притон, чем на гостиничный номер. Краска на дверях и окнах лущилась и отпадала кусками, обнажая темное

дерево, между досок грязного пола зияли щели, в которых кишели насекомые. Вся меблировка номера состояла из колченогого стола, покрытого не первой свежести скатертью, соломенных тюфяков и медного таза, который появился в комнате только по требованию путешественников. Тюфяки и таз принес из квартиры Клеменсовича неряшливый, как и все в этой гостинице, парнишка, слуга и одновременно повар.

- С ума сойти можно, сидя без дела в этой норе, - буркнул Томек.

- А что нам еще делать, раз Смуга запретил показываться на улице! - сказал боцман. - Скучно здесь, еда никуда не годится. Даже и подремать нельзя, потому что я выспался на год вперед.

- Дядя Смуга прав, - сказал Томек. - В маленьком городишке, таком, как Нерчинск, любой приезжий сразу же обращает на себя внимание. Чем меньше нас здесь видят, тем лучше! А впрочем, ничего интересного в городе нет. Я уже наизусть знаю все важнейшие дома: библиотеку, музей, три школы, казначейство и один, в самом деле великолепный, особняк Нашкина.

- Ты забыл о больнице, в которой лечат Смугу, - добавил боцман.

- К счастью, дядя Смуга быстро выздоровел благодаря лекарству, полученному в монастыре. В этой больнице ему вряд ли смогли бы помочь.

- Смуга все это прекрасно организовал!

- Верно! Он все еще притворяется больным, чтобы подольше посидеть в Нерчинске, а одновременно пытается разузнать побольше о Збышеке.

- Что-то долго его нет, - заметил боцман. - Интересно, что ему сегодня скажет этот дружок Пандита Давасармана. Ведь он обещал нам помочь!

- Будем надеяться, что поможет! Как он низко кланялся, узнав по чьему поручению мы к нему пришли, - заметил Томек

- Да, - согласился моряк. - Я и не ожидал, что у Пандита Давасармана такие "длинные руки"!

- Пандит Давасарман - необыкновенный человек!

- Видимо, он важная рыба между пандитами[64]. Даже англичане с ним считаются. У нас немало доказательств тому, полученных во время экспедиции в Тибет.

Друзья повели беседу о Пандите Давасармане, потом перешли к разработке плана похищения ссыльного из Нерчинска.

Их тихая беседа была прервана скрипом двери. В комнату вошел Смуга. Томек и боцман подбежали к нему, но Смуга сначала тщательно запер дверь, снял куртку, уселся на тюфяк и закурил свою любимую короткую трубку. Только проделав все

это, он взглянул на спутников. Жестом пригласил их сесть рядом с собой. Они уселись.

- Вы узнали что-нибудь новое? - с нетерпением обратился Томек.

Боцман откашлялся и тоже стал набивать трубку табаком.

- Известия у меня неважные, - после длительного молчания сказал Смуга. - Восемь месяцев назад Збигнев Карский отправлен из Нерчинска.

Томек побледнел и остановился, вопросительно глядя на Смугу. Боцман сбросил рукой таракана, ползавшего по подушке, и сказал:

- Я сразу же подумал, как только взглянул на вас, что вы приносите плохие вести... Выходит, бедняга исчез, словно его кит проглотил.

- Значит, все пропало... - дрожащим голосом прошептал Томек.

- Я этого не сказал! - возразил Смуга. Правда, тот факт, что Збышека нет в Нерчинске, весьма осложняет дело, но одновременно доказывает крайнюю необходимость нашей помощи Збышеку.

- Есть ли хоть какой-нибудь шанс на его освобождение? - лихорадочно спросил Томек, хватая друга за руку.

- Успокойся пожалуйста, Томек. Ты же знаешь, я сделаю все, что от меня зависит для, его спасения, - ответил Смуга.

- Правильные слова! - похвалил боцман. - Честное слово, я готов броситься в огонь и в воду, если это будет нужно!

Смуга с улыбкой посмотрел на рослого моряка и сказал:

- Меня очень радует, боцман, ваша готовность, потому что вскоре нам может стать очень и очень жарко.

- Говорите прямо, как обстоят дела. На меня вы всегда можете рассчитывать, - твердо сказал моряк. - Что же ты нос повесил, Томек? Збышека мы в беде не оставим!

- Достаньте из моего чемодана карту, - приказал Смуга.

Через минуту карта была на столе, и Смуга пояснил:

- Восемь месяцев назад Збышека отправили из Нерчинска в Алдан. Вот сюда, в Якутию.

- Ах, чтоб их кит проглотил! Но ведь от нашего лагеря до Алдана ближе, чем до Нерчинска! - удивился боцман.

- Будет что-то около шестисот километров, - добавил Томек, измерив расстояние по карте.

- Ну что ж, мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям, - продолжал Смуга. - Давайте подумаем, как нам добраться до Алдана.

- Ба, добраться нетрудно, но что на это скажет полиция? Ведь

у нас на шее сидит Павлов, - опечалился боцман.

- Сумели же мы приехать в Забайкалье из Приамурья! Но как и чем объясним мы необходимость поездки в Якутию? - поддержал боцмана Томек. - Ведь нам придется идти по девственной тайге! А это верно, что Збышек в Алдане?

- Тот, кто нам сообщил это известие, сделал все от него зависящее, чтобы узнать правду. Его родственник работает у Нашкина. Это он сообщил мне о местопребывании Збышека!

- Может быть, он лично знаком со Збышеком?! - порывисто спросил Томек.

Смуга утвердительно кивнул головой.

- Что он еще сказал? Только ничего не скрывайте, - попросил боцман.

- Оказалось, что Збышек обладает большими способностями к торговле мехами. Благодаря этому хозяин на него обратил внимание. Протекция сибирского богача могла облегчить участь ссыльного. Ведь Нашкин пользуется благосклонностью губернатора и доверием полиции.

- Почему же Збышека вывезли отсюда? - вмешался боцман. - Никак не пойму...

- Слушайте терпеливо, и все поймете, - ответил Смуга. - Находясь в ссылке, парень не порвал с деятельностью против царского правительства.

- Что вы говорите? Вот строптивец! Молодец, парень! - похвалил Збышека моряк.

- Полиция установила, что он завел дружбу с молодыми русскими студентами, сосланными в Сибирь за революционную деятельность, и полиция поступила просто - разослала всех в разные места. Нашкин хлопотал за Збышека, но у него ничего не получилось. Хуже всего то, что говорят, будто полиция перехватила письмо, написанное Збышеком кому-то в Англии. В письме он просил как можно скорее помочь ему.

- Господи, это он, наверное, писал мне, - прошептал Томек.

- Я тоже так думаю, - сказал Смуга. - Во всяком случае, Нашкин поступил очень прилично. Не имея возможности задержать Збышека в Нерчинске, он выхлопотал ему ссылку в Алдан в свою торговую факторию в Якутии. К сожалению, суровый климат повлиял на состояние здоровья парня. Говорят, он заболел... Последнее известие от него привез три месяца тому назад один из торговых агентов.

- Ах, унеси меня тайфун! Значит, у нас нет ни минуты времени, - твердо сказал боцман.

- Мы должны его спасти! - воскликнул Томек.

- Слушайте дальше, - остановил их Смуга. - Я еще ничего не

сказал о самом важном. Полицейский агент, который раскрыл связи Збышека с русскими ссыльными, носит фамилию Павлов.

Боцман и Томек на момент остолбенели. Они изумленно глядели на Смугу. Первым опомнился моряк.

- Фью-фью, - присвистнул он сквозь зубы. - Это что, только однофамилец, или наш добрый знакомый Павлов? Ого, в самом деле становится жарко.

- Вы не смогли узнать какие-либо подробности об этом агенте? - лихорадочно спрашивал Томек, с трудом подавляя волнение.

- А как же, кое что узнал, - ответил Смуга. - Спустя некоторое время его перевели в Хабаровск.

- Значит, это наш Павлов! - воскликнул боцман. - Вот гад! Ничего удивительного, что как только я его вижу, у меня руки чешутся!

- Надо как можно скорее возвращаться к отцу, - сказал Томек. - Мне кажется, мы несколько недооценили хитрость этого шпиона!

- Верно, земля у нас горит под ногами, - согласился боцман. - Собираем-ка манатки и... ходу отсюда!

- Я пойду на станцию узнать, когда уходит поезд, - сказал Томек.

- Сиди, - твердо приказал Смуга и добавил: - Я знал, что это известие выведет вас из себя, поэтому и сообщил вам его в самом конце. Мы должны сохранить хладнокровие и рассудительность. Сегодня выехать мы не можем, потому что Нашкин пригласил нас на бал, который дает в нашу честь. Приглашение вручил мне сотник Тухольский, которого я встретил по дороге в гостиницу. Нашкин хочет отблагодарить нас за поимку хунхузов.

- Чтоб его кит проглотил вместе с его балом! - выругался боцман. - Только у нас и дела, что терять время на забаву!

- Мы должны немедленно предупредить отца о том, что знает Павлов!

- Поспешишь - людей насмешишь, - охладил его пыл Смуга. - Мы не имеем права поступать необдуманно, не можем совершать ошибок. Ведь опасность угрожает не только Збышеку.

- Ваша правда! Особенно тяжелое положение у отца и боцмана, но, если полиция узнает о цели экспедиции, нам всем придется худо. Что теперь делать?

- Сегодня вечером мы пойдем на бал, - ответил Смуга. - Я уже заказал извозчика, который заедет за нами. Когда мы будем проезжать мимо вокзала, ты, Томек, скажешь, что забыл купить папирос. Остановишь извозчика и пойдешь в буфет. При случае узнаешь, когда уходит ближайший поезд на восток.

- Вы это ловко придумали! - расхохотался боцман, который уже снова повеселел. - Извозчик может быть агентом полиции, но он не догадается, что мы хотим улизнуть отсюда как можно скорее.

- Осторожность не помешает, - сказал Смуга. - В царской России полиция следит за всеми подозрительными иностранцами. Хотя я старался, чтобы никто ничего не заметил, но полиция могла разнюхать мое знакомство с приятелем Пандита Давасармана.

- Будем дуть на холодное - не обожжемся на горячем, - слегка переиначив поговорку, сказал боцман. - А вы не боитесь, что шпики могут обыскать наши вьюки в гостинице?

Смуга утвердительно кивнул головой.

- Поэтому я и держал вас все время в комнате, - ответил он.

- Почему же вы сразу не сказали нам об этом?! - удивился моряк.

- Я и без того был уверен, что вы точно выполните мой приказ.

- Когда мы вечером пойдем к Нашкину, полиция может воспользоваться случаем, - опечалился Томек. - Соседние номера пустуют, и мы можем в одном из них спрятать тюк с экипировкой Збышека.

- Великолепная идея, Томек, - похвалил Смуга. - Грим и всякие парики возбудили бы только излишний интерес у полиции. Боцман, пойдите и заговорите зубы господину Клеменсовичу и его слуге, а мы с Томеком...

- Хорошо, будет сделано!

Боцман исчез в коридоре. Вскоре его громкий голос послышался откуда то из глубины гостиницы.

* * *

Повернув голову, Томек проследил за извозчиком, пока тот не скрылся за поворотом. От вокзала до дома Нашкина было не больше сотни шагов, поэтому подвыпивший извозчик совсем не удивился, что один из пассажиров проделает остальной путь пешком. Томек медленно вошел в здание вокзала. У кассы толпились пассажиры.

"Видимо, скоро подойдет поезд", - подумал юноша и направился в буфет, находившийся в соседнем зале. Подошел к стойке. Спросил две пачки папирос и бутылку хлебного квасу. Глотая освежающий напиток, Томек завел беседу с буфетчицей. Через минуту он уже знал, что вскоре прибудет поезд из Рухлова.

В те времена пассажирские поезда на этом участке ходили довольно редко. Убедившись, что в обратном направлении они смогут выехать лишь в полдень следующего дня, Томек потребовал еще бутылку квасу. Время от времени он поглядывал через окно на перрон. Шипя и изрыгая клубы пара, к перрону подошел паровоз с вагонами. С поезда стали сходить пассажиры.

Томек как раз кончал вторую бутылку квасу. Он уже собирался отойти от буфета, как вдруг в зал вошел казак с саблей на боку. Новый гость показался Томеку знакомым. Казак заказал в буфете рюмку водки. Только теперь он взглянул на Томека, стоявшего у стойки. На лице казака отразились удивление и радость. Он спешно приложил правую руку к папахе, отдавая Томеку честь, и воскликнул:

- Здравия желаю, ваше благородие! Как хорошо, что я вас встретил. Ведь я привез хорошие новости! Мы арестовали капитана Ванга!

Только теперь Томек вспомнил откуда он знает этого казака. Это он командовал отрядом, который по приказанию сотника Тухольского отправился на поиски паромщика-шпиона. Интересуясь известиями из лагеря, Томек радушно поздоровался с солдатом.

- Очень рад, что капитан Ванг не улизнул от вас, - ответил Томек, пожимая казаку руку. - Как вам удалось поймать этого преступника?

- Мы поймали его, собаку, на пристани, там, где грузят дрова на суда. Ваш товарищ, который с нами ехал, сразу его узнал.

"Это значит, что Удаджалак благополучно прибыл в лагерь!" - мимоходом отметил Томек про себя, внимательно наблюдая за выражением лица казака.

- Вы, ваше благородие, можете о нем не беспокоиться, - уверял казак. - Все очень обрадовались, когда услышали о счастливом окончании приключения с хунхузами. Очень интересовались здоровьем раненого господина.

- А вы быстро вернулись, - продолжал беседу Томек.

- Пришлось мчаться сломя голову, ваше благородие, потому что господин Павлов так приказал. Он дал мне письмо к штабс-капитану Голосову, потребовав срочно его вручить.

У Томека заколотилось сердце в груди. Он прикрыл веками глаза, чтобы не выдать своих чувств и, стараясь не показать волнения, спросил:

- Кто такой этот Голосов?

- Это жандармский штабс-капитан в городе Нерчинске. Он ведает делами всех политических ссыльных в этом районе. Раньше Павлов работал вместе с Голосовым. Они друзья по

службе.

Томек медленно выпил стакан квасу, с трудом сдерживая дрожь руки, державшей стакан. Спустя минуту, он спросил:

- Павлов вас послал с этим письмом как нарочного? Видимо, в письме важные сведения?

- Павлов весьма опечалился случаем с хунхузами. Он вручил мне письмо и приказал сразу же отдать лично Голосову. Сказал, что штабс-капитан сможет лучше других помочь раненому. За поимку Ванга мне дали месяц отпуска. Я еду домой в Иркутск. Ведь у меня родился там сын. Можно было бы поехать дальше этим же поездом, не знаю только, как мне сейчас найти штабс-капитана Голосова, чтобы вручить ему письмо.

Томек задумался. Вот бы заполучить это письмо! Силой у казака его не отнимешь. Ну, а если бы он отдал его по доброй воле...

- Долго ли стоит поезд в Нерчинске? - спросил он.

- Всего полчаса... - тяжело вздохнув, ответил казак. - Не успеть. Сейчас вечер, служба кончилась... Штабс-капитан Голосов, вероятно, где-то гуляет! Сразу его не найдешь...

Томек постучал о стойку буфета и потребовал подать рюмку водки.

- За здоровье новорожденного, - обратился Томек к казаку, чокаясь с ним квасом.

Они выпили. Казак слегка покраснел и поблагодарил Томека, а тот, достав из кармана две золотые десятирублевки, сказал:

- Это мы благодарны вам. Предатель Ванг будет примерно наказан. Вот, пожалуйста, примите наш скромный подарок сыну.

Томек опять подозвал буфетчицу.

- Вы, конечно, стосковались по семье. Понятно, что вы хотите скорее увидеть сына, - говорил он, держа в руках стакан с квасом. - За ваше здоровье!

Тоскливым взглядом казак смотрел на поезд, уже готовый к отправлению.

- Просто не знаю, как тут помочь? - задумчиво произнес Томек, краешком глаз посматривая на собеседника. - Ну да видно, ничего не поделаешь, ведь вы обязаны лично вручить письмо. Через час или два я с друзьями буду на балу у господина Нашкина. Думаю, что и штабс-капитан Голосов приглашен туда тоже.

- Ну, если там намечается выпивка, Голосов будет обязательно, как обычно. Но это только через час... - озабоченно сказал казак. - Что поделаешь, не успею... Следующий поезд отправляется только завтра...

- Отсюда до особняка Нашкина недалеко. Вы же можете

оставить там письмо у кого-нибудь, - искушал казака Томек.

- А если не отдадут? - задумался казак.

Но вдруг ему пришла в голову славная идея. Он наклонился к Томеку и попросил:

- Вы, ваше благородие, будете на балу у Нашкина... Эх, не смею просить...

- Вы хотите, чтобы я передал письмо штабс-капитану Голосову? - спросил Томек. - Не стесняйтесь, это же мелочь. Я могу для вас это сделать,

Казак обрадовался, но, вероятно, у него вдруг возникли сомнения, потому что он продолжал, словно стараясь оправдать себя:

- Ведь его благородие Павлов говорил, что письмо касается вашего раненого друга, значит кому же и отдать, как не вам? Думаю, что Павлов будет доволен, ну а если нет, то черт с ним!

Говоря так он еще ближе наклонился к Томеку и прошептал:

- Не люблю... шпионов!

- Вы лучше всего сделаете, если вовсе не скажете Павлову, что письмо передали через меня. Не бойтесь, сам я ему тоже ничего не скажу, - успокоил казака Томек. - Скорее, а то ваш поезд отходит!

Послышался третий звонок. Кондукторы стали закрывать двери вагонов. Казак махнул рукой, сорвал с головы папаху, достал оттуда конверт и, вручая его Томеку, сказал:

- Вот письмо, ваше благородие. Премного благодарен за вашу милость. Прежде чем кончится мой отпуск, штабс-капитан Голосов забудет, кто ему отдал письмо!

- Я еще сегодня постараюсь ему письмо вручить, - ответил юноша, небрежным движением пряча конверт в карман.

Они попрощались друг с другом. Казак побежал на перрон. Томек смотрел на него в окно. Солдат вскочил в первый попавшийся вагон. Кондуктор запер за ним дверь. Поезд медленно тронулся. А Томек стоял у окна вокзала до тех пор, пока не опустел перрон, потом внимательно оглянулся. Он был единственным посетителем, поэтому уселся за столик в отдаленном углу и заказал себе чай.

"По какому это делу полицейский агент Павлов пишет штабс-капитану жандармерии?" - задумался Томек, с нетерпением ожидая самовара. - "Правду ли он сказал казаку?"

Вскоре буфетчица поставила на стол самовар и исчезла за стойкой. Томек налил в стакан кипятку. Осторожно огляделся вокруг. Достал из кармана конверт. Прочел адрес: "Его высокоблагородию штабс-капитану Николаю Алексеевичу Голосову - нарочным - СЕКРЕТНО."

Томек подержал конверт над стаканом с кипятком. Потом лезвием перочинного ножа вскрыл письмо. Стал читать...

"Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Покорнейше вас прошу заняться следующим вопросом. Необходимо немедленно проверить в делах польского политического ссыльного Збигнева Карского, кому он пытался переправить письмо из Нерчинска в Англию. Думаю, вы хорошо помните это дело, потому что перехваченное мною тогда письмо весьма обрадовало вас. Если я не ошибаюсь, в моих руках очутились необыкновенно хищные "рыбы". Известие об адресате того письма, как можно скорее пришлите мне нарочным. Я буду находиться в..."

В дальнейшем Павлов точно указал место нахождения лагеря звероловов.

У Томека на лбу выступили капельки пота. Он еще раз прочел письмо. Значит этот полицейский, над которым подшучивал боцман, проник в их тайну! Таким образом, все участники экспедиции очутились в смертельной опасности... Что за сюрприз приготовил бы им Павлов, если бы не случайная встреча на вокзале с его нарочным.

Томек спрятал письмо в нагрудный карман. Пораженный открытием, он с большим трудом пытался подвить закравшийся в душу страх. Только после некоторого размышления ему удалось успокоиться настолько, чтобы быть в состоянии снова логически думать. Если не отдавать письма штабс-капитану, можно выиграть много времени. Конечно, они должны немедленно возвращаться к отцу, свернуть лагерь и бежать из Сибири, прежде чем Павлов, не дождавшись ответа, не вышлет второе письмо. Однако необходимо сейчас же рассказать обо всем Смуге и боцману.

Томек подозвал буфетчицу и расплатился. Он вышел на привокзальную площадь. Уж стемнело... Томек вдохнул в грудь глоток свежего воздуха и быстрым шагом направился к особняку купца Нашкина.

XV
Поединок

Удрученный тяжелыми предчувствиями, Томек почти бежал к особняку Нашкина, выделявшемуся в темноте ночи своими ярко освещенными окнами. Будет ли у него возможность сразу же сообщить друзьям о содержании письма? Ведь неожиданная встреча с казаком продлила его отсутствие! У подъезда уже стояли кареты и пролетки, кучера которых дремали на облучках, что свидетельствовало о давно начавшемся приеме. Если в разгар бала отозвать Смугу и боцмана в сторону, можно возбудить подозрение. Опасения Томека оправдались. Не успел он войти в прихожую, как лакей сообщил ему, что гости уже сели к столу.

Томек шел вслед за лакеем, искренне изумляясь роскоши особняка, а вернее, дворца, которому даже в тогдашней столице России, Петербурге, почти не было равных. На стенах, покрытых дорогими обоями, висели картины знаменитых европейских живописцев. В одном из залов Томек увидел самое большое в ту пору зеркало, купленное на парижской выставке 1878 г. Зеркало было отправлено по морю в Николаевск, а потом по Амуру в Нерчинск на специально оборудованном для этой цели корабле. В блестевшем паркете из ценных пород дерева отражались хрустальные люстры и мраморные статуи, а узорчатые персидские ковры, покрывавшие полы уютных кабинетов, заглушали шаги. Шелковые портьеры, оригинальная стильная мебель и экзотические комнатные растения красноречиво свидетельствовали о богатстве хозяина этого великолепного дворца.

Как всегда, на прием к сибирскому миллионеру явились все самые значительные жители города. Среди сидевших за столом можно было заметить двух владельцев золотых приисков, многих именитых купцов, военных и гражданских чиновников и представителей культурных кругов провинциального мирка. Когда лакей ввел в столовую нового гостя, оживленная беседа за столом несколько притихла. Нашкин, как хозяин этого пира, встал навстречу Томеку, представил его всему обществу, после чего подвел к предназначенному месту.

Заняв свое место, Томек стал нетерпеливо искать взглядом своих друзей, желая дать им понять, что, как только представится случай, ему необходимо с ними поговорить. Сначала он увидел великана-боцмана. Весельчак боцман беззаботно подмигнул ему и сразу же повернулся к двум дамам, с которыми вел оживленную

беседу. В черном сюртуке и белоснежной рубашке, боцман выглядел отлично, но в парадном одеянии чувствовал себя, видимо, неважно, потому что ежеминутно поправлял рукой галстук. В противоположность боцману, Смуга сразу же заметил необыкновенное волнение Томека. Сначала ему показалось, что это пышный прием несколько смущает Томека, но вскоре Смуга отбросил эту мысль, потому что Томек совсем не обращал внимания на окружавших его гостей. Поэтому, когда юноша в конце концов заметил Смугу, сидевшего между какой-то дамой и средних лет офицером, то встретил его укоряющий взгляд.

Немой укор подействовал на Томека как холодный душ. Он покраснел и смущенно подумал: "Видно, страх совсем лишил меня рассудка. Надо терпеливо подождать, пока мы не встанем от стола".

Как раз в этот момент Нашкин поднял тост за здоровье гостей из далеких стран. Томек, желая овладеть собой, поднял бокал с шампанским и выпил вино до дна. Он с усилием перевел дух, потому что не был привычен к шампанскому. Вскоре Томек почувствовал облегчение. Теперь он мог взглянуть на сидевших рядом с ним соседок.

Дама, которая сидела с правой стороны, наклонилась к соседу и что-то шептала ему. Но молодая, одетая значительно скромнее девушка с левой стороны Томека внимательно на него смотрела, слегка прищурив глаза. Это была стройная, голубоглазая блондинка с очень правильными чертами лица. Под ее испытующим взглядом Томек даже покраснел.

"Черт возьми, она, наверно, заметила мое глупое поведение", - подумал Томек.

Желая как-то загладить свою неловкость, он подал соседке блюдо с икрой. Соседка словно только и ждала этого случая, потому что улыбнулась и обратилась к нему по-русски:

- Вы опоздали, и я уже стала подумывать, что вам не нравится общество сибирских дикарей!

- Я по дороге должен был кое-что купить, - оправдывался Томек. - Пожалуйста, извините мою рассеянность. Меня несколько ошеломило все это великолепие. Я никак не ожидал встретить столько замечательных произведений искусства в глубине Сибири.

- Сибирь - страна противоположностей. Люди, разбогатевшие на каторжном труде ссыльных, купаются в шампанском, а местные жители мрут от голода, - резко ответила девушка.

Томек внимательно посмотрел на нее. Неужели она пыталась вызвать его на неосторожный разговор? Нет, это было на нее не похоже. Большими, светлыми глазами, девушка внимательно

смотрела на Томека. В уголках ее губ таилась загадочная усмешка.

- Контрастов здесь, пожалуй, меньше, чем в Индии, - ответил Томек. - Мы недавно были у магараджи Алвара. Великолепие его дворца может поразить любого европейского владетельного принца, а ведь большинство индийцев живут в нищете и часто гибнут голодной смертью. Мой друг, царь Буганды в Африке, тоже живет иначе, чем его подданные.

- Из вежливости, или... по иным причинам, вы пытаетесь оправдать насилие над коренными жителями Сибири. Не удивляюсь, потому что вас я немного знаю, а вы обо мне не знаете ничего.

- Вы хотите сказать, что если бы я ближе вас знал, то иначе бы думал о тех или иных вопросах? - осторожно спросил Томек.

В этот момент кто-то из гостей поднял тост за здоровье хозяина. Беседа прервалась, все встали с мест, держа в руках бокалы. Томек чуть-чуть пригубил вина. Гости уселись. Девушка наклонилась к нему и шепнула:

- Моя фамилия Бестужева, Наталья Владимировна Бестужева. Нерчинск - это моя тюрьма. Я сюда сослана по суду, за политику.

- Никак не предполагал, что политические ссыльные могут участвовать в приемах сибирских богачей, - заметил Томек, окидывая девушку недоверчивым взглядом. - Выходит, не так страшен черт, как его малюют!

- Это только благодаря влиянию всесильного здесь Нашкина. Он родственник моей матери. Узнав о моем аресте, Нашкин постарался, чтобы меня выслали в Нерчинск. Теперь я работаю в его конторе.

- Гм, если так, то он и в самом деле поступил хорошо, - сказал Томек. - У него работают и другие ссыльные?

- Да. Ведь это в большинстве случаев интеллигентные люди. В Сибири не хватает грамотных людей. А я училась в Москве на медицинских курсах.

- Это интересно, я слышал, что бывают трудности с работой для ссыльных.

- Нашкин чрезвычайно богатый человек, его даже губернатор запросто принимает у себя. Царские чиновники в Сибири не жалеют себе ничего, а это требует денег. Тот, у кого есть чем за это платить, может себе позволить себе многое.

Неожиданное признание молодой девушки заставило Томека задуматься. Он замолчал и стал наблюдать гостей, сидевших за столом. Вскоре он обратил внимание на высокого, широкоплечего офицера, который внимательно приглядывался к его собеседнице.

Наклонившись к ней, Томек шепнул:

- Здесь кто-то за вами наблюдает!

- Вы говорите о том офицере в жандармском мундире? - спросила она.

Томек утвердительно кивнул, и девушка ответила:

- Это штабс-капитан Голосов. Он утверждает, что влюбился в меня. Остерегайтесь его, это очень опасный человек. Я постаралась, чтобы вас посадили за столом рядом со мной. Мне хотелось предостеречь вас.

Изумленный Томек, тяжело оперся о спинку стула. Что значат слова этой странной, таинственной девушки! Чего она хочет от него? В недоумении он взглянул на Смугу. Их взгляды на момент встретились. Томек глубоко вздохнул и, преодолев волнение, опять наклонился к Наташе.

- Спасибо вам за... совет, но я не знаком со штабс-капитаном Голосовым и не знаю, почему мне его следует бояться. Я не политический ссыльный, а всего лишь зверолов. А вы не будете иметь неприятностей за вашу беседу с иностранцем?

- Возможно, но в данном случае это не имеет значения. Я с нетерпением ждала этого вечера, - двусмысленно ответила девушка, глядя на Томека.

- Я вас не понимаю... - удивился Томек.

- Несколько дней назад сотник Тухольский сообщил Нашкину о поимке с вашей помощью банды хунхузов. Как только я услышала вашу фамилию, я сразу догадалась о цели вашего приезда в Нерчинск. К сожалению, вы опоздали! Несколько месяцев тому назад Збышека выслали в Алдан...

Из рук остолбеневшего Томека выпала вилка и со стуком упала на тарелку. К счастью, внимательный, как всегда, Смуга, хотя и не мог знать, что происходит с Томеком, заметил его смущение и ножом постучал по тарелке, давая знать, что желает произнести тост. Этим ловким маневром он привлек к себе внимание гостей. Смуга любезно поблагодарил хозяина за радушный прием. Во время его речи Томек сумел преодолеть волнение. Слегка дрожащим голосом он спросил девушку:

- Неужели Збышек вам что-нибудь сказал?..

- Вы еще не знаете, что Збышек писал вам в Англию. Я читала это несчастное письмо, прежде чем оно попало в руки полиции, - сказала Наташа. - Я знаю все о вас и вашем отце. Збышек верит вам, как никому на свете. Мне было жалко его, потому что я считала, что никто не рискнет сделать попытку освобождения ссыльного из глубин Сибири.

Томек достал из кармана платок и вытер со лба пот. Девушка смотрела ему прямо в глаза. Томек тихо спросил:

- Что было в том письме?

- Збышек просил организовать его побег. Письмо должно было быть отправлено тайно. У одного из наших общих знакомых кончился срок ссылки. Он возвращался в Москву и должен был оттуда передать письмо за границу.

- Неужели он выдал?

- Ах, что вы! Это агент Павлов проник в нашу тайну и хитростью заполучил письмо.

- Вы были неосторожны... Почему здесь следили за Збышеком? Разве здесь следят за всеми ссыльными?

- Всеми делами ссыльных ведает у нас Голосов. Это настоящий каналья, притом он особенно возненавидел Збышека. Он мстил ему за то, что Збышек симпатизировал мне. Теперь вы уже знаете все.

Томек призадумался. Конечно, Наташа говорила правду. Ее слова не только совпадали с известными ему фактами, но даже логически их дополняли. Но она, как видно, не знала, что нити заговора снова очутились в хищных руках Павлова. После небольшого размышления Томек рассказал Наташе о письме Павлова. Впервые за всю беседу девушка побледнела, Томеку показалось, что она вот-вот упадет в обморок, но девушка овладела собой. Гневно насупив брови, Наташа сказала:

- Если бы я была мужчиной, то вызвала бы Голосова на дуэль под любым предлогом и в честном бою устранила бы его с вашей дороги. К сожалению, я всего лишь девушка-ссыльная. Поэтому я просто застрелю его, как бешеного пса!

Не на шутку встревоженный Томек долго молчал, не в силах сказать ни слова. Он осторожно осмотрел зал. К счастью, ближайшие его соседи, целиком занятые собой, вели оживленную беседу. Томек наклонился к девушке и, силясь сохранить спокойствие, ответил:

- Что из того, что погибнет Голосов? Ведь останется Павлов!

- Я убью Голосова! Вы должны освободить Збышека! Он тяжело заболел и совсем упал духом, понимаете? Он умрет, если останется здесь.

- Вы преувеличиваете! Подумайте, что сделает Збышек, когда вас повесят из-за него?!

В глазах девушки блеснули слезы, у нее задрожали губы. Томек испугался, что Голосов или кто-либо из гостей заметит волнение Наташи, поэтому прекратил разговор и стал спешно накладывать закуски на ее тарелку. Когда она овладела собой, Томек уже не возвращался к прерванной беседе. Пир становился оживленнее по мере увеличения количества тостов. Из глубины дворца доносились звуки музыки... Гости начали вставать из-за стола. Томек взял девушку под руку и повел ее в бальный зал. На

полукруглой галерее, рядом с инструментом, напоминающим церковный орган, стояли музыканты. Они играли вальс. Томек обнял Наташу и они стали танцевать.

- Ведите себя умно, - шепнул он, когда они очутились вдали от других танцующих. - Оставьте все дело нам, и поверьте, что мы не дадим себя в обиду. Ну и, конечно, не откажемся от того, чтобы освободить Збышека. Можете быть в этом уверены.

- Павлов не так опасен, это обыкновенный сыщик, - ответила девушка. - А вот Голосов, даже без помощи Павлова, может обо всем догадаться. Неужели вы не понимаете, что он интересуется вами, уже по одному тому, что вы иностранцы. Я должна обезвредить его во что бы то ни стало!

Томек задумался, ведь он прекрасно понимал, что в этот момент самая ужасная опасность грозила им со стороны штабс-капитана жандармерии. Юноша взглянул на решительное лицо Наташи, и вдруг в его голове зародилась сумасбродная идея.

- Хотите ли вы помочь нам? - шепнул он.

- Для спасения Збышека я пойду на все...

- В таком случае, помните!..

Оркестр закончил вальс. Томек уже давно наблюдал за штабс-капитаном Голосовым. Тот стоял в сторонке, у стены. Злым взглядом он следил за танцующей Наташей. Ловко маневрируя среди танцующих пар, Томек приблизился к нему. Стал кружиться в паре с Наташей, которая даже не заметила, как они столкнулись со штабс-капитаном. Захваченный врасплох Голосов машинально оттолкнул девушку, когда она, потеряв на момент равновесие, оперлась на него. Томек поддержал Наташу. Заслонив ее собой, он воскликнул:

- Вы грубо толкнули женщину! Это подлость!

Штабс-капитан побледнел. Некоторое время он стоял ошеломленный; однако, прежде чем он сумел что-нибудь ответить, Томек добавил:

- Так поступает только трус и подлец!

Штабс-капитан покраснел до ушей. Замахнулся правой рукой и дал Томеку пощечину. Томек отшатнулся, потом подошел к офицеру, но не ударил его.

- Вы мне заплатите за это оскорбление! - зловеще сказал он. Гости, находившиеся вблизи, заметили неприятное происшествие. Они окружили противников. Среди них был и Смуга.

- В чем дело, Томек? - спросил он по-русски, окидывая взглядом своего друга и девушку, которую тот опять держал под руку.

- Что здесь происходит? - раздался бас боцмана, который вырос словно из-под земли.

Томек нарочно не спешил с объяснениями, потому что заметил сотника Тухольского, пытавшегося пробиться к ним через толпу. Сотник был в погонах подъесаула. Значит за "разгром" банды хунхузов он уже успел получить повышение.

- Этот офицер сначала грубо оттолкнул даму, танцевавшую со мной, а потом нанес мне оскорбление, - сказал Томек, когда Тухольский подошел к ним. - Я требую удовлетворения!

- Вот скотина! Напился пьяным, надо его свести в участок, чтобы там протрезвел, - просипел штабс-капитан Голосов.

- Вы ведете себя, как во время следствия! - воскликнула Наташа. - К счастью, этот господин не арестант!

Смуга повернулся к штабс-капитану, смерил его презрительным взглядом и громко сказал:

- Попридержите-ка свой язык, господин штабс-капитан, чтобы мне не пришлось укоротить его вам, даже не вызывая на дуэль.

- Разрешите, я поговорю с этим... - сказал боцман, протягивая лапу к штабс-капитану.

- Извините меня, но это мое личное дело, ведь оскорблен я, - вмешался Томек.

- Одну минуту, господа, не станем мешать гостям. Разрешите пригласить вас в отдельную комнату, - предложил Тухольский. - Пожалуйста, следуйте за мной.

Три друга в обществе Голосова оставили бальный зал вслед за Тухольским.

- Ты с ума сошел! Что ты наделал? - шепнул Смуга Томеку.

- Потом расскажу... Нам грозит большая опасность... Я нарочно его вызвал... - тоже шепотом ответил Томек.

Все вошли в кабинет. Тухольский сухо сказал:

- Господин штабс-капитан Голосов, эти господа оказали нашим военным властям огромную услугу. Его превосходительство генерал-губернатор интересуется ими. Вы обязаны дать им удовлетворение!

Голосов бросил на Тухольского злобный взгляд. Тухольский был офицером для специальных поручений и любимцем губернатора. Его мнение могло повлиять на дальнейшую карьеру, поэтому Голосов удержался от проклятий и, подавляя бешенство, буркнул:

- У меня вовсе не было плохих намерений, он сам пристал... Чего вы от меня хотите?

В этот момент в кабинет быстрым шагом вошел Нашкин:

- Господи, какая неприятность приключилась с вами в моем доме! - воскликнул он. - Извинитесь, штабс-капитан, перед нашим дорогим гостем, потому что иначе он бог знает что подумает о нас!

- Да скорее, а то у меня чертовски чешутся руки, - добавил боцман, подходя к жандарму.

Но Смуга заступил ему дорогу, не спуская внимательного взгляда с Томека. Голосов дрожал от возмущения, но чувствовал все свое бессилие. Если против него выступают любимец губернатора и сибирский воротила, то противиться им совершенно невозможно.

Томек боялся, что боцман или Смуга могут помешать ему в его намерении, поэтому он подошел к Нашкину и твердо заявил:

- Мне очень неприятно, что это... случилось в вашем доме, но среди людей чести за пощечину нельзя заплатить простым извинением. Я требую удовлетворения с оружием в руках.

- Что ж, вы правы, но я прошу принять во внимание, что дуэли у нас запрещены, - обеспокоился Нашкин. - Что вы скажете, господин подъесаул?

Тухольский, к которому были обращены эти слова Нашкина, зло посмотрел на штабс-капитана. Многие военные, в том числе казаки, недолюбливали жандармов.

- Запрещение запрещением, а честь - честью, в особенности честь офицера! - ответил Тухольский. - Дуэль можно устроить при условии сохранения ее в тайне.

- А что будет, если во время поединка этот господин встретится с более крупной неприятностью? - не скрывая гнева, спросил Голосов.

- Если у вас достаточно храбрости, то можете обо мне не беспокоиться, - вмешался Томек.

- Довольно, присылайте секундантов, - проворчал Голосов.

- Эй, я не выдержу, честное слово, - разозлился боцман.

- Господа, господа, я прошу вашего внимания, - примирительно воскликнул Нашкин. - Пусть лучше секунданты обсудят дело между собой. Я предлагаю обмен выстрелами. Думаю, что это удовлетворит обоих.

Боцман наклонился к Смуге.

- С ума, что ли, сошел наш парень? - спросил он. - На кой лад ему стреляться с жандармом?! Если он не мог ответить ему пощечиной, то я сейчас сделаю это за него и мы квиты!

- Уже поздно, боцман, - ответил Смуга, удерживая горячего моряка за руку. - Томек сказал, что нарочно вызвал жандарма на дуэль. Нам грозит какая-то опасность...

- Неужели он что-нибудь разнюхал?

- Думаю, что да. Пока помолчите...

Смуга с тревогой следил за Томеком. Одновременно он терялся в догадках, что могло вынудить всегда рассудительного юношу решиться на столь опасный шаг. Это было непонятно, тем

более что Томек всегда старался избежать борьбы с оружием в руках, а дуэли считал глупым фарсом. В чем причина такого странного поведения Томека? Предложенный Нашкиным обмен выстрелами не представлял особого риска для противников. Во время поединка на этих условиях противники в большинстве случаев пускают пули в воздух. Но какую цель преследовал Томек, стремясь дойти до пародии дуэли?

У Смуги не оставалось времени на размышления, потому что Томек поклонился Нашкину и сказал:

- Я согласен. Пусть секунданты обсудят условия поединка. Можно ли просить вас, господин Смуга, и вас, господин Броль, принять на себя обязанности моих секундантов?

- Конечно, пожалуйста, - ответил Смуга. А кто будет представлять господина Голосова?

С издевательской усмешкой жандармский офицер обратился к Тухольскому и Нашкину. Те не отказались. Довольный штабс-капитан мерил противника презрительным взглядом. В своей военной карьере он уже не раз дрался на дуэли и всегда выходил целым. Запрещенная дуэль, в которой принимали участие такие влиятельные лица, как Тухольский и Нашкин, не грозила неприятными последствиями, даже если бы он убил противника. Согласно кодексу чести секунданты удалились в отдельную комнату, чтобы обсудить дело и определить условия дуэли.

Как только три друга очутились в уютном кабинете, боцмана взорвало:

- Видно, бешеная акула цапнула тебя, Томек, и ты... С ума ты, верно, сошел! Что ты наделал?!

- Молчите, боцман! - остановил его Смуга. - Мы сейчас узнаем, почему Томек вызвал Голосова на дуэль.

Не говоря ни слова, юноша достал из кармана письмо Павлова к Голосову и подал его друзьям.

- Ага, значит Павлов отгадал правду, - сказал Смуга после того, как прочел письмо вслух.

- А я и не думал, что этот гад такой хитрый, - удивился боцман. - Вот вернемся в лагерь, и я сверну ему голову!

- Это еще не все, - добавил Томек и рассказал друзьям содержание своей беседы с Наташей.

Выслушав, каким образом дошло до ссоры со штабс-капитаном, боцман похвалил Томека.

- Ты это ловко придумал, браток! Но, черт возьми, меня тошнит от одной мысли, что ты должен подставить голову под пулю этого жандарма! Скажите, Смуга, как по-вашему, нет никакой возможности заменить Томека в дуэли?!

- Я с самого начала скандала ищу способ, как это сделать, -

задумчиво ответил Смуга. - Гм... Томек еще несовершеннолетний. Думаю, что опекун имеет право выступить в дуэли вместо него.

- Честное слово, прекрасная мысль, - обрадовался боцман.

- Нашкин и Тухольский, кажется, люди порядочные, они, наверное, согласятся, чтобы я заменил Томека.

- Ничего подобного! - порывисто заявил моряк. - Отец Томека поручил его моей опеке, значит, и стреляться за него буду я. Не дай бог, чтобы что-то случилось, я тогда не смог бы показаться на глаза Вильмовскому и Салли!

- Вот что, боцман! Я знаю, что вы за любого из нас не задумаетесь пойти в огонь и в воду, но я здесь начальник, поэтому мне и книги в руки. Вы поклялись меня слушаться. Я сам выступлю на дуэли, лишь бы только секунданты и Голосов не возражали. Мы должны обязательно обезвредить Голосова.

- Раз вы заговорили о послушании, мне придется уступить, но если вам не посчастливится, я без всяких дуэльных проволочек сам расправлюсь с Голосовым.

- Ерунду городишь! Если со мной случится что-нибудь плохое, я приказываю вам с Томеком немедленно отправиться в лагерь к Вильмовскому и предостеречь его об опасности. Голосов и так уже слишком много знает.

- Ах, о чем говорить, ведь вы его укокошите с первого выстрела! А ты что? Что это с тобой? - изумленно обратился боцман к Томеку.

Томек, бледный как полотно, вбил пылающий взгляд в лица друзей и тяжело дышал.

- Томек, что с тобой? - воскликнул перепуганный Смуга.

Ища выход из трудного положения, они совсем забыли о Томеке. А тот, возмущенный до глубины души, не мог произнести ни слова. Лишь после длительного молчания он взял себя в руки и сказал с дрожью в голосе.

- Значит, вы... хотите сделать из меня... труса! Вы боитесь, что... он меня... застрелит... Что подумают обо мне люди?! И Наташа... и Збышек! Если вы не позволите мне стреляться, я покончу с собой от стыда... клянусь вам!

На глазах Томека показались слезы. Боцман вскочил со стула.

- Браток, дорогой, это совсем не пришло мне в башку! Правда! Но что мы сказали бы отцу?

- Что вы сказали бы отцу? То же самое, что должен буду сказать я, если с кем-нибудь из вас случится несчастье! - ответил Томек, вытирая слезы носовым платком. - Я знаю, что вы хотите пожертвовать собой за меня, но ведь это я вызвал штабс-капитана на дуэль...

Смуга сидел неподвижно, всматриваясь в темное окно. Он

повернулся к друзьям, когда полностью овладел собой.

- Что ж, боцман, мы забыли, что Томек, несмотря на молодость, в самом деле храбрый мужчина, - серьезно сказал он. - Во время всех экспедиций он наравне с нами переносил все тяготы и опасности. О человеке свидетельствуют поступки, а не возраст. Томек, ты будешь стреляться с Голосовым.

- У меня сердце разрывается на части от одной этой мысли, но я вижу, что иначе поступить нельзя, - сказал боцман, тяжело вздыхая. - Теперь, дорогой браток, возьми себя в руки и послушай хорошего совета. Выстрел из пистолета никогда не бывает точным, поэтому целься низко, прямо в живот, тогда его положишь наверняка!

- Время не ждет, давайте говорить о деле, - сказал Смуга, когда они опять уселись друг против друга. Какие у тебя планы, Томек?

- Я хочу обезвредить штабс-капитана, - ответил Томек. - Если мне посчастливится, Голосов на несколько недель выйдет из строя и не сможет нам вредить. А мы за это время доберемся до лагеря, схватим Павлова и отправимся прямо к Алдану.

- Нет сомнения, что если нам удастся обезвредить Голосова, мы выиграем довольно много времени, - согласился Смуга. - Поэтому мы не можем согласиться лишь на обмен выстрелами, что может ни к чему не привести. Боцман, идемте к секундантам Голосова. Томек, у тебя не дрогнет рука, когда ты будешь целиться в человека. Помни, речь идет о жизни и смерти всех нас!

- Не бойтесь за меня, пожалуйста, - твердо ответил Томек.

Смуга и боцман вышли из комнаты. Томек остался один. Только теперь он отдал себе отчет в ответственности, которую возложил на свои плечи. "Целься низко, прямо в живот..." - припомнил Томек слова боцмана. Подумав о возможном убийстве, Томек вздрогнул... Правда, Голосов, желая выслужиться, преследовал ссыльных и пакостил им как только мог, но все же он мог считать, что исполняет свой долг.

"Можно ли убить человека только за то, что он опасен для нас?" - размышлял Томек. Ему казалось, что перед ним предстал отец. Он видел его серьезное, сосредоточенное лицо. Нет, нет, отец воспротивился бы убийству штабс-капитана! Он, наверное, сказал бы, что такой поступок граничит с предательством и трусостью! По всей вероятности, отец и так не похвалит их за кровавую битву с хунхузами. Томек пытался убедить себя, что хунхузы - это злые, жестокие люди, которые принесли множество вреда спокойным жителям. Несмотря на это, он не мог полностью заглушить голос совести.

"Нет, я не должен убивать Голосова, - решил он. - Если я

преодолею собственный страх, мне наверное удастся на время его обезвредить".

Желая отвлечь себя от неприятных раздумий, он обратился мысленно к... Салли. Сколько же прошло времени с тех пор, как он видел ее в последний раз! Что она делает, думает ли о нем, тоскует ли так, как он? Легкая улыбка появилась на лице юноши. Он вспомнил пережитые вместе с Салли приключения в Австралии и в Аризоне, прогулки в Лондоне.

"Как же долго я ее не видел", - прошептал он. - "Это мой настоящий друг!"

Однако мысли его упорно возвращались к событиям сегодняшнего вечера. Наташа... это она хотела убить Голосова, чтобы помочь освободить Збышека. Она подсказала мысль вызвать штабс-капитана на дуэль!

"Так вот они какие, эти революционеры: бесстрашные люди, решившиеся на все. Если Наташа полюбила Збышека, значит, и он теперь стал великолепным парнем!"

Думы Томека были прерваны приходом друзей. Они были серьезны и с трудом скрывали тревогу.

- Мы разработали условия. Голосов согласился стреляться. Каждый из вас имеет право сделать лишь один выстрел, - сообщил Смуга. - Дистанция - двенадцать шагов. Дуэль назначена через несколько минут. Слуги уже выносят мебель из бильярдного зала.

- Значит, дуэль состоится сегодняшней ночью?! Впервые слышу о чем-либо подобном, - удивился Томек.

- Дело в том, что Голосов весьма уверен в себе, - сказал боцман. - Он заявил секундантам, что не намерен портить себе настроение из-за какой-то глупости. Поэтому дуэль должна состояться сейчас же, или ее вообще не будет.

- Видимо, он предполагал, что запугает нас этим, - добавил Смуга.

- Раз так, я готов! - заявил Томек, поднимаясь с кресла.

- У нас есть еще несколько минут времени, доктор послал за инструментами и бинтами, - сказал Смуга. - Послушай, Томек, будь осторожен. Помни, что выстрел из пистолета не очень меток. Ствол гладкий, не нарезной... лучше всего целиться низко, и надо крепко держать рукоятку. Тогда не подбросит руку вверх!

- Я об этом помню, дядя, - ответил Томек. - Как-то боцман подарил мне ко дню моего рождения пару пистолетов, из которых я часто стрелял.

- На дистанции шести шагов он гасит свечу, - хвастливо уверял моряк. - Моя школа, ничего не скажешь.

- Послушай Томек, Тухольский шепнул мне, чтобы мы были

осторожны с противником, - снова отозвался Смуга. - Говорят, он меткий стрелок.

- Как будет происходить дуэль? - спросил Томек.

- Вы станете на расстоянии двенадцати шагов друг от друга, повернувшись спинами. По сигналу "готов" вы поворачиваетесь лицом, и любой из вас стреляет тогда, когда хочет. У тебя твердая рука и меткий глаз. Советую стрелять сразу же, как только повернешься.

- Хорошо, дядя, - сказал Томек, храбрясь, потому что в его сердце стала закрадываться тревога.

Томек прекрасно отдавал себе отчет в том, что теперь вся судьба экспедиции зависит только от него. Он знал также, что оба друга тщательно скрывают от него свои опасения. Он ежеминутно ловил их тревожные, озабоченные взгляды.

Кто-то постучал в дверь. Вошел Тухольский.

- Все готово, - заявил он.

- Тогда пойдем, мы тоже готовы, - ответил Смуга.

Он взял Томека под руку. Вскоре они очутились в бильярдном зале. Томек почувствовал красноречивое пожатие руки друга.

- Я буду осторожен, честное слово... - шепнул Томек.

Прошло довольно много времени, пока его глаза привыкли к яркому освещению зала.

Врач, одетый в белый китель, раскладывал на столике, поставленном в сторонке, инструменты и перевязочные средства. Штабс-капитан Голосов появился в сопровождении Нашкина. Обе стороны церемонно поклонились друг другу.

- В качестве секунданта и... хозяина дома я почитаю своей обязанностью еще раз предложить решить ваше дело полюбовно, - сказал Нашкин. - Человек стреляет, а бог пули носит... Не обижая ни в чем господина Вильмовского, я думаю, что спор можно закончить искренними извинениями со стороны господина Голосова.

- Условия дуэли уже обсуждены окончательно. Я готов, - твердо ответил Томек.

- Пожалуйста, - сказал штабс-капитан Голосов. - Однако прошу перед тем соблюсти некоторую... формальность. Вы иностранец, и в случае несчастья могут произойти осложнения. Напишем заявление, что я участвую в дуэли по вашему прямому настоянию, а я подпишу, что если со мной случится что-нибудь плохое, я не буду иметь никаких претензий. Все присутствующие подпишут это заявление в качестве свидетелей.

Тухольский вопросительно посмотрел на Томека и его друзей.

- Мы не возражаем, и со своей стороны просим вручить нам один экземпляр такого заявления, - ответил Смуга.

Все присутствующие подписали заявление. Тухольский достал футляр с длинными пистолетами, и они вместе с боцманом зарядили их. Тухольский поклонился Томеку и сказал:

- Вы, как оскорбленный, имеете право первым выбрать оружие.

Томек взял в руки тяжелый пистолет. Его примеру последовал Голосов. Тухольский отсчитал шаги, а Смуга установил противников на их места.

- Можем начинать, - сказал он, ободряя взглядом Томека.

Штабс-капитан Голосов небрежным движением поднял тяжелый пистолет на уровень головы, направляя ствол в потолок. Томек крепко зажал рукоятку пистолета, опустил дуло вниз и занял позицию.

Боцман внимательно следил за каждым движением юного друга. Заметив на его лице выражение твердости, он облегченно вздохнул.

"Хорошо, парень взял себя в руки", - подумал он.

- Налево кругом! - скомандовал Тухольский. - Я считаю до трех, по команде "готово" прошу повернуться и... стрелять. Предупреждаю, что каковы бы ни были результаты, каждый из вас имеет право лишь на один выстрел.

Томек сосредоточенно ожидал команду.

- Раз, два, три... готово!

Томек молниеносно повернулся. Поднял оружие вверх, целясь в пистолет, который штабс-капитан Голосов еще держал у головы. Нажал спуск...

Раздался выстрел! На момент дым заслонил противника от Томека. Он невольно закрыл глаза и ждал...

- Доктор!

Томек не разобрал, кто крикнул это слово. Открыл глаза. Штабс-капитан Голосов еле держался на ногах. Наклонившись вперед, он руками закрыл лицо. Пистолет лежал на полу у его ног. К нему подбежали врач и секунданты. Подвели его к дивану. Томек подошел как раз тогда, когда доктор отстранил руки раненого от его лица.

- Инструменты и бинты, - потребовал врач.

Томек ужасно побледнел. Отвернулся, чтобы не смотреть на залитые кровью губы противника.

Тухольский подошел к Томеку с пистолетом Голосова.

- Что за необыкновенный случай, - сказал он. - Вы попали в курок пистолета, который отскочил и ударил Голосова прямо в рот.

- Он жив? - спросил Томек, стараясь, чтобы голос его не дрожал.

- Будьте спокойны, отлежится.

Томек присел в сторонке. Вскоре к нему подошел боцман, который вместе со Смугой помогал доктору.

- Курок пистолета выбил у него зубы, изранил губы и язык, - обеспокоенно сообщил он. - Медик кончает начатое тобою дело. Удаляет выбитые зубы.

- Его жизнь вне опасности? - спросил Томек.

- Что ж, его пистолет спас ему башку, но пакостить он сможет не скоро. Рана чертовски неприятная. Он ежеминутно теряет сознание.

- Слава богу, - шепнул Томек.

- Да, что ты, браток? Неужели жалеешь этого... жандарма?! Ты говоришь так, будто и не думал отправить его на тот свет!

- Я не хотел его убить. Целился в пистолет... - искренне признался Томек.

- Тьфу, сто дохлых акул тебе в зубы! А если бы он вышел невредимым?

В зал вошли слуги. Они на руках вынесли стонущего Голосова. Смуга, Нашкин и Тухольский подошли к Томеку.

- Поздравляю вас, Голосов получил болезненный сюрприз, - говорил озабоченный Нашкин. - Придется ему полежать две-три недели. Вы на всю жизнь его проучили.

- Я хотел бы дать вам дружеский совет, - начал сотник Тухольский. - Так или иначе, а дуэли запрещены. Было бы хорошо, если бы вы, на всякий случай, по возможности быстро, уехали из Нерчинска. Завтра дело получит огласку, начнется следствие. Отсутствующих вызывать на дознание невозможно. Я покажу его превосходительству генерал-губернатору заявление, подписанное Голосовым, и надеюсь, что дело тем и окончится.

- Совет правильный и хороший, - признал боцман. - Когда уходит ближайший поезд?

- Только завтра в полдень... - ответил Тухольский.

- Я распоряжусь предоставить в распоряжение гостей мою карету, - предложил Нашкин. - К полудню вам удастся проехать значительный кусок пути. А там, на одной из станций, вы пересядете в поезд. Вы, господа, оказали мне большую услугу при поимке банды хунхузов. Я не хотел бы, чтобы вас встретили неприятности.

- Большое спасибо, мы сейчас же возвращаемся в гостиницу Клеменсовича, - сказал Смуга. - Через полчаса, не больше, мы будем готовы в дорогу.

- Разрешите попрощаться с вами, господа, мне надо к гостям,

которые, вероятно, обеспокоены и удивлены нашим долгим отсутствием, - сказал Нашкин. - Танцы, как всегда, продлятся до утра, а утром все могут болтать сколько угодно! Штабс-капитан Голосов останется у меня, и я постараюсь окружить его всяческой заботой.

Тухольский любезно проводил гостей к выходу через сад. Таким образом, они обошлись без нежелательных встреч с другими гостями. Но, несмотря на эти меры предосторожности, кое-кто заметил выходящих. К ним подошла стройная девушка. Она преградила им дорогу, когда они проходили мимо великолепной оранжереи. Это была Наташа.

- А вы что здесь делаете? - удивился Тухольский.

- Я обязана поблагодарить господина Вильмовского за рыцарскую защиту моей чести, - ответила она.

- Ах, тогда мы не станем мешать, - улыбнулся сотник, увлекая за собой Смугу и боцмана.

Как только Томек и Наташа остались одни, девушка шепнула:

- Вы необыкновенный человек... Если бы не то, что я люблю Збышека, я могла бы влюбиться в вас. До свиданья!

Наташа встала на цыпочки и поцеловала Томека. Прежде чем он опомнился, девушка исчезла в глубине оранжереи.

XVI
Павлов

Павлов с трудом поспевал за боцманом и Томеком, которые шли впереди. Он ускорял шаг и, вытирая платком лицо, покрытое потом, украдкой поглядывал на молчаливых спутников. Особую тревогу возбуждал в нем Броль, этот высокий, широкоплечий укротитель диких животных. Павлов уже давно испытывал чувство страха перед мнимо неуклюжими и добродушными великанами. Несколько лет назад именно такой великан свихнул в самом начале его карьеру в царской охранке. И даже чуть не лишил его жизни. Это было в Варшаве, куда Павлова откомандировали из Петербурга для слежки за польскими революционерами.

Сразу же после прибытия в Варшаву новый начальник поручил ему расследовать дело о таинственном распространении нелегальных, революционных листовок. Молодой, честолюбивый агент с необыкновенным рвением принялся за работу. Судьба ему покровительствовала. Вскоре безошибочный полицейский инстинкт помог ему раскрыть источник, откуда в город поступали запрещенные издания. Не желая ни с кем делиться успехом, Павлов сохранил в тайне результаты своей работы и подготовил ловушку, в которую должны были попасть заговорщики.

Павлову удалось установить, что руководителем тайной организации революционеров был учитель географии одной из варшавских гимназий, а его связным - молодой великан, ученик слесаря, работающий в мастерских Варшаво-Венской железной дороги. Долго Павлов плел свою предательскую паутину. Но в конце концов совершенно точно узнал, когда и каким образом нелегальная литература поступает к учителю. Терпеливость агента была вознаграждена. Вооруженный револьвером, он застал обоих заговорщиков в момент передачи связки запрещенных изданий.

К своему несчастью, Павлов не принял в расчет решительности и отваги молодых революционеров. Рослый и, казалось, мешковатый ученик слесаря неожиданно ловко подскочил к нему и молниеносным ударом кулака по голове лишил сознания. Правда, Павлов успел нажать курок револьвера, но пуля полетела в потолок, никому не причинив вреда.

Случайно в этом же самом доме жил один из чиновников канцелярии генерал-губернатора Варшавы. Услышав выстрел, он по телефону уведомил полицию, которая нашла оглушенного

агента охранки. Оба заговорщика успели улизнуть из холостяцкой квартиры, захватив с собой нелегальную литературу и оружие Павлова.

Приключение неудачливого агента вскоре стало достоянием гласности. Начальство Павлова, возмущенное его самоуправством, воспользовалось случаем и отослало агента в Россию с не очень лестным отзывом о нем. Это весьма неблагоприятно отозвалось на дальнейшей карьере Павлова. Несколько месяцев спустя его перевели в Нерчинск.

Шли годы... Способный агент добился в конце концов желаемого повышения. Его назначили чиновником для особых поручений при канцелярии губернатора. Со временем он забыл о постигшей его неудаче.

Однажды губернатор назначил его сопровождать экспедицию по ловле диких животных в Приамурье. Это назначение Павлов принял без особого энтузиазма. Девственная тайга, где в изобилии водятся хищные звери, таила в себе множество опасностей. Кроме того, Приамурье кишело тогда бандами бродяг и хунхузов. Но, как только Павлов познакомился с участками экспедиции, он забыл о своих опасениях. Безошибочный инстинкт полицейского агента подсказал ему, что звероловы выдавали себя не за тех, кем они были в действительности. Поэтому он день ото дня все более внимательно стал присматриваться к ним...

Массивный и грубоватый немец Броль и англичанин Броун приводили ему на память какие-то неясные образы. Походка Броля больше напоминала моряка, чем зверолова. Слишком часто у него срывались с уст польские слова, да еще притом с характерным варшавским акцентом, что было странно для немца. Сдержанный и молчаливый англичанин Броун относился к юному участнику экспедиции, Томеку Вильмовскому, почти с отеческой нежностью. Индиец Удаджалак, несмотря на гражданскую одежду, был больше похож на солдата. Руководитель экспедиции Смуга поддерживал среди своих спутников железную дисциплину. Его холодные и как бы предостерегающие взгляды закрывали рот даже многоречивому Бролю.

Через несколько недель постоянного пребывания в обществе таинственных звероловов Павлов пришел к выводу, что ловля диких животных - не единственная цель их пребывания в тайге. Он безустанно, но и безрезультатно напрягал память, пытаясь что-то вспомнить и разгадать правду, пока, наконец, странный случай не вызвал у него конкретного подозрения. Это произошло в тот день, когда Удаджалак прибыл в лагерь с известием, что во время охоты на снежного барса на маньчжурском берегу Амура хунхузы напали на небольшую экспедицию. Едва лишь Павлов

услышал, что трое участников экспедиции направились в Нерчинск, в больницу, он сразу же вспомнил одно дело, с которым ему пришлось столкнуться в этом городе. Тогда ему удалось перехватить письмо, написанное польским ссыльным к кому-то в Англии, в котором он просил помочь в организации побега из Сибири. Если память не изменяла Павлову, адресатом письма был некто по фамилии Вильмовский.

Как только это воспоминание промелькнуло в его голове, он судорожно схватился за него, потому что фамилия юного зверолова уже давно казалась ему знакомой. Павлов не стал терять времени. Воспользовавшись случаем, он немедленно послал письмо своему другу, жандармскому штабс-капитану, в Нерчинск с просьбой проверить его подозрения.

Павлов нетерпеливо ждал известий от штабс-капитана Голосова. Раскрытие столь опасного заговора открыло бы ему путь к дальнейшей карьере. Что за великолепная месть за варшавское поражение!

Прошло несколько дней, а от штабс-капитана Голосова все не приходило известие, с таким нетерпением ожидаемое Павловым. Агент стал уже подумывать, кого бы еще послать с новым письмом, как вдруг в лагерь вернулись из Нерчинска Смуга, боцман и Томек. Павлов внимательно наблюдал за ними. Если его подозрения справедливы, то рискованная поездка в Нерчинск должна была закончиться безрезультатно. Ведь ссыльный, подозреваемый в подготовке побега, по предложению того же Павлова был в свое время отправлен в Якутию.

К своему искреннему неудовольствию, Павлов никак не мог заметить на лицах троих смельчаков какого-нибудь выражения разочарования из-за постигшей их неудачи. Они немного устали от верховой езды, но весело приветствовали всех, причем боцман и Томек, перебивая друг друга, с воодушевлением рассказывали о своем маньчжурском приключении. И только лишь тогда, когда все уселись за обеденный стол, Смуга хлопнул себя рукой по лбу и лаконически сообщил:

- Ах, кстати, я совсем забыл! Господин Павлов, жандармский штабс-капитан из Нерчинска просил передать вам одно известие. Вам завтра надлежит быть на пристани, куда должен подъехать на пароходе нарочный.

На следующий день Павлов вскочил с постели на рассвете. Пожираемый любопытством, он даже не возражал, когда Смуга предложил боцману сопутствовать Павлову до пристани пароходов, чтобы обеспечить его безопасность.

Однако в этот день посланец Голосова не прибыл. К берегу приставали по очереди два парохода, чтобы погрузить дрова, но

ни один из пассажиров не сходил на берег. Боцман по-приятельски хлопал Павлова по плечу, утешая его тем, что нарочный наверное появиться завтра.

Павлов провел бессонную ночь в шалаше китайских кули. Боцман ежеминутно пытался завязать с ним беседу и не отходил от него ни на шаг. Чтобы разогнать скуку, он подсовывал Павлову свой любимый ямайский ром.

Настало утро. Опять у пристани остановился пароход и, погрузив дрова, отправился в дальнейший путь. Нарочного на нем не было. Вдруг, около полудня, на пристани появился Томек с известием, что два часа тому назад в лагерь прибыл всадник с письмом для Павлова от штабс-капитана Голосова, и ждет его там. Они спешно направились в обратный путь.

Быстрыми шагами они шли через тайгу, причем Павлов терялся в догадках о том, какое известие прислал ему Голосов. Он никак не мог понять, почему гонец миновал пристань, расположенную на пути, ведущем к лагерю. Почему многоречивый и добродушный час тому назад великан Броль вдруг замолчал и, идя с Томеком впереди, время от времени бросал на Павлова насмешливые взгляды? В душу Павлова стало закрадываться нехорошее предчувствие. Этот немецкий великан казался ему знакомым. Где и когда он его встречал?

Наконец они дошли до края знакомой прибрежной поляны. Павлов остановился как вкопанный. Лагерь исчез. Исчезли палатки, телеги, клетки с животными, проводники. У нескольких навьюченных и готовых к верховой езде лошадей, суетились только Смуга и Броун.

Беспредельное изумление агента преобразилось вскоре в безудержное бешенство. Забыв на момент об осторожности, он подбежал к Смуге и крикнул:

- Где нарочный?! Что это значит?! Немедленно дайте отчет, потому что...

Правой рукой он потянулся в карман за револьвером. Смуга не сделал ни одного движения, только кивком головы дал знак кому-то стоявшему позади Павлова. Несмотря на крайнее волнение, агент заметил этот немой приказ. Он отскочил в сторону и выхватил револьвер из кармана. Но он все же замешкался, так как боцман, словно тигр, подскочил к нему и нанес сокрушительный удар, явно намереваясь попасть в голову. Однако Павлов успел уклониться, кулак боцмана попал в правое плечо, что заставило агента выпустить револьвер.

- Довольно, оставь его! - приказал Смуга.

Моряк ногой отбросил револьвер. Павлов, согнувшись, шаг за шагом отступал, не отрывая взгляда от великана. Теперь он уже

знал, откуда знакомо ему это лицо! Хищный, молниеносный прыжок и стальной кулак помогли ему узнать в фальшивом немце бывшего ученика слесаря из Варшавы, который уже однажды преградил дорогу Павлову. Если это действительно он очутился здесь в тайге с фальшивым паспортом, то англичанин Броун, такой прекрасный знаток географии, был, видимо, варшавским учителем, руководителем ячейки, распространявшей нелегальную литературу.

Словно в озарении, Павлов взглянул на Вильмовского, потом на боцмана, и наконец узнал своих старых врагов. Но теперь он был уже достаточно опытным полицейским агентом, чтобы понять грозившую ему смертельную опасность. Если они его тоже узнали - он погиб!

Павлов постарался преодолеть волнение. На его устах появилась вынужденная улыбка. Ведь со времени тех памятных событий в Варшаве прошло уже более полутора десятка лет. Все они за это время сильно изменились. Сам он, по удивительному стечению обстоятельств, узнал заговорщиков только теперь, несмотря на то, что в Варшаве следил за ними несколько недель. Трудно было предположить, чтобы они помнили его лицо, которое видели когда-то не больше нескольких минут.

Стараясь выиграть время, Павлов стал потирать ушибленную руку и как-то вынужденно улыбаться. Украдкой наблюдая за противниками, шпик заметил выражение облегчения на лице мнимого Броуна.

"Значит, мои дела не так уж плохи!" - подумал Павлов. - "Он доволен, что я еще жив, значит, у них нет намерения меня убить".

За время длительной охоты в тайге Павлов превосходно изучил характеры участников экспедиции. Он знал, что нечего ожидать жалости от господина Смуги и бывшего ученика слесаря, а теперь укротителя диких животных Броля, но остальные два участника всегда избегали насилия. На это и рассчитывал Павлов.

- Где нарочный от штабс-капитана Голосова? - вторично спросил он, на этот раз довольно мирно.

Все это время Смуга наблюдал за Павловым весьма внимательно. Увидев внезапное изменение поведения Павлова, он подошел к нему и сказал:

- Давайте откроем наши карты, господин Павлов! Думаю, что вы многое поймете!

Павлов побледнел, увидев в руках Смуги свое письмо, посланное Голосову. Значит, он не ошибся! Они в самом деле приехали в Сибирь с целью освободить ссыльного! Не найдя его в Нерчинске, они, видимо, хотят теперь пробраться на Алдан. Поэтому звероловы свернули лагерь, который им сейчас только

мешал, и отправили домой нанайцев.

Из груди агента вырвался тяжелый вздох. Ему надо было во что бы то ни стало выиграть время. Любое необдуманное слово могло повлечь за собой его смерть, но если ему удастся вырваться из рук заговорщиков, он им отплатит за все, в том числе и за неудачу в Варшаве!

Смуга, будто слыша его мысли, приказал:

- Боцман, обыщи карманы господина Павлова!

- Не имеете права, это нападение на представителя власти, - закричал агент. - Вы за это понесете суровое наказание!

- Вот что, господин Павлов, вы лучше помолитесь, чтобы я вконец не потерял терпения, - сказал боцман. - Я плевать хотел на твои власти. Если бы от меня зависело, ты уже гнил бы в земле!

Боцман бесцеремонно стал обыскивать агента. Он отобрал у него перочинный нож, записную книжку, карандаш, второй револьвер и документы. Внимательно осмотрев документы, Смуга подал их Вильмовскому, говоря:

- Зарубите себе на носу, господин Павлов, что с этого момента господин Броун становится чиновником для особых поручений при канцелярии губернатора. Он заменит вас достойно, можете не опасаться.

- Не забывайте, что вы находитесь в глубине Сибири, на земле русского императора, - ответил Павлов, не теряя самообладания. - Вы еще горько пожалеете, что посмели напасть на меня.

- Не угрожай, - прикрикнул на него Смуга. - Я поручаю тебя опеке господина Броля. При малейшей попытке к бегству, или в случае предательства, ты получишь удар ножом. Уверяю тебя, что у господина Броля не задрожит рука, и он попадет прямо в сердце!

XVII
В стране якутов

Группа всадников украдкой пробиралась через холмистую, девственную тайгу. Пользуясь компасом, Смуга и Вильмовский вели группу наискосок от Амура, на северо-запад, к реке Уркану, правому притоку Зеи. Таким образом, они обходили железнодорожную станцию Невер, расположенную на расстоянии около сотни километров к юго-западу, откуда начинался старый тракт на Алдан и в Якутск, столицу Якутии. Смуга предполагал выйти на тракт в районе западного подножия хребта Тукурингра. Это было бы примерно на полпути между станцией Невер и Становым хребтом[65]. От Станового хребта до Алдана оставалось еще около двухсот восьмидесяти километров.

Конечно, участники экспедиции полностью отдавали себе отчет в том, что избранный путь весьма тяжел и чреват многими непредвиденными опасностями. С того момента, как они взяли в плен Павлова, любая встреча с властями, все равно, гражданскими или военными, грозила путешественникам тюрьмой. Легальная до сих пор охотничья экспедиция превращалась в диверсионную группу, деятельность которой была направлена против царских властей. Поэтому Смуга и боцман тщательно следили за поведением Павлова. Это по его причине пришлось преждевременно открыть тайную цель экспедиции, что по первоначальному плану должно было произойти лишь после освобождения ссыльного. Несмотря на это, Вильмовский категорически воспротивился уничтожению шпика. Во время бурного спора по этому поводу он спас Павлову жизнь, заявив, что смерть полицейского агента сделает невозможной их дальнейшую дружбу. Такой ультиматум заставил боцмана и Смугу уступить.

Томек, замирая от тревоги, слушал горячую защиту врага, предпринятую отцом. После ухода из Нерчинска самая мысль о необходимости уничтожения Павлова наполняла сердце Томека ужасом. Но он не смел противиться старшим, более опытным друзьям, которые несли всю ответственность за успех экспедиции. Не считаясь, однако, ни с чем, Вильмовский спас Павлова, потому что таковы были его понятия о благородстве и честности. Томек с восхищением смотрел на отца и облегченно вздохнул, когда оба приятеля подчинились требованию старшего Вильмовского.

Но оставление Павлова при жизни еще больше усложнило положение участников экспедиции. Согласно прежнему плану они

намеревались, переодев ссыльного тигром, посадить в клетку, и привезти его во Владивосток, где их поджидал корабль. Теперь это было невозможно. Они пошли против закона, и тем самым доступ в крупный портовый город, полный войск и полиции, был для них закрыт. О неожиданном изменении планов необходимо было возможно скорее уведомить Пандита Давасармана, находившегося на корабле. Вот поэтому-то Смуга и отправил Павлова на пристань под предлогом встречи нарочного от Голосова, чтобы во время его отсутствия произвести соответствующую подготовку. Прежде всего, необходимо было погрузить на судно, идущее вниз по Амуру в Хабаровск, лишнее лагерное имущество, а именно телеги и клетки с животными. Сопровождать животных на судне должны были нанайцы и Удаджалак. В Хабаровске Удаджалак должен был расстаться с проводниками и поездом поехать в Уссурийский край.

Инструкции, посланные через Удаджалака Пандиту Давасарману, заключали требование как можно скорее уйти из Владивостока. Смуга советовал отправиться на несколько сот километров восточнее в японский порт Отару, расположенный на западном побережье острова Хоккайдо[66], откуда ровно через два месяца с момента отъезда Удаджалака из лагеря на Амуре корабль должен был отправиться к заливу у города Терней на побережье Уссурийского края. Туда Смуга намеревался дойти после освобождения ссыльного.

Далее в инструкции говорилось, что Пандит Давасарман должен в определенные дни, два раза в неделю, подходить ночью к берегу, погасив на судне все огни. Путешественники обещали просигналить на судно ночью, разложив костры по индийскому способу. Сигналы означали требование прислать с корабля лодку за участниками экспедиции.

Подробно разработанный план похищения ссыльного требовал от всех участников экспедиции самого тщательного выполнения. Действия группы, находящейся на суше, должны быть точно согласованы с действиями Пандита Давасармана на корабле. Малейший недосмотр мог повлечь за собой самые печальные последствия. Именно поэтому Смуга, вынужденный по требованию Вильмовского держать Павлова в плену, приказал боцману стеречь его, как зеницу ока,

А Павлов, убедившись, что жизни его пока ничто не угрожает, притворялся покорным и испуганным. Он знал, куда направляется экспедиция. Знал, что у него в запасе несколько недель времени, и что он сможет, воспользовавшись удобным случаем, подумать о мести. Только теперь Павлов мог полностью оценить огромный опыт заговорщиков, как он про себя называл

участников экспедиции. В чужой, незнакомой стране, пользуясь только не слишком точной картой и компасом, они быстро шли к цели, старательно обходя населенные пункты. Путешественники берегли лошадей, экономили продовольствие, уничтожали следы вечерних костров, использовали встречавшиеся болота и каменистый грунт, чтобы замести за собой следы.

Перейдя вброд реку Уркан, участники экспедиции прошли у подножия хребта Тукурингра, миновали по дороге расположенные южнее у тракта два поселка. Переправившись вторично через Уркан, путешественники очутились на старом тракте. Участники экспедиции пришпорили лошадей. Теперь они в течение одного дня прошли довольно большой участок пути и только четыре раза встретили небольшие караваны туземцев.

Смуга не опасался случайных встреч с представителями местного населения. В этой части Восточной Сибири, которая простирается с запада на восток на расстоянии свыше трех тысяч километров, а с юга на север - больше чем на две тысячи пятьсот километров[67], редко встречались представители царской администрации. Наши путешественники, одетые в бараньи полушубки, меховые шапки и валенки, не возбуждали к себе лишнего интереса со стороны туземцев, а в случае необходимости Вильмовский, пользуясь документами Павлова, мог выдавать себя за чиновника для особых поручений при губернаторе.

К вечеру путешественники заметили на горизонте дым, поднимавшийся из труб. Это был последний поселок перед Становым хребтом на тракте. Поэтому Смуга вскоре направил экспедицию в сторону от дороги. Участники экспедиции разбили бивак в пойменном лесу на берегу одного из притоков Зеи. Здесь они расположились на дневку. Перед переправой через Становой хребет надо было дать лошадям хорошенько отдохнуть. Через Становой хребет они намеревались пройти между истоками рек Алдана и Гонама, которые стекают с ледников этой горной цепи.

Переход через горы был чрезвычайно утомителен как для людей, так и для лошадей. Дорога то взбиралась на крутые горные перевалы, то спускалась в дикие ущелья, или вела через быстрые ручьи, берега которых соединяли мостки из шатких бревен. Иногда приходилось переправляться через горные потоки вброд по камням. Смуга все время требовал спешить. Он надеялся, что в Якутии им удастся обменять измученных лошадей или купить других. Он знал, что якуты, в особенности живущие вдоль тракта, занимались не только разведением крупного рогатого скота и овец, но и лошадей, известных своей неприхотливостью и выносливостью.

Как нам уже известно, боцман не любил путешествий по

горам, поэтому на трудном участке пути он то и дело тяжело вздыхал и жаловался. Не отходя ни на шаг от Павлова, он не мог вести с Томеком свободную беседу и подшучивать над ним. Поэтому, когда усталые путники увидели перед собой обширную панораму Алданского плоскогорья, боцман вздохнул с облегчением.

Вильмовский остановил коня; его примеру последовали остальные. Путешественники очутились у порога Восточной Сибири, в те времена малоизвестной, почти безлюдной и таинственной страны.

Якутия - это настоящее царство тайги и самой суровой в мире зимы. Если взглянуть на Якутию с высоты птичьего полета, то в разгар здешнего короткого лета взору представится бескрайнее море темной зелени, окруженное с юга зеленовато-желтой полоской степей, занимающих в основном горные склоны, а с севера - Ледовитым океаном с тундровыми берегами, тянущимися тоже полосой, шириной около трехсот километров. Среди моря лесов, покрывающих Якутию, словно мощные острова поднимаются горные хребты, покрытые растительностью рыжеватого цвета и светло-желтым ягелем; иногда это совершенно голые, черные, серые, желтые и красные скалы. Пейзаж разнообразят длинные голубые ленты широких рек и многочисленные горные озера.

Зимой эта обширная страна как бы впадает в летаргический сон. Почва начинает подмерзать еще в сентябре; в октябре почти вся Якутия бывает покрыта снегом. Все реки и озера замерзают. Ночи становятся все длиннее и длиннее... Животворное солнце только на краткий миг всходит над бескрайней страной. Когда наступает ночь, исчезают птицы, животные прячутся в норах. Вся жизнь замирает в оковах суровой зимы, стихают даже ветры. Только время от времени в тайге слышится треск деревьев, лопающихся от мороза.

Если бы существовал демон зимы, то он, пожалуй, именно эту страну избрал бы своим царством. Ведь здесь зима почти никогда не кончается. Она только отступает в глубину скованной вечным льдом земли в период от апреля до августа и уходит к вершинам Саянского, Верхоянского и Черского хребтов[68], где даже летом снег никогда не тает. Часто после жаркого дня земля ночью покрывается белым инеем, или выпадает град. Именно здесь, в Восточной Сибири, на Оймяконском нагорье, между восточной оконечностью Верхоянского хребта и хребта Черского, находится полюс холода[69] северного полушария.

Смуга внимательно прислушивался к рассказу Вильмовского о географическом положении страны и господствующей там

погоде. Приближалась середина августа. Мимолетные дожди предвещали конец короткой в этих краях осени и предупреждали о том, что через четыре или пять недель здесь наступит суровая, сухая зима, длящаяся около семи месяцев. С вершины холма Смуга разглядел у подножия гор обширную долину и несколько столбов дыма, медленно вздымавшихся к небу, что указывало на близость человеческого жилья.

- В путь! - воскликнул он, погоняя лошадь нагайкой.

Путешественники направились вниз по склону в видневшуюся как на ладони долину. Смуга ехал рядом с Вильмовским и потихоньку вел с ним беседу. Уже настоятельно необходимо было поменять измученных долгой дорогой лошадей. По предположениям Смуги, они подъезжали к летнему якутскому поселению. Встреча с туземцами в этом безлюдном районе не могла повлечь за собой неприятностей для экспедиции. Не было нужды и опасаться, что кто-нибудь из местных жителей узнает Павлова. До сих пор его деятельность проходила только на юге Сибири между Иркутском и Хабаровском.

Согласовав с Вильмовским тактику, которую следует применить при встрече с местным населением, Смуга выехал вперед. У выхода из котловины стояли живописные, серебристо-белые ураса, в которых якутские пастухи живут летом на пастбищах. Ураса с древнейших времен является местной формой дома. Строится ураса из тонких, длинных жердей, обкладываемых снаружи берестой. Одинаковые по размеру листы укладываются наподобие черепицы и старательно сшиваются волосом. Ураса лишена окон; небольшой дверной проем закрывают шкурами домашних животных. Внутрь такого дома свет поступает только через дымовое отверстие в крыше.

По своей форме и покрытию из серебристо-белой бересты с красивым и нежным естественным узором, ураса напомнили Томеку индейские типи. Однако у него не было времени восхищаться стройными формами якутских домов, потому что к путешественникам уже приближались люди.

Это были якуты. Их легко отличить по очень смуглой коже лица, напоминающей по цвету медь, и по глазам, не так раскосым, как у монголов и тунгусов (эвенков). Лица якутов, почти лишенные волос, как правило, оживляются лишь под влиянием волнения или гнева, обыкновенно же остаются спокойными, словно вытесанными из камня. Некоторые из якутов носили на головах суконные фуражки, у других твердые, черные волосы были перевязаны цветными платками или ремешками. Якуты одеты были в "соны" из вельвета, то есть в кафтаны, достигающие колен, подшитые сукном. На ногах у них были

длинные кожаные штаны. Старики были подпоясаны кожаными поясами, за которыми с левой стороны держали нож в ножнах, а с правой - огниво и мешочек с губкой. За мягкими голенищами остроносых сапог из конской шкуры торчали - трубка и кисет с табаком.

Как Томек убедился позднее, якуты под кафтанами носили сорочки и короткие кожаные штаны, которые называют "сиали". К этим штанам с пришитыми к ним металлическими кольцами они прикрепляют ногавки. Сиали якуты не снимают даже на ночь.

Якуты окружили путешественников полукругом. Смуга соскочил с седла и приветствовал якутов по-русски.

- Приветствую вас! - ответил на ломаном русском языке один из якутов. - Вы нуча?

Смуга не понял вопроса, потому что название "нуча" якуты употребляют для определения вообще белых людей с юга. Поэтому он вопросительно посмотрел на Вильмовского. Однако тот не мог понять, о чем спрашивают якуты. Как вдруг Павлов соскочил с лошади и, прежде чем боцман успел задержать его, остановился рядом со Смугой.

- Он не нуча, он - беляк! - воскликнул Павлов.

В этот момент Павлов почувствовал на своем плече тяжелую руку боцмана. Он оглянулся и, встретив угрожающий взгляд моряка, услужливо пояснил:

- Они русских называют нуча, а поляков - беляк... Я ничего плохого не сказал!

- Спасибо за... помощь, но в будущем прошу без разрешения в разговоры не вступать, - предупредил Смуга.

Полицейский агент замолчал, злорадно улыбаясь. Якуты знали поляков в основном как ссыльных, потому что суровый, безлюдный край был для царского правительства местом ссылки особо опасных политических преступников. Большинство ссыльных умирало здесь от истощения. Некоторых ссыльных административные власти направляли в якутские селения, где якуты вынуждены были содержать их на свой счет. На этой почве здесь возникали иногда споры, которые вызывали неприязнь якутов к ссыльным.

Но на этот раз злорадство агента оказалось преждевременным, потому что якуты смотрели на Смугу благожелательно.

- У нас был один такой, - сказал якут. - Все умел, учил нас. Беляк хороший... Здравствуйте, рассказывайте, что и как.

После обычного у якутов приветствия Смуга и Вильмовский начали объяснять им то по-русски, то жестами цель своего прибытия в поселок. После длительных переговоров пришли к

соглашению. Якуты решили за небольшое вознаграждение снабдить их свежими лошадьми, задержав в качестве залога изнуренных коней путешественников. Возвращаясь с Алдана, надо было снова обменять лошадей, и тем самым они возвращались к своим первоначальным владельцам. Таким образом, это была выгодная сделка для обеих сторон.

Как только переговоры окончились, владелец табуна пригласил путешественников к себе на обед. За время обеда его сыновья должны были привести лошадей с пастбища. Путешественники вошли в урасу. Лучи дневного света, преломляясь вверху на светло-желтых берестяных стенах, приобретали характерный оттенок. Но несмотря на это, внизу царил полумрак, хотя на каменном очаге, устроенном в виде углубления в земле, горел огонь. Над огнем на деревянных жердях висели котел и чайник, от которых вились клубы пара; на рожне жарился кусок мяса с приятным для голодных путешественников запахом.

Как только в урасу вошли путешественники, находившиеся там женщины стыдливо спрятались в углу, бросая на гостей любопытные взгляды. Около очага, в своеобразной колыбели, лежал ребенок, укрытый меховым одеялом, привязанным к ее деревянным бокам. Стоя рядом с колыбелью, косматый пес широким языком слизывал липкий жир, блестевший на круглом личике ребенка. Собаку никто не отгонял, да и ребенок не проявлял никаких признаков неудовольствия по поводу столь бесцеремонного обращения. Лица всех других якутов тоже блестели от жира, потому что холод, господствующий во все времена года в якутских жилищах мешает частому мытью, а натирание всего тела жиром является местным обычаем. Вокруг стен урасы находились низкие скамьи, покрытые шкурами, на которых днем сидели, а ночью спали. Каждый обитатель урасы, как и каждый гость, в зависимости от своего положения, располагался на заранее назначенном месте. У входа, с левой стороны, как правило, садились менее значительные гости. У самого очага были места почетных гостей или родных. Перед их лавкой стоял небольшой столик, над которым висела полочка с иконами. Несколько поодаль находилась скамья хозяев, сзади нее были места молодежи и наемных работников.

Хозяин указал путешественникам на почетные места. Видимо, это был довольно богатый человек, потому что пожилая женщина поставила перед ним затирку из муки, миску с жареной говядиной, костный мозг и язык, который у якутов считается лакомством. На столе появился также кирпичный чай и жбаны с кумысом, облегчающим пищеварение после жирной еды.

Хозяин и его домашние стали подсовывать гостям яства, наливали кумыс и приглашали всех присутствующих отведать еды. Якуты считают еду общим достоянием, поэтому они никогда не берут с собой запасов продовольствия. Повсеместно господствующий среди них старый обычай возлагает на каждого якута обязанность бесплатно угощать путешественников.

Порядком проголодавшийся Томек с аппетитом поглощал куски мяса, несмотря на то, что оно было наполовину сырое. Одновременно он с опаской следил за якутами, которые, усевшись вокруг надетой на рожон говядины, отрезали от нее кусок поджаренного мяса и брали его в зубы, отрезая ножом у самого рта мелкие кусочки. При каждом таком движении ножа Томеку казалось, что они могут отрезать себе носы. Однако ничего подобного не произошло. Удовлетворив свой голод, хозяин присоединился к гостям и стал угощать их кумысом. Это значило, что он предлагает свою дружбу. Для полноты церемониала он подарил Смуге как руководителю экспедиции, свой нож с рукояткой из бивня мамонта[70] и получил от путешественника взамен индийский кинжал.

Довольный хозяин поставил на столике "симир" - кожаный мешок с кумысом - и стал наполнять жбаны свежим, слегка пенящимся напитком.

Сын хозяина стал играть на "хамисе". Это единственный музыкальный инструмент якутов. Играющий берет его в рот и языком, а также зубами регулирует звуки пружинки, находящейся в железной рамке.

Якуты чрезвычайно общительны, поэтому хозяин, хотя и не очень хорошо понимал русский язык, все время расспрашивал гостей о новостях из широкого мира. Когда не менее общительный боцман упомянул о путешествиях по многим морям, на лице хозяина появилось выражение недоверия. Наблюдая за тем, как Павлов прислушивается к словам боцмана, Смуга и Вильмовский всячески старались приостановить его красноречие. Желая удовлетворить любопытство якута, Смуга как бы мимоходом сказал, что они едут в Алдан, чтобы купить там меха. К счастью, вскоре сыновья хозяина привели с пастбища лошадей и все вышли поглядеть на них.

Томек сразу заметил, что якутские кони очень отличаются от забайкальских. Они ниже ростом, туловища у них короткие; большие, удлиненные головы, широкая морда, горбатый нос; масть, как правило, серая или сивая. Хотя лошади на первый взгляд казались неловкими и невзрачными, у них было много достоинств. Якутские лошади могли со всадником на спине, с его вьюками и постелью, которую здесь все возят с собой,

преодолевать участки дороги большой протяженности. Кроме того, они весьма неприхотливы. На постоях довольствуются сухой травой и ветками карликовых деревьев, которые отгребают зимой из-под снега.

Именно такие лошади и были нужны участникам опасной экспедиции, поэтому они, не торгуясь, вручили якуту условленное вознаграждение.

Приближался вечер. Гостеприимный хозяин пригласил путешественников переночевать у него. Это устранило бы необходимость разбивать палатки, потому что нигде вблизи не было постоялого двора. Смуга колебался, ведь в тесной хижине якута обитала вся его семья. Но когда узнал, что на расстоянии около двух километров по дороге находится пустующая зимняя юрта хозяина, он охотно воспользовался приглашением.

При помощи якутов путешественники оседлали свежих лошадей, простились с хозяином и, взяв с собой в проводники младшего его сына, отправились в путь.

Зимняя юрта, которую в Якутии повсеместно зовут "балаганом", представляла собой сооружение в виде пирамиды с низко усеченной вершиной. Боковые стены юрты наклонены к двухскатной крыше под острым углом и создают внутри нечто вроде ниш, где размещаются широкие скамьи для сидения и сна. Вся юрта, построенная из бревен, была сверху обмазана глиной и навозом, а до уровня небольших окошек обложена землей. Кровля из коры лиственниц тоже для сохранения тепла была присыпана глиной и землей. Построенная так зимняя юрта больше напоминала землянку, чем деревянный дом. Летом два окна закрывались бычьими пузырями, зимой их закладывали кусками льда. В юрту вела дверь из досок, обитых кожей.

Путешественники расседлали лошадей, поставили их в небольшую загородку, находившуюся вблизи юрты, и вошли внутрь жилища. Внутренний вид зимней юрты был весьма похож на урасу, с той разницей, однако, что от очага к потолку шла наискосок дымовая труба, которая напротив двери имела большое отверстие, прикрытое козырьком, благодаря чему тепло направлялось в глубину юрты. Эта труба была построена из связанных тальником жердей и обмазана внутри глиной.

В юрте царили мрак и холод, поэтому юный якут принес дров и разложил в очаге огонь. Вскоре он попрощался с гостями, так как хотел еще до наступления ночи вернуться домой.

Измученные путешественники наскоро распаковали вьюки с постелями. Удобно устроились на скамьях. Они намеревались на рассвете отправиться в дальнейший путь. Уже давно им не приходилось ночевать под крышей дома.

На биваках боцман, как правило, перед уходом ко сну заковывал ноги Павлова в его же собственные кандалы. В тайге, где существовали благоприятные условия для бегства, это было прямой необходимостью. Но рослый, добродушный моряк не был мстительным человеком. Когда прошел первый гнев, он сделался даже вежливым в обращении с агентом. Этим вечером Павлов выглядел чрезвычайно измученным тяжелой для него верховой ездой. Боцман, как всегда, достал кандалы, но не спешил надеть их на ноги Павлова. В конце концов, подошел к Смуге и шепнул:

- Послушайте, если мы не можем свернуть этому шпику голову, то надо позволить ему отдохнуть. Верхом на лошади он подохнет, можете быть уверены! Шпик еле волочит ноги.

- Так пусть идет спать, - ответил Смуга, не поняв, чего хотел от него боцман. - Впрочем, всем нам нужен хороший отдых до рассвета.

- Это правда, - согласился моряк. - Однако плохо спать с железом на ногах...

- Послушайте, боцман, вы прекрасно знаете, сколько трудов стоило нам убедить Вильмовского и Томека, что эта осторожность необходима для нашей же безопасности.

- Конечно, знаю, а как же! Ведь я сам настаивал на этом. И все же я не могу заснуть, когда этот тип рядом со мной гремит кандалами, словно каторжник.

Смуга вовсе не желал поиздеваться над побежденным противником. Поэтому, хотя он и считал, что это не очень разумный поступок, буркнул в ответ:

- Черт подери, делайте как хотите, но помните, что вы за него отвечаете головой.

- Ничего не бойтесь, ведь я сплю чутко, как заяц, - шепнул боцман и приказал Павлову ложиться спать без кандалов.

Вильмовский и Томек были довольны поступком боцмана.

Прежде чем лечь спать, боцман изнутри запер дверь деревянной задвижкой. Однако он до самого рассвета не сомкнул глаз. Ему казалось, что Павлов может бежать.

А Павлов с радостью принял перемену в поведении своего стража. В первый момент он даже подумал о бегстве, но сообразил, что это может быть ловушка, подстроенная ему нарочно.

"Ему надоело постоянно следить за мной, - думал Павлов. - Если я попытаюсь бежать, а он только этого и ждет, то погибну, так как не могу рассчитывать на чью-либо помощь. Перед нами еще далекий путь, может быть, представится случай получше".

Придя к такому выводу, Павлов заснул крепким сном.

А вот жалостливый боцман и его три друга бодрствовали всю

ночь. Все они вместе и каждый в отдельности, наравне с моряком, чувствовали себя ответственными за успех экспедиции. Таким образом, один лишь Павлов встал на рассвете отдохнувшим и выспавшимся.

XVIII
Тяжелое испытание

День проходил за днем, а трудному пути все не было видно конца... Старый тракт вился по распадкам и по дну ущелий на северо-восток. Путешественники пользовались случаем, чтобы как можно лучше ознакомиться со страной. Хорошее знание топографии страны могло им весьма пригодиться на обратном пути после освобождения ссыльного Збышека. Поэтому по пути они тщательно изучали местность. Иногда они удалялись в сторону от тракта и искали удобные места, где можно было бы укрыться от возможной погони. Рельеф местности как нельзя лучше подходил для этого.

Алданское плоскогорье находится на высоте от 700 до 1000 метров над уровнем моря. Многочисленные отдельно стоящие вершины и их группы почти нигде не создают явно выраженных горных хребтов, хотя высота отдельных вершин достигает 2150 метров. Преобладают мягкие, округлые очертания возвышенностей с куполообразными, массивными, оголенными вершинами, иногда сплошь покрытыми каменными осыпями, Бурные реки мчатся через многочисленные пороги и перекаты, но в обширных котловинах успокаиваются и текут крутыми извилинами.

Котловины и мягкие склоны покрыты типичной якутской таежной растительностью, которая, по словам Вильмовского, на севере не переходит через Верхоянский хребет. Путешественники убедились, что флора тайги состояла, в основном, из сосны и ели, а в южной части - кедра. Лиственница росла почти везде на сухих, возвышенных и лишенных болот, местах. Из-за сурового климата деревья росли довольно редко, чаща сгущалась лишь в узких речных поймах.

Сильные морозы и резкие ветры, господствующие тут зимой, придали тайге характерные черты: стволы большинства деревьев искривлены, вершины часто были обезображены сухими ветками. Бедный подлесок состоял из карликовой ольхи, багульника, восточно-сибирской облепихи; у самой земли часто встречались заросли брусники, редкое разнотравье и ягель.

Животный мир тайги был особенно богат вблизи рек, лесных озер и полян. Но в глубине девственной тайги, вдали от путей перелета пернатых царила глухая тишина, не слышно даже пения птиц.

Охотников привлекали места, где в изобилии водилась дичь.

Там можно было встретить медведей, волков, лисиц, росомах, выдр, соболей, барсуков, а иногда и рысей. Водились здесь также дикие олени и лоси. По нагим каменистым вершинам прыгали козлы, излюбленная дичь эвенков. Мелкие животные, то есть бурундуки, белки и зайцы, встречались везде в довольно больших количествах.

По мере того как путешественники продвигались в глубину Якутии, они все меньше избегали встреч с местным населением и обходили только крупные поселения, где могли встретить представителей царской администрации. Поэтому им удалось довольно подробно ознакомиться с бытом якутов, одного из многочисленных тюркских племен[71], и менее многочисленных эвенков, называвшихся раньше тунгусами, которые относятся к монгольской расе и составляют отдельную языковую группу[72].

Некогда якуты заселяли почти всю Восточную Сибирь, между Леной и Чукоткой. Часть из них относилась к тюркской языковой группе, а часть - к эвенкийской. Якутские и эвенкийские племена были быстро покорены русскими и стали платить русским ясак.

Местное население испытывало гнет со стороны царских чиновников и жестокую эксплуатацию купцов.

Православное духовенство насаждало среди якутов христианскую религию, причем за принятие крещения выплачивали неофитам премии. Многие якуты крестились по нескольку раз, чтобы получить эти премии, оставаясь в душе такими же поклонниками шаманизма, какими были до крещения. Якуты занимались в основном скотоводством. Большинство из них вели оседлую жизнь. Серебристо-белые урасы в качестве летних жилищ возводили себе только богатые хозяева. Бедняки не могли себе позволить на кипячение бересты в молоке, пригонку соответствующих кусков и шитье их, поэтому они строили похожие по форме, покрытые дерном так называемые "калиманы", которые постепенно стали вытеснять живописные урасы. Зиму акуты обычно проводили в юртах.

Эвенки занимались охотой и оленеводством, вели кочевую жизнь. Они строили для себя переносные юрты. Летом, стремясь защитить свои стада оленей от гнуса, они перегоняли их ближе к вершинам гор, или пасли в ущельях, где господствовали постоянные ветры. Они ездили на оленях верхом или запрягали их в нарты, питались оленьим мясом, оленье молоко пили с чаем, из оленьих шкур шили себе одежду. Эвенки были превосходными проводниками, великолепными следопытами и охотниками. Кроме того, они всегда отличались веселым и добродушным нравом.

Знакомство с жителями Якутии, ее флорой и фауной,

помогло путешественникам освоиться с окружающим, новым для них, миром. Теперь Томек с еще большим восхищением вспоминал отвагу исследователей Сибири, среди которых встречались и поляки. Будучи сами изгнанниками из родной страны, они не колебались отдать даже жизнь для того, чтобы собрать ценные, научные материалы об этой бескрайней и суровой стране. Научные работы многих из них принесли им известность, а иногда досрочное освобождение из ссылки.

В частности, представляет интерес описание Сибири, сделанное на основе собственных впечатлений в 1831-1834 годах поляком Кобылэцким. который обратил внимание на экономические возможности этой обширной страны. Крупные научные заслуги положил, путешествуя по Сибири и Монголии, ссыльный, виленский студент, позднее профессор Казанского и Варшавского университетов, Юзеф Ковалевский. Среди исследователей Сибири получили известность: Александ Чекановский, исследователь природы Иркутской области и района Нижней Тунгуски, а также бассейна в нижнем течении Лены и Оленека; геологическими исследованиями прославился Ян Черский. Большой вклад в науку сделал Бенедикт Дыбовский, который изучил фауну Байкала, Забайкальского края, Приамурья, Камчатки и Командорских островов. Сосланные за революционную деятельность поляки Вацлав Серошевский и Бронислав Пилсудский обратили на себя внимание научными и литературными произведениями о Сибири. Первый из них превосходно описал быт якутов, второй привел замечательные сведения о жизни и языке айнов, гиляков и ороченов на Сахалине. Кроме политических ссыльных, в Сибири работали многие польские ученые, в частности, Талько-Гринцевич, Богданович и Морозевич, которые вели здесь научные исследования над природой Сибири и языком ее жителей.

Знакомство со страной и ее обитателями, интересные беседы у вечерних костров служили путешественникам разрядкой среди опасностей их пути. Спустя восемь дней от выезда с прежнего места наши путешественники приблизились к Алдану. Смуга и Вильмовский ломали себе голову над тем, как самым незаметным образом узнать, где тут находится Збышек. Дело в том, что появление в Алдане целого каравана могло возбудить лишний интерес и законные подозрения. Поэтому наладить связь со ссыльным мог только один из них, тогда как остальные должны были поджидать его в каком-нибудь укромном месте в тайге.

Это труднейшее и опаснейшее задание хотел взять на себя Смуга. Но случай заставил путешественников изменить план.

В этот день они собрались свернуть с тракта в тайгу, чтобы

поискать удобное место под разбивку лагеря. До Алдана оставалось всего лишь полтора десятка километров. Городок Алдан расположен на берегу реки Алдана, там, где она делает большую петлю. Смуга предлагал выбрать место в тайге к востоку от города. На эту тему он полушепотом вел беседу с Вильмовским. Как вдруг, совершенно неожиданно, откуда-то сбоку на тракт выскочил конный казачий разъезд.

Томек первым заметил всадников. Они появились сразу и так близко, что можно было рассмотреть их обмундирование и вооружение. Выскочив на тракт, казаки сразу же заметили путешественников. Один из них, видимо, старший, подал команду. Отряд остановился на краю дороги.

- Надо бежать, казаки! - предостерегающе крикнул Томек. Он натянул поводья коня.

Смуга моментально оценил положение.

- Стой, слишком поздно! Они нас догонят, - обратился он к юноше.

- Спокойно. Едем дальше, - добавил Вильмовский, с опаской поглядывая на вооруженный отряд.

- Андрей, у нас нет иного выхода, ты должен представиться им как агент охранки, - шепнул Смуга, всадив руку в карман и высвободив предохранитель револьвера.

- Хорошо, я покажу им документы Павлова, - шепнул Вильмовский.

- Внимание, говорить разрешаю только Броуну, - тихо приказал Смуга. - Револьверы держать наготове, конечно, не вынимая из карманов! Боцман, вы будете следить за пленным и, если он хотя бы мигнет глазом, стреляйте в него сразу, и только потом стреляйте в казаков.

- Ты слышал?! - прошипел боцман. - Морду на замок, а то тебе крышка!

Павлов побледнел. Он понял, что если путешественники покажутся казакам подозрительными, он погибнет первым. Конечно, Павлов мечтал отомстить "бунтовщикам", но не ценой собственной жизни!

Тем временем казалось, что стычки с казаками не миновать. Офицер, командовавший отрядом, внимательно глядел на подъезжавших путешественников и, заметив притороченные к лукам их седел винтовки, снова бросил казакам короткую команду, Несколько солдат взяли ружья на изготовку. Павлов увидел, как его спутники прячут в карманы револьверы, готовые к выстрелу. Вдруг ему пришла в голову спасительная идея.

- Господин Броун! - спешно крикнул он. - У вас мои документы! Они ничего вам не сделают, если вы скажете, что

едете по служебному делу в Алдан, к уряднику! А мы являемся вашей охраной!

Удивленные неожиданным предложением Павлова, путешественники с недоверием посмотрели на него. Отразившийся на его лице ужас подсказал им цель, которую он преследует, помогая своим врагам. Он просто трясся за собственную шкуру.

- Ну что ж, попытаемся... - ответил Смуга, подмигивая Вильмовскому. Они и без постороннего совета намеревались воспользоваться документами агента. Он подсказал лишь способ, как можно сделать их поездку в Алдан правдоподобной.

Расстояние до места, где стояли казаки, постепенно уменьшалось. Вильмовский, видя, что офицер едет им навстречу, тоже выдвинулся вперед.

- Стрелять только по моей команде! - тихо предупредил Смуга боцмана и Томека.

- Кто такие?! - сурово крикнул офицер.

- Здравствуйте, мы свои, чиновники, - спокойно ответил Вильмовский.

- Что за чиновники? - уже несколько вежливее спросил офицер.

- А вот, пожалуйста!.. - ответил Вильмовский, медленным движением доставая из кармана документы.

Он небрежно протянул их казачьему офицеру, а тот, увидев бумагу, подписанную губернатором, махнул казакам рукой, чтобы они опустили ружья.

- Куда же вы направляетесь? - спросил офицер у Вильмовского, возвращая ему документы.

- В Алдан... У нас дело к уряднику.

- А подорожная у вас есть? - спросил офицер.

Вильмовский презрительно посмотрел на офицера. Пожав плечами, холодно ответил:

- Мы сами даем подорожные другим, господин офицер! Откуда вы едете и зачем?

Смуга хуже, чем Вильмовский, был знаком с отношениями, господствующими в царской России, поэтому, услышав вопрос казака, приложил указательный палец к спуску револьвера, не вынимая его, однако, из кармана. Но Вильмовский прекрасно знал, какой властью обладала тогда в России полиция. Он гневно насупил брови и смерил казака суровым взглядом.

И он не ошибся в своей тактике. Офицер решил, что чиновник для особых поручений при губернаторе - важная шишка, раз с такой смелостью к нему обращается. Поэтому он сразу же забыл о подорожной. Вежливо отдавая честь, он оправдывался:

- Прошу меня извинить, ваше высокоблагородие, без мундира трудно узнать, с кем имеешь дело, а ведь встреча с вооруженными людьми частенько не предвещает здесь ничего хорошего. Мы - конвойные Алданского золотого прииска и обследуем окрестности ради обеспечения безопасности. В тайге бродит банда варнаков.

- Похвально, весьма похвально, предусмотрительность достойна быть отмеченной, - сказал Вильмовский. - Я подам рапорт его высокопревосходительству, губернатору. Как ваша фамилия?

- Хорунжий Николай Сергеевич Натковский из казачьей сотни в Якутске, командированный для охраны золотых приисков в Алдане, - по-служебному доложил офицер. - Может быть, ваше высокоблагородие желает, чтобы мы проводили вас до Алдана?

- Благодарю вас, но у меня свой конвой. Ну, до свиданья!

- Дать дорогу! - приказал офицер своим казакам.

Те быстро отъехали в сторону. Построились по два в ряд, направляясь на юг. Хорунжий приложил руку к козырьку фуражки. Обе группы всадников стали удаляться друг от друга в противоположные стороны.

Как только казаки исчезли за поворотом, боцман громко вздохнул и сказал:

- Ну, господин Павлов, вот и вы разок пригодились для доброго дела!

- Дурак, он и не знал, как близко был от достойной награды... то есть пули! - злобно ответил за Павлова боцман, хотя тот тоже облегченно вздохнул после благополучного окончания неожиданной встречи.

Смуга укоризненно посмотрел на боцмана.

Спустя несколько минут путешественники свернули с дороги. Пробираясь по ущельям, они до вечера сумели обойти Алдан вокруг и, вместо того, чтобы подойти к нему с юга, очутились к востоку от него. По расчетам Вильмовского, от Алдана их отделяло расстояние не больше восьми или десяти километров. Путешественники остановились в небольшом ущелье, затерянном среди каменных скал. Нигде вокруг не было видно следов человеческого жилья; мелкие грызуны не боялись людей и не бежали от них.

После заката солнца боцман поместил Павлова в палатку, потому что по нему была больше всего заметна их крайняя усталость. По-видимому, то опасное положение, в котором ему пришлось очутиться, подорвало физические силы шпика. Боцман надел ему на ноги кандалы и присоединился к друзьям.

Смуга будто только этого и ждал, потому что сразу попросил

друзей приблизиться.

- Долго оставаться здесь нам нельзя. Город близко, кто-нибудь случайно может нас обнаружить, - сказал он.

- Ты прав, необходимо сразу же приступать к делу, - согласился Вильмовский.

- По дороге вы говорили, что уже обдумали план действий, - заметил боцман.

- А как же! Я хотел потихоньку отправиться в разведку, - сказал Смуга. - Збышек видел меня в Варшаве, когда я туда приезжал за Томеком. Он меня наверно узнает.

- Но ведь лучше всех знаю Збышека я... - вмешался Томек.

- Нет, мой дорогой, вы слишком близки друг другу! Волнение, вполне понятное в данном случае, могло бы оказать вам медвежью услугу, - перебил Смуга Томека. - Тебе я не могу поручить эту задачу.

- Совершенно верно, - согласился боцман. - А если бы я пошел в разведку?..

- Это невозможно, боцман, вы слишком заметны и сразу обращаете на себя внимание, - сказал Смуга. - Итак, я уж было сам решился пойти в разведку, но встреча с казаками подсказала мне другое решение.

- Видимо, нам одновременно пришла в голову одна и та же мысль, - сказал Вильмовский. - Ты считаешь, что урядника можно так же ввести в заблуждение, как и казачьего офицера?

- Нельзя ожидать, что в такой отдаленной местности, как Алдан, на должности урядника состоит орел. Если только он лично не знает Павлова, то дело может удастся.

- И мне так кажется. Я даже не предполагал, что сумею столь убедительно сыграть роль агента охранки, - сказал Вильмовский. - Но в таком случае разведка должна быть поручена мне, потому что я лучше любого из вас говорю по-русски и... знаю обычаи царских чиновников.

- С казаками ты разыграл игру великолепно! К сожалению в Алдане ты сможешь рассчитывать только на собственные силы, - задумался Смуга. - Тебе придется крепко держать себя в руках!

- Знаю, ведь дело идет о наших жизнях. Давайте подумаем теперь, с какой целью я мог быть направлен в Алдан, если я агент охранки?

- Нам нельзя слишком усложнять дело. Чем больше лжи, тем легче попасть впросак. Агент охранки может приехать сюда лишь для того, чтобы допросить ссыльного. Надо помнить, что Павлов является чиновником для особых поручений!

- А если урядник потребует письменное подтверждение?

- Казачий офицер тоже спрашивал бумагу, - добавил боцман.

- Что ж из того? Спросил и перестал спрашивать, - ответил Смуга. - Допрос ссыльного агентом охранки - дело совершенно обычное. Кроме того, надо будет кое-кого подмазать...

- Это бы лучше всего подействовало, но под каким предлогом можно дать уряднику взятку?

- Разве нельзя сказать, что губернатор шлет ему наградные, выплата которых поставлена в зависимость от результатов "инспекции", - подсказал Томек.

- Прекрасная идея, сынок, - похвалил Вильмовский.

- Томеку достаточно пошевелить башкой, и он всегда что-нибудь хорошее выдумает, - сказал боцман.

- И правда, советы Томека всегда хороши, - согласился Смуга - Ты знаешь, Томек, как я ценю твой ум. Что ты думаешь о нашем плане?

- По-моему, рыба попадет на крючок, только я на месте папы начал бы с награды и похвал, и лишь потом стал бы говорить о допросе ссыльного.

- Хороший совет, как пить дать! - поддержал Томека моряк.

- Согласен и с этим, - сказал Смуга. - Таким образом, первый вопрос нами решен успешно. Давайте теперь подумаем о втором деле, то есть о бегстве Збышека с Алдана.

- Я уже обдумал это дело, - заявил Вильмовский. - Административные ссыльные в Сибири, а таким и является Збышек, проживают свободно. Они должны только периодически являться в полицию. Поэтому я согласую с ним время побега, и ночью он выйдет из дому и придет в условленное место, где я буду его поджидать. Потом мы оба направимся к вам.

- А что мы сделаем с Павловым? - спросил Смуга.

- Возьмем его с собой, - твердо ответил Вильмовский.

- Иного решения и быть не может, - задумчиво заметил боцман. - Теперь уже неудобно свернуть ему голову, как цыпленку! Человек - удивительное существо, ко всему может привыкнуть. Один из моих товарищей матросов так привык к болячке на известном месте, что ни за что на свете не хотел ее оперировать.

- Значит, решено, Андрей. Ты отправляешься завтра, на рассвете, - закончил беседу Смуга.

XIX
Похороны ссыльного

Моросил мелкий дождь, когда Вильмовский на коне въезжал в Алдан. В те времена это был небольшой городок с несколькими немощеными улицами. Кое-где вдоль заборов, за которыми скрывались дома, были уложены деревянные тротуары. Единственным каменным строением в городе была небольшая церковка с зелеными куполами. Как и во всех других поселках на тракте, несколько в стороне была расположена этапная тюрьма. На прямоугольной площади, выделенной под этап, стояло несколько жалких бараков, окруженных высоким частоколом, на четырех углах которого виднелись сторожевые вышки. У закрытых ворот стояли часовые с ружьями на плечах. Около них толпились женщины с корзинами, наполненными провиантами. Они ежедневно продавали арестантам хлеб, холодное мясо, яйца и молоко. Видимо, они ждали, когда их пустят на тюремный двор.

Вильмовский въехал на центральную улицу городка и остановился перед постоялым двором, над воротами которого висела вывеска с шумной надписью "Гостиница "Европейская". Дверь открыл полусонный хозяин. Вильмовский вошел в общую комнату. Обстановка комнаты состояла из грязного буфета и четырех деревянных столиков, накрытых клеенкой. Вильмовскому отвели небольшой номер, и пока он распаковывал свои вещи, якутский слуга отвел лошадь в конюшню.

Было еще довольно рано, потому что Вильмовский плохо спал ночью и выехал из лагеря на рассвете. Он решил отправиться к уряднику еще до начала присутствия, на его частную квартиру. Вильмовскому казалось, что благодаря этому ему удастся избежать многих формальных разговоров. Поэтому он быстро почистил одежду, умылся и, расспросив все еще сонного хозяина о том, где живет урядник, вышел на улицу.

Усадьбу урядника он нашел без всякого труда. За жилым домом виднелся небольшой овощной огород, а еще дальше - паровая баня. Именно такие дома чаще всего строили в Сибири русские поселенцы. Построенный на кедрача деревянный дом стоял на каменном фундаменте, за которым угадывались обширные подвалы. В центре фронтовой стены находилось крыльцо с козырьком. Карнизы под крышей, обрамления окон, дверей и балюстрад крыльца были украшены деревянной резьбой. Большие окна, за которыми виднелись горшки с геранью, на ночь закрывались массивными ставнями.

По дорожке, посыпанной желтым песком, Вильмовский вошел на крыльцо. Постучал в дверь висевшим там молотком. Дверь открыла краснощекая девушка. Увидев хорошо одетого, красивого мужчину, она еще больше покраснела.

- Здравствуйте, скажите, я застал господина урядника, Александра Ивановича Булгакова? - спросил Вильмовский.

- Сию минуту, ваше благородие, - ответила девушка и побежала в глубину коридора по дорожке из полотна местной выделки. Исчезла в глубине дома, откуда послышался ее голос:

- Ольга, Ольга, пришел важный господин!

Вильмовский остановился у порога и осмотрел прихожую. От парадного входа по обеим сторонам сеней размещались гостиные, или, как их еще называют, чистые горницы. Напротив входа в кухню находилась дверь в кладовую и лестница на чердак. В прихожей чувствовался вкусный запах готовящегося завтрака.

Вскоре к Вильмовскому вышла молодая, красивая сибирячка. Увидев гостя, она чуть смутилась и обратилась к нему певучим голосом:

- Вы к Александру Ивановичу? Пожалуйста, пожалуйста, прошу в гостиную. Муж уже встал и одевается!

Вильмовский поклонился, вошел в горницу. Полушубок и шапку повесил в сенях. Он чувствовал на себе любопытные взгляды хозяйки. Остановился перед иконой, висевшей в углу, перед которой горела лампадка. Перекрестился и трижды поклонился иконе.

Хозяйка предложила ему сесть и выбежала из комнаты. Вильмовский изо всех сил старался сохранить спокойствие. Удастся ли ему провести урядника? Успех или неуспех всей рискованной экспедиции зависел теперь от одной короткой минуты разговора. К счастью, урядник появился через несколько минут, спешно застегивая пуговицы парадного мундира.

- Здравствуйте, здравствуйте, чем могу служить? - сказал он, бросая на гостя внимательный взгляд.

Вильмовский встал. Постарался отразить равнодушие на лице.

- Здравствуйте и прошу меня простить за слишком ранний визит, - сказал он. - Моя фамилия Павлов, я чиновник для особых поручений его превосходительства господина губернатора. Задержался здесь по дороге в Якутск, чтобы вам кое-что передать.

Несколько высокомерный тон и небрежное движение, с которым гость подсунул уряднику документ с печатью и размашистой подписью губернатора, оказали на полицейского чиновника большое впечатление. Поэтому нервным движением он всадил на нос очки. Как только прочел бумагу - принялся низко

кланяться.

Вильмовский облегченно вздохнул и стал действовать увереннее. Он удобно уселся на предложенный ему стул и процедил сквозь зубы:

- Высылая меня с секретным поручением в Якутск, его превосходительство приказал мне доложить о порядках на вверенной вам территории. В зависимости от результатов я получил право вручить вам известную сумму наградных. Правда, сумма не очень большая, но перед праздниками и она пригодится!

Урядник покраснел до корней волос. Нервным движением потер руки. Низко кланяясь, быстро сказал:

- Не знаю, не знаю, ваше благородие, будете ли вы столь добры, но вы у меня желанный гость. Вы еще, наверное, не завтракали, жена сейчас накроет стол. Извините, я отлучусь на минутку, извините...

Урядник выбежал в сени. Вильмовский воспользовался случаем и вытер платком пот, выступивший на лбу. Пока все идет успешно... Теперь он мог осмотреть комнату. За полуоткрытой, разноцветного шитья заслоной виднелась кровать с горой перин и подушек. Между окнами фронтовой стены, напротив стола, помещался длинный плюшевый диван с высокой спинкой. В углу стоял лакированный сундучок с позолоченными уголками и замком. Видимо, это был дорожный чемодан урядника. По сравнению с грязными постоялыми дворами и бедными якутскими юртами, дом урядника светился образцовой чистотой. Вильмовский призадумался. Уже много лет он ведет кочевой образ жизни. Его домом были палатки, лесные шалаши, изредка неуютные номера в гостиницах или меблированных комнатах. И такой же дом он оставляет в наследство своему сыну, таская его по бездорожью диких стран. Он вспомнил свою прежнюю квартиру в Варшаве, вспомнил жену... и тяжело вздохнул. Вдруг его охватил гнев. Их преследователи живут спокойно в домашнем тепле, чувствуют себя счастливыми и довольными, а он с сыном должен метаться по свету. Чувство умиления прошло. Когда урядник появился в дверях со своей супругой, Вильмовский, преисполненный горечи, бросил на них суровый взгляд.

С полицейской наблюдательностью урядник заметил перемену в настроении гостя. Сконфуженный, представил ему жену. Вильмовский вежливо поздоровался с ней и стал хвалить образцовый порядок, царящий в комнате.

- О, это хорошая хозяйка, сибирячка, - сказал урядник. - Она вышла за меня замуж, хотя, как вам самому известно, сибиряки недолюбливают нас, царских чиновников.

- Ах, вы снова за свое, Александр Иванович, - укорила его жена. - Пожалуйте к столу на скромный завтрак.

На белой скатерти появились тарелки с блинами, чашки с румяным топленым маслом, икра, творог со сметаной и жареная курятина. Девушка, которая открывала Вильмовскому дверь, принесла большой, бухающий паром самовар, а урядник достал из шкафчика бутылку водки и графин - с настойкой.

- Пожалуйста, садитесь, - любезно говорил он, не забывая о награде губернатора.

- Перед завтраком я хотел бы покончить с делами, - сказал Вильмовский, медленным движением доставая из кармана бумажник. Я с удовольствием установил, что во вверенном вам районе царит порядок и спокойствие. Поэтому я могу с чистой совестью вручить вам награду, а в рапорте его превосходительству не премину упомянуть об этом.

Вильмовский отсчитал сто рублей бумажками. По тем временам это была довольно значительная сумма. Урядник взял деньги и принялся благодарить.

- Для порядка прошу мне дать расписочку в получении с вашей собственноручной подписью, - сказал Вильмовский.

- Конечно, конечно, порядок должен быть во всем, - согласился урядник. - Ольга, принеси бумагу, ручку и чернила!

Вильмовский спрятал расписку в бумажник. Все уселись за стол. Бутылка водки была быстро опорожнена до половины. Вильмовский только время от времени прикладывал рюмку к губам, зато урядник охотно пил рюмку за рюмкой. Завтрак продолжался около двух часов. Урядник много рассказывал об условиях, господствующих в его округе. Он ругал якутов, которые приняли православие, но по-прежнему оставались язычниками и не хотели подчиняться царским чиновникам, жаловался на конфликты с ссыльными, работающими на золотых приисках и обвинял местные власти в плохом исполнении своих обязанностей.

В конце концов Вильмовский взглянул на часы.

- Уже поздно, а меня ждет конвой в лагере под городом, Еще сегодня или, в крайности, завтра с утра мне надо ехать дальше. Я хочу вернуться на юг еще до первого снега, - сказал он, прерывая красноречие подвыпившего полицейского.

- Понимаю, понимаю, уже вчера ночью у нас был заморозок, - заметил урядник.

- Находясь здесь проездом, я хотел бы при случае закончить еще одно служебное дело, - сказал Вильмовский. - В Алдане находится ссыльный, которого я должен дополнительно допросить.

- Вот как? - удивился урядник. - Кто это, если не секрет?

- Да так, один поляк, присланный сюда из Нерчинска. Говорят, он работает в фактории Нашкина.

- Как его фамилия?

- Збигнев Карский, - кратко ответил Вильмовский.

На лице урядника появилось выражение сосредоточенности, будто он что-то вспоминал.

- Сейчас, сейчас, это тот, который собирался бежать? - спросил он минуту спустя.

- Да, видимо, именно он, - сказал Вильмовский. - Ведь это я раскрыл его намерения...

- Как же-с, помню, помню. Ведь я лично читал ваш рапорт, подшитый к бумагам ссыльного. Это вы подчеркнули красным карандашом: "опасный преступник, отмечаться через каждые три дня".

- У вас хорошая память, - осторожно похвалил Вильмовский. - Это ценное качество; я вижу, что награда вами вполне заслужена...

Довольный урядник, вдруг обеспокоился.

- Этот допрос имеет важное значение? - спросил он.

- Может быть, важное, а может быть, и нет. Дело касается кого-то другого.

- Не знаю, успеете ли вы, - опечалился урядник. - Он, правда, здесь, но, пожалуй, это его последние минуты... Лечил его наш фельдшер, говорят, что и шаман приходил, но никто ему не помог. Он умирает, а может быть, уже умер этой ночью. Несколько дней тому назад Нашкин прислал сюда кого-то для упорядочения дел фактории.

Чтобы не выдать охватившей его дрожи, Вильмовский крепко ухватился руками за стол. Он не мог произнести ни слова. Это было весьма печальное известие. К счастью, урядник в этот момент разливал в рюмки сладкую настойку и не заметил бледности, покрывшей лицо его собеседника.

Вильмовский взял рюмку и опрокинул ее в рот.

- Что ж, у нас будет меньше хлопот, - буркнул он.

- Я сейчас пошлю в участок, - сказал урядник. - Мы узнаем, можно ли допросить ссыльного.

- Где живет ссыльной? - спросил Вильмовский.

- В пригороде, не больше четверти часа ходьбы отсюда.

- В таком случае я сам пройду к нему с вашим человеком.

- Я пойду с вами, - предложил урядник.

- Нет, нет, зачем же, я и так отнял у вас множество драгоценного времени, - возразил Вильмовский. - А после я сам посещу вас в вашей канцелярии и расскажу о том, что увидел.

- Как вам будет угодно! Значит, встретимся в участке, а потом будьте любезны ко мне на обед. Прошу не возражать, это большая честь и удовольствие для нас. Ольга, Ольга! Пошли Марусю в участок, пусть сейчас же придет Сашка!

Вильмовский сидел как на раскаленных угольях. Он притворялся, что слушает болтовню урядника, который, подвыпив, расстегнул мундир и стал весьма разговорчив. А Вильмовский неотступно думал об умирающем ссыльном. Что за печальная судьба. Столько труда, столько жертв, и все напрасно. Збышек умирает... Вильмовский хотел теперь увидеть его, хотя бы на короткий миг, утешить, обнять. Какое же одиночество стало уделом Збышека в этой суровой, почти безлюдной стране!

В сенях послышались тяжелые шаги Сашки - высокого, бородатого полицейского. Вильмовский надел полушубок. Урядник передал городового в распоряжение влиятельного "сослуживца" и еще раз обязал гостя принять приглашение на обед. Наконец Вильмовский очутился на улице. Городовой, придерживая саблю на боку, услужливо повел Вильмовского в пригород, где в стороне от других стоял небольшой домик.

- Это здесь, - сказал городовой. - Я войду первым, ваше высокоблагородие! Прошу осторожнее, притолока низкая.

Городовой открыл дверь. Они очутились в небольшом коридоре. Городовой постучал в следующую дверь. Не ожидая приглашения, широко ее открыл. Сердце у Вильмовского билось учащенно. В маленькой полутемной комнате он сразу же заметил в углу кровать, на которой лежал человек. На краю кровати сидела молодая девушка. На небольшом столе в подсвечнике горела свеча, бросая желтоватые блики на убогую обстановку комнаты.

Городовой наклонился, чтобы не удариться головой о притолоку двери. За ним последовал Вильмовский.

- Как ваше здоровье? - спросил городовой. - Ого, вы опять здесь! - обратился он к девушке.

- Тише! Он умирает... - ответила девушка, красноречивым жестом прикладывая палец к губам.

- Воля божья, - буркнул городовой. - Что поделаешь!.. А я к вам привел гостя по казенном делу...

- Спасибо, друг, ты свое сделал, возвращайся в участок, - сказал Вильмовский. - Скажи уряднику, что я скоро там буду.

Городовой откозырял, стукнул каблуками и вышел, закрывая за собой дверь.

Вильмовский долго стоял молча. Его глаза постепенно привыкали к царившему в комнате полумраку. Ссыльный лежал с закрытыми глазами. На его худое, бледное лицо падала тень от

длинных ресниц. Под одеялом вырисовывались контуры истощенного тела. Вильмовский молчал. Волнение сжало ему горло так, что он не мог сказать ни слова. Впрочем, он не знал девушки, сидевшей у постели больного, и боялся показать, что он заинтересован в судьбе Збышека. Девушка тоже подозрительно смотрела на Вильмовского. В конце концов она привстала и спросила:

- Кто вы и что вам здесь надо? Могли бы ему хотя позволить умереть спокойно...

Холодный тон девушки отрезвил Вильмовского. Он глубоко вздохнул и тихо спросил:

- Неужели нет надежды?

- Вы же видите...

- А он... в сознании? С ним можно говорить?

- Что вам от него надо?

- Я чиновник для особых поручений. Мне надо лично поговорить с Карским. Вы можете оставить нас одних. Моя фамилия... Павлов...

Девушка подбежала к нему. Расширенными от изумления глазами посмотрела в лицо Вильмовскому, потом отступила к стене, судорожно сжимая руки на груди. Ее худыми плечиками встряхнули рыдания. Из глаз потекли слезы. Сдерживая их, она стала шептать:

- Збышек. Збышек, посмотри на него... посмотри!

Ссыльный открыл глаза. Стал напряженно искать лицо гостя. Вильмовский шаг за шагом стал подходить к кровати больного. Остановился рядом с кроватью и медленно снял меховую шапку с головы. Несчастный ссыльный вперил в него глаза. Словно в полусне, он приподнялся на локтях и с усилием сел. Вдруг Збышек сдавленно крикнул:

- Дядя!..

Плача, как ребенок, больной обнял Вильмовского за шею. Вильмовский в молчании прижимал к себе юношу. По его мужественному, суровому лицу текли слезы. Наташа, подчиняясь движению сердца, обняла обоих мужчин.

- Видишь, Збышек, ты не верил... а они, несмотря ни на что, явились сюда к тебе, - шепнула она.

Вильмовский нежно снял ее руку со своего плеча.

- Благодарение богу, ты жив, и мы не можем терять времени, - тихо сказал он. - Ложись-ка парень, а вы... скажите мне, кто вы будете?

- Я родственница Нашкина, и упросила его послать меня сюда, в факторию, чтобы заменить Збышека на время его болезни.

- Ах, вот как! - перебил ее Вильмовский. - Это о вас мне

говорил урядник.

- Дядя, это моя невеста, Наташа Бестужева, которую Томек повстречал в Нерчинске и из-за которой дрался с Голосовым на дуэли.

- Значит, это вы, - сказал, улыбнувшись, Вильмовский. - Я о вас уже наслышан.

Наташа перестала плакать. Овладев собой, она сказала:

- Томек обо всем рассказал. Я решила помочь вам освободить Збышека. Он и в самом деле больной, а вот до смерти ему, к счастью, далеко. Однако, если бы все поверили, что он умер, то перестали бы им интересоваться.

- Ах, значит, это вы - причина моего волнения. Ведь я очень разволновался, когда узнал, что мы, кажется, прибыли слишком поздно! - сказал Вильмовский. - Урядник и в самом деле убежден, что Збышек умирает.

- Вот и прекрасно! Раз уж вы прибыли, то он умрет еще до вечера. В гроб мы положим камни и завтра утром похороним ссыльного! А я подготовила место, где Збышек будет ждать вас...

- Осторожнее, не надо так спешить, давайте спокойно обсудим все дело, - перебил ее Вильмовский. - А именно: почему, когда я упомянул фамилию полицейского агента, вы посмотрели на Збышека и сказали ему, чтобы на меня посмотрел.

- Я поняла, что вы кто-то другой, потому что и я, и Збышек прекрасно знаем Павлова. Ведь это он преследовал нас в Нерчинске.

- Ах, вот как! Молодец. Но каким чудом ты, Збышек, сразу меня узнал?

- Наташа очень хорошая девушка, дядя! Если бы не она, мне пришлось бы очень плохо! Когда Павлов перехватил мое письмо к Томеку, Нашкин вступился за меня только по ее просьбе. А тебя я сразу узнал - так как только в Нерчинске сжег вашу фотографию, которую Томек прислал мне из Африки.

Вильмовский достал платок и вытер с лица пот. Энтузиазм Збышека и Наташи заставил его подумать, что вопрос бегства может осложниться.

- По вашему плану, Збышек должен сегодня умереть. Убедить в этом урядника будет не слишком трудно, - громко сказал он. - Поэтому сразу же после похорон мы можем отправиться в путь. Я сказал уряднику, что еду в Якутск. Где вы намерены укрыть Збышека?

- Я высмотрела в лесу, неподалеку от дороги, шалаш. Это почти рядом с городом, - ответила Наташа. - А где ждут остальные?

Вильмовский достал из кармана кусок бумаги, начертил

карандашом план окрестностей Алдана и показал место, где находится лагерь.

- Вот и хорошо, - воскликнула Наташа, изучив план. - Вам и так придется ехать мимо его шалаша. Вот здесь...

Она показала на бумаге.

- Приму к сведению. Впрочем, мы, пожалуй, будем на "похоронах" вместе!

- Само собой разумеется, ведь нам необходимо убедиться, что никто не заглянет в гроб с мнимым покойником, - сказала Наташа.

- А что вы намерены делать потом? - спросил Вильмовский, внимательно глядя на девушку.

Наташа опустила глаза и покраснела. Збышек сорвался с постели.

- Дядя! Я без нее... никуда не уйду! Она тоже ссыльная! Она революционерка, как и я... и я ее люблю!

Вильмовский согласно кивнул головой. Значит, его предположения оправдались. Он стал раздумывать, как поступить. Взять с собой Наташу - значит, еще более усложнить и без того рискованное бегство. Но разве можно разделить два любящих сердца! Ба, если бы он мог, он вывез бы из Сибири всех царских ссыльных.

- Вы согласны сопровождать Збышека? - спросил Вильмовский у Наташи.

Она судорожно схватила его за руку.

- А вы... возьмете меня с собой?

- Возьму, но, считаю долгом предупредить, что путь к свободе далек и изобилует многими опасностями. Кто знает, унесем ли мы отсюда свои головы в целости и сохранности!

- Я пойду с вами и, если надо, погибну без слова упрека, - уверяла Наташа.

- В таком случае, прекрасно! Мы возьмем вас с собой, Наташа. Скоро здесь хватятся вас?

- Нет, этого нечего опасаться. Я приехала на время, под предлогом упорядочения дел в фактории. Еще сегодня заявлю полиции, что возвращаюсь в Нерчинск, и исчезну, как камень в воду.

- Все это вы великолепно обдумали, - признал Вильмовский. - После похорон вы проберетесь в шалаш Збышека. Я попрощаюсь с урядником и поспешу к вам. Завтра к вечеру мы будем уже далеко от Алдана.

- Идите к уряднику, - сказала Наташа. - Скажите ему, что ссыльной умер при вас. Остальное я беру на себя. Збышек закроет лицо простыней, если кому-нибудь вздумается посетить нас.

Якуты боятся мертвых, а полиция не очень любопытна. Они подготовлены к его смерти. Я сейчас закажу гроб. Похороны назначим на завтрашнее утро...

- Вы взяли на себя трудную и... неприятную задачу...

- Не бойтесь за меня, я все уже обдумала.

* * *

Только к обеду Вильмовский ушел из одинокого домика ссыльного. Овладев собой, он отправился в участок к уряднику.

XX
Гнев Бога огня и грома

Павлов сидел на обломке скалы. Он понуро следил глазами за великаном боцманом. Не было сомнений - заговорщики собирались в дорогу.

На рассвете предыдущего дня его разбудила суета в лагере. Через дырочку в брезенте палатки Павлов наблюдал за отъездом мнимого Броуна, которого он некогда знал в Варшаве как учителя географии, распространявшего нелегальную литературу. Сцена прощания и тихие предостережения, которые давал Смуга Броуну, заставили Павлова призадуматься. По-видимому, Броун с его документами отправился прямо в Алдан! Павлов заметил, что вечером Смуга тоже исчез из лагеря. Вернулся он лишь после полуночи, и бунтовщики долго совещались между собой. Павлов предположил, что Смуга где-то встретился с Броуном. Какие известия он привез?

Проснувшись на рассвете, Павлов, с трудом скрывая тревогу, внимательно следил за заговорщиками. Они сложили палатки, а необходимейшее лагерное имущество и запасы продовольствия разделили на шесть равных частей, запаковали во вьюки и приторочили к седлам. Таким образом, они освободили от груза двух вьючных лошадей.

Павлов терялся в догадках. В обратный путь они подготовили под седла лишние две лошади. Неужели, кроме Карского, они намерены освободить еще кого-нибудь? Павлов сидел на камне, внешне спокойный, но в его сердце кипела злоба. Нельзя было сомневаться в успехе экспедиции этих бунтовщиков. Когда уехал Броун, Павлов удовлетворенно наблюдал за беспокойством на лицах охотников, но после ночной поездки Смуги убедился, что им, видимо, удалось связаться с ссыльным. Об этом свидетельствовали красноречивые, радостные взгляды, тайные беседы и совсем явная подготовка к дальнейшему пути.

Павлов дрожал от гнева и страха. Какую судьбу уготовали ему заговорщики?! Неужели они опять потащат его по глухой тайге, а потом... нет, они не лишат его жизни. Ведь они могли это сделать значительно раньше. Однако Павлов заботился не только о своей жизни. Позор второго поражения мог весьма тяжело отразиться на его карьере. Что он скажет губернатору? Сможет ли признаться в том, что выпустил из рук грозных заговорщиков и позволил им безнаказанно уйти? Ко всему прочему, еще и служебные документы Павлова помогли заговорщикам в их

действиях против царя!

В немом бешенстве Павлов скрежетал зубами, а тем временем великан-боцман седлал лошадей. Остальные два бунтовщика, при полном вооружении, исчезли из лагеря. Быть может, они прочесывали окрестности, желая убедиться в возможности безопасного отступления. Закончив седлать лошадей, боцман стал чистить оружие. Он зарядил два револьвера, спрятал их в кобуры, притороченные к одному из седел, потом спокойно уселся на землю. Не хуже опытного оружейника, он проверял действие затворов винтовок, заряжал их патронами. Погруженный в собственные мысли, боцман словно забыл о Павлове.

Агент не спускал глаз со своего преследователя. А боцман и в самом деле не обращал на него внимания. В голове шпика, видимо, зародилась какая-то идея, потому что он все время поглядывал то на оседланных лошадей, то на боцмана. На его землистом лице появился румянец. Павлов сжал высохшие губы и осторожно поднялся с камня. Боцман сидел вполоборота к Павлову, занятый винтовками. Павлов осторожно сделал шаг к лошадям. Потом, не отрывая взгляда от боцмана, сделал еще шаг и еще один - пошире.

Ржание испуганного коня оторвало боцмана от его дум. На его лице отразился гнев.

- Прочь от лошадей! - крикнул он, вскакивая на ноги.

В руках у него была винтовка. Застрелить Павлова ему ничего не стоило, но боцман боялся, что на выстрел появится кто-либо лишний. Поэтому он отбросил винтовку и подскочил к Павлову.

Полицейский агент боялся боцмана как огня. Панический страх заставил его броситься к лошади. Он уцепился за кобуру, висевшую у седла, и выхватил оттуда револьвер. Павлов выстрелил прямо в лицо боцману, который, раскинув руки, грохнулся оземь, но, падая, головой ударил Павлова в грудь.

У Павлова потемнело в глазах. Деревья и вершины гор закружились, как в сумасшедшем танце. Он потерял сознание. Когда агент пришел в себя, то увидел лежащего рядом боцмана. Моряк лежал лицом к земле, широко раскинув руки. Павлов со стоном поднялся на ноги. Во рту он чувствовал солоноватый вкус крови. Ужасная боль разрывала ему грудь. С ненавистью и с почти суеверным страхом он глядел на боцмана.

Павлов стал медленно отступать назад. Он поднял с земли револьвер и только теперь повернулся к лошадям. Схватил одну из них под уздцы. С усилием взобрался в седло. Агент знал, что ему нельзя терять времени. На звук выстрела вот-вот могли показаться Смуга и Томек. Павлов наклонился в седле. Поехал в том же направлении, в котором вчера утром уехал Броун. Вскоре

он очутился на узкой каменистой дороге. Повернул коня в сторону Алдана.

Павлов сплевывал кровь, выступавшую у него на губах. Боль в груди усилилась. Агент знал, что если он опять потеряет сознание, то погибнет наверняка. Страх перед возможной погоней прибавил ему сил. Он понукал коня, нервно оглядываясь назад. Павлов дрожал от одной мысли, что его может догнать Смуга. Этого обмануть не удалось бы никогда, и он не пожалел бы Павлова...

Вскоре агент увидел вдали крыши домов. Он наклонился к луке седла и пятками пришпорил коня. Якутская лошадка побежала галопом. Павлов крепко сжал руками луку седла. Копыта коня глухо стучали по дороге. Алдан приближался, вот уж показались первые домики пригорода. Словно услыхав лошадиный топот, из маленького домика выбежала девушка, одетая в короткий полушубок. Она увидела всадника, галопом мчавшегося в сторону города, и остановилась на краю дороги. Лошадь чуть-чуть не сбила ее с ног. Но она не обратила на это внимания. Ей было достаточно одного взгляда, чтобы узнать бледное лицо всадника. Девушка вскрикнула и что было сил побежала следом за ним.

* * *

Вильмовский упаковывал вещи в подручный мешок. На его лицу показалась довольная улыбка. Фантастический, как первоначально думалось, план Наташи, оказался чрезвычайно простым и удался на славу. Урядник не удивился, услышав о смерти ссыльного. В присутствии Вильмовского он составил соответствующий рапорт в губернию, а на следующий день вместе с Вильмовским присутствовал на похоронах. Заявления чиновника для особых поручений о том, что ссыльной умер в его присутствии, оказалось вполне достаточно. Он нисколько не удивился присутствию на похоронах Бестужевой. Ведь она прибыла в Алдан для упорядочения дел фактории, в которой работал покойный.

Вильмовский только что вернулся с похорон. Минуту назад он сообщил хозяину гостиницы "Европейской" о своем отъезде. Не пройдет и часа, как он в обществе Збышека и Наташи будет на пути к лагерю. Вчера ночью Вильмовский встретился со Смугой в условленном месте вблизи города. Таким образом, его друзья уже знали об успехе дела и были готовы к отъезду.

Вильмовский завязал мешок. Перебросил его через плечо и

сунул заряженный револьвер в карман полушубка. Вдруг на улице он услышал топот коня. Топот затих у гостиницы. Вильмовский подумал, что прибыл новый постоялец. Желая избегнуть лишних разговоров, он вышел в общую комнату. Когда он вручал хозяину плату за номер, с улыбкой принимая его благодарность за чаевые, входная дверь распахнулась настежь. Послышались быстрые шаги и кто-то крикнул:

- Где участок?

Вильмовский удивленно вздрогнул, услышав знакомый голос. Он сразу повернулся. Увидел Павлова! Сгорбленный Павлов левой рукой держался за грудь, а в правой сжимал револьвер. Спутанные волосы на голове, кровь на подбородке, гримаса боли на лице агента привели Вильмовского в ужас. Он сразу понял, что в лагере произошло что-то страшное.

Павлов тоже узнал Вильмовского. Не тратя времени, он направил на него револьвер:

- Руки вверх! - злорадно прошипел он.

Вильмовский медленно поднял руки. На лице Павлова отразился триумф. Один из бунтовщиков против царя уже лежит мертвый в лагере, а теперь судьба снова помогла. Перед ним, подняв вверх руки, стоит второй его враг! Что за великолепная месть за все неудачи! Несмотря на свое волнение, он заметил, что Вильмовский несколько опустил руки.

- Руки вверх... или я стреляю! - предупредил Павлов еще раз. - Ты арестован по обвинению в организации заговора с целью осуществления побега ссыльного, а также за сопротивление власти и... присмотрись-ка лучше ко мне, ты, скотина!

В голове Вильмовского словно молнии метались мысли. Как удалось Павлову бежать? Что случилось с его друзьями в лагере? Он ни минуты не думал сдаваться живым! Поднял руки вверх, чтобы выиграть время.

Павлов выглядел ужасно. На его губах выступила кровавая пена. По всему было видно, что он недавно вышел из ужасной борьбы и серьезно ранен. Павлов подошел к Вильмовскому и бросил ему в лицо:

- Ты ускользнул от меня в Варшаве! Помнишь!? Теперь наконец я тебя поймал! Заплатишь за все; получишь петлю на шею! Твой сообщник лежит мертвый в лагере!

У Вильмовского побледнело лицо, потом покрылось кровавым румянцем гнева. Он уже знал, почему Павлов казался ему знакомым! Это был прямой виновник всей его трагедии! Это он лишил его дома и жены!

- Наконец-то мы встретились... - ответил Вильмовский прерывающимся голосом. - Ну что ж, жизнь за жизнь...

- Ты погибнешь! - крикнул агент, видя, что противник опускает руки.

Не обращая внимания на угрозу, Вильмовский уже протягивал руки, чтобы схватить Павлова... В этот момент кто-то вбежал в комнату. Вильмовский замер. Павлов заметил изумление в его глазах и через плечо взглянул на дверь.

На пороге стояла молодая девушка, та самая, которую он чуть-чуть не сбил копытами лошади. Теперь и он ее узнал. Это была ссыльная из Нерчинска. Она дружила со ссыльным Карским, отвергнув ухаживания влюбленного в нее штабс-капитана Голосова. Павлов сразу понял, кому заговорщики приготовили второго коня.

Вильмовский подскочил к агенту. Однако тот вовремя заметил это, отпрянул вбок и нажал спуск револьвера. Дым закрыл Вильмовскому лицо. Агент выстрелил еще раз. Промахнулся... Наташа вырвала из кармана полушубка небольшой пистолет. Она сделала пять выстрелов и пришла в себя только после того, когда вместо шестого выстрела раздался сухой щелчок курка. Кончились все патроны.

После каждого выстрела Павлов все больше склонялся к земле, пока не грохнулся мертвым на пол.

- Скорее отсюда, видимо, полиция уже все знает! - воскликнула Наташа.

Горящими глазами вглядывался Вильмовский в распростертого на полу агента. Не обращая внимания на предостережения Наташи, он медленно склонился к Павлову. Повернул его лицо вверх. Павлов был мертв.

- Хозяин бежал через черный ход, - говорила Наташа. - Еще немного, и нас здесь захватят!

Вильмовский спрятал револьвер Павлова в карман.

- Идем отсюда, - коротко сказал он, поднял свой дорожный мешок, забросил его на левое плечо, всадил правую руку в карман полушубка и сжал рукоятку револьвера.

- Идем! - повторил он.

Они выскочили на улицу. Рядом с лошадью Вильмовского стояла лошадь Павлова.

- Ты умеешь ездить верхом? - спросил Вильмовский.

- Да!

- Садись и скачи к Збышеку, - приказал он.

- А вы?!

- Садись, скорее! Я тебя догоню!

Не теряя времени, Наташа вскочила в седло. Выстрелы всполошили жителей соседних домов. Некоторые из них выглядывали из окон. Слышны были тревожные крики. Наташа

поняла, что Вильмовский хочет задержать погоню. Она помчалась по улице, ведущей из города. Вильмовский лишь через некоторое время сел на своего коня. Не спеша, он поехал вслед за Наташей. Вскоре и он очутился за городом. Впереди него на дороге клубилось облачко пыли.

Вильмовский пришпорил лошадь и помчался галопом. Постепенно он стал догонять девушку. Вскоре они вместе углубились в тайгу. Медленно пробираясь сквозь чащу, они давали Збышеку условленный сигнал.

Збышек выбежал им навстречу. Они приостановились, дали ему возможность вскочить на лошадь за Наташей. Опять помчались дальше. Вильмовский все время понукал лошадей. Секунды казались ему часами. Он дрожал от одной мысли о том, что застанет в лагере. Бегство Павлова не предвещало ничего хорошего.

Вскоре они выехали на опушку поредевшего леса. Вильмовский приподнялся на стременах, нетерпеливо высматривая лагерь. И вдруг вздох облегчения вырвался из его груди. Из-за каменных скал появились знакомые ему силуэты всадников. Два из них вели оседланных лошадей, третий - вьючного коня. Значит, Павлов солгал! Потому что великан-боцман и Томек выскочили вперед, ведя лошадей для беглецов. Правда, у боцмана была перевязана голова, но он бодро махал рукой, приветствуя Вильмовского и его спутников.

Они остановились. Встреча Томека со Збышеком растрогала всех присутствующих, но она продолжалась всего лишь минуту, потому что Смуга вернул всех к грозной действительности, кратко сообщив Вильмовскому:

- Андрей, наш Павлов бежал! Мы должны немедленно отправляться в путь, если, если не хотим...

- Павлов уже больше никому не причинит вреда, - перебил его Вильмовский, насупив брови. - Однако за нами, наверно, уже скачет погоня!

Боцман протяжно свистнул.

- Папа, что случилось в Алдане? Ты ранен? - спросил Томек.

- Не время сейчас для рассказов! По коням! Томек, веди нас по условленной дороге, - приказал Смуга, доставая рюкзак с перевязочными средствами.

Прежде чем Смуге удалось перевязать рану Вильмовского, остальные путешественники отъехали несколько сот метров.

- Пуля только царапнула тебя! Твое счастье, - облегченно сказал он. - Давай теперь скорее догонять наших!

Они вскочили на лошадей. Только через несколько часов быстрой езды путники остановились на короткий отдых.

Ослабили подпруги у лошадей, пустили их пастись, а боцман занялся приготовлением обеда из сухого провианта. Поев, Смуга обратился к Вильмовскому:

- Андрей, расскажи нам о событиях в Алдане! Нам уже давно следует уточнить положение.

Вильмовский кратко рассказал все, что произошло в "Европейской". Услышав, в каком состоянии Павлов очутился в гостинице, боцман улыбнулся. Невольно коснулся рукой перевязки на голове.

- Плохо, что Павлову удалось бежать, - сказал Смуга, выслушав сообщение Вильмовского. - Мы недооценили его ум! Это была хитрая лиса!

- Меня бы надо было побить, - смущенно сказал боцман. - Я дал себя провести, и он обоим нам оставил метки на память.

- Ты даже не знаешь, что Павлов хотел свести с нами старые счеты, - вмешался Вильмовский.

- Какие счеты? - изумился боцман.

- Ведь это он выследил нас тогда, в Варшаве.

- Неужели? Что ты говоришь?

- Он сам мне это сказал!

Боцман замолчал, пораженный неожиданным известием. Потом смачно сплюнул и сказал:

- А я-то думал, почему его физиономия мне казалась такой знакомой!

- Ну да! Он нас узнал. Тогда он следил за нами довольно долго, а мы его видели лишь один короткий миг.

Боцман опечаленно сказал:

- Молодец, Наташа, однако жаль, что она меня подменила. Ба, если бы не она, то Павлов теперь спокойно издевался бы над нами!

Вильмовский опустил голову. Он стыдился признаться в том, что во время трагического события в Алдане готов был без сожаления застрелить Павлова.

- Когда Павлов бросил мне прямо в лицо злобные слова, я его узнал, - тихо сказал Вильмовский. - Память о печальной судьбе моей жены и о наших скитаниях по свету привела к тому, что я забыл о милосердии. Я готов был убить Павлова. Наташа спасла мне жизнь, потому что Павлов держал меня на мушке револьвера.

Томек с благодарностью взглянул на девушку.

Отдохнув около часа, путешественники опять сели на лошадей. Смуга принял все меры предосторожности, хотя ему казалось, что только случай мог открыть погоне место их пребывания в этой каменной пустыне. Он прежде всего построил караван соответственным образом. Сам выехал вперед, в

нескольких десятках метров за ними ехал Вильмовский с Наташей и Збышеком; на некотором расстоянии за ними, в качестве арьергарда, ехали боцман и Томек. Теперь, когда над путешественниками нависла грозная опасность, хладнокровие и громадный опыт Смуги были заметны на каждом шагу. В обширной, безлюдной стране, он умел каким-то шестым чувством выбирать правильное направление. Караван шел вдоль каменных ущелий, чтобы конские копыта не оставляли следов. Смуга напоминал всем о необходимости быть бдительными.

Так прошло два дня. Они уже довольно далеко отъехали от Алдана. До сих пор Смуга вел караван прямо на восток. По его расчетам возможная погоня должна была направиться на юг вдоль дороги в Невер. Таким образом, они направлялись в разные стороны, и расстояние между путешественниками и возможной погоней постоянно увеличивалось. Только лишь на второй день, когда солнце стояло в зените, Смуга стал поворачивать на юго-запад. Если погоня ехала по дороге, то благодаря этому маневру караван находился теперь позади погони. Поэтому Смуга уменьшил скорость похода и разрешил частые остановки на отдых. Ведь необходимо было сохранить силы лошадей.

К вечеру они углубились в дремучий лес. Под легким ветерком березки роняли на землю золотые листочки. Кусты шиповника и сибирской смородины покраснели от ночных холодов. Это был безошибочный знак, что осень приближается быстрыми шагами.

Смуга, как всегда, ехал впереди, осматриваясь вокруг. Вдруг он наклонился вперед, стал напряженно вглядываться. Через минуту он убедился, что под деревом сидит сгорбленный одинокий человек. Смуга поднял руку, остановил коня. Жестами приказал друзьям окружить чужого человека. Вскоре вся группа остановилась близ дерева, под которым сидел незнакомец.

- Сто бочек прогорклого китового жира, так ведь это же мертвец! - воскликнул боцман.

- Вы, боцман, кажется, не ошиблись, - согласился Смуга. - Птицы выклевали у него глаза...

- Видимо, это эвенк, - вмешался Вильмовский. - Они так хоронят своих мертвецов.

Высушенная мумия старого эвенка была прислонена спиной к стволу дерева. На ее коленях лежали лук и топорик со сломанным топорищем. Рядом стояли присыпанные землей нарты, около них валялись кости оленей и полусгнившая упряжь.

Вильмовский рассказал, что эвенки оставляют своим мертвецам предметы, которыми те пользовались при жизни, но ломают топорища, чтобы мертвец не нападал на живых людей.

Збышек, который успел познакомиться с некоторыми обычаями якутов, добавил, что якуты прежде хоронили своих мертвецов на специальных платформах, расположенных на деревьях. В настоящее время они хоронят так только шаманов.

Путешественники отправились в дальнейший путь, тихо беседуя об удивительных обычаях туземцев. Вскоре они очутились на берегу лесного озера. Смуга опять задержал товарищей. Не больше чем в нескольких сотнях шагов от них находилась хата. Над ней вился дымок. Вскоре отворилась дверь, и на пороге появилась человеческая фигура. Как только человек заметил караван, он быстро ушел внутрь. Путешественники, следуя примеру Смуги, подъехали к дому. Раз жители их заметили, скрываться нельзя, а, наоборот, надо убедиться не опасны ли они для путешественников. Жалкое жилище сильно обветшало. Глиняная обмазка во многих местах отпала, единственное окошко заложено дерном. У хаты лежала брошенная рыболовная сеть, а на самом берегу озера виднелся наполовину вытянутый из воды челнок, выдолбленный из цельного ствола дерева.

Смуга соскочил с коня, намереваясь войти в хату. Но вдруг на пороге появились две человеческие фигуры. Путешественник отпрянул, пораженный ужасным видом. Лица туземцев были покрыты ранами и струпьями.

Один из них вытянул вперед руку, лишенную пальцев.

Наташа испуганно крикнула.

- Не подходите к ним, это прокаженные! - воскликнул Збышек.

Путешественники в испуге стали отходить. Один из несчастных туземцев стал что-то говорить ртом, лишенным губ. Желтые его зубы, торчавшие изо рта, производили тяжкое впечатление.

- Збышек, ты понимаешь, что он говорит? - спросил Смуга, с трудом преодолевая отвращение.

- Он просит есть, он голоден, - перевел юноша.

Смуга достал из вьюков мешок сухарей и коробку консервов, положил продукты на землю.

- Спроси у него, в каком направлении находится дорога из Невера и Алдан, - сказал он.

Збышек, помогая себе жестами рук, задал этот вопрос. Прокаженный вытянул обрубок руки, указывая на запад. Путешественники поехали в ту сторону.

И якуты, и эвенки изгоняли прокаженных из поселений. Время от времени волость выделяла несчастным немного продуктов или одежды, но зато больные не имели права

подходить к жилищам здоровых людей. Путешественники долго не могли забыть вида туземцев, больных этой страшной, неизлечимой болезнью. Они погоняли лошадей, желая как можно скорее выбраться из леса, где находились мертвецы и заживо погребенные - прокаженные.

Смуга задержал караван в небольшом каменистом распадке лишь после того, как совсем стемнело. По его расчетам, они были уже недалеко от тракта. Хотя они больше не ожидали погони, но не разводили костров и не ставили палаток. Только для Наташи построили из веток шалаш. Он состоял из одной наклонной стенки, которая немного защищала от дождя и ветра. Поужинали сухими продуктами, напились воды из ручья, после чего легли спать в спальных мешках. Мужчины, за исключением Збышека, посменно дежурили, охраняя лагерь.

Звездная, холодная ночь прошла спокойно. С рассветом путешественники уже снова были на конях. Задолго до обеда они подъехали к краю обширного луга. Несколько стогов сена свидетельствовали о том, что где-то близко находится якутское селение. Смуга остановил караван. Через бинокль он внимательно рассматривал холмистую местность. Вдали виднелись темные контуры хат. Однако из труб не шел дым. По-видимому, туземцы еще жили в своих летних урасах. Усталые лошади путешественников тянулись к стогам сена. После краткого совещания Смуга решил остановиться здесь на отдых. По местным обычаям любому путешественнику разрешалось воспользоваться сеном для своей лошади.

Пока лошади, с ослабленными подпругами у седел, хрустели сеном, всадники тоже завтракали. Немного отдохнув, стали готовиться в дорогу. Смуга опять ехал впереди. Он как раз въезжал на мягкий склон холма, с вершины которого хотел осмотреть окрестности. Добравшись до вершины, он соскочил с коня. Взглянул на узкую полосу равнины, открывшейся перед ним. Тракт из Невера в Алдан находился не дальше нескольких сот метров. По дороге ехала группа всадников, направляясь с юга на север. Смуга достал бинокль. Увидел довольно крупный отряд, состоявший из якутов-охотников в сопровождении нескольких казаков. Не теряя времени, Смуга быстро отпрянул назад и укрылся за холмом. В этот момент караван шел по открытой местности, и его легко могли заметить с дороги. Как только Смуга очутился за холмом, он стал подавать своим товарищам предупредительные знаки.

Вдруг откуда-то из-за холма послышались выстрелы.

Значит, солдаты их заметили! Услышав выстрелы, ехавшие позади каравана быстро присоединились к основной группе. Все

направились на восток, где чернела полоса леса. Смуга пропустил вперед Вильмовского с двумя ссыльными и вьючным конем.

Из-за холма показались солдаты. Это, по всей вероятности, была погоня, которая после двух дней безрезультатных поисков возвращалась в Алдан. Об этом свидетельствовали крики и выстрелы, которыми солдаты пытались задержать группу удаляющихся всадников.

- Чтоб их тайфун унес! Они нас догонят! - воскликнул боцман, оглядываясь.

Смуга оглянулся тоже. Внимательно измерил взглядом расстояние, отделяющее караван от погони.

- Догонят нас, - сказал он. - Мы должны их задержать!

Он осадил коня. Боцман и Томек последовали его примеру. В одно мгновение всадники повернулись лицом к погоне.

- Целиться в лошадей! - приказал Смуга.

Три путешественника дали залп. Они промахнулись, потому что испуганные кони чуть не сбросили их с седел. Солдаты сразу рассыпались цепью. Три беглеца выстрелили еще раз. На этот раз удачнее. Два всадника упали на землю вместе с лошадьми. Следующий залп вынудил погоню принять меры предосторожности, Солдаты уменьшили скорость погони и еще больше растянули цепь.

Смуга посмотрел в сторону леса. Вильмовский уже подъезжал к первым деревьям.

- Теперь - галопом за ними! - приказал Смуга.

Припав к гривам лошадей, три смельчака помчались вперед. За ними послышались протяжные крики.

- Они пытаются нас окружить, фланги цепи изогнулись вперед! - крикнул он товарищам.

- Да, они пытаются нас окружить, - ответил боцман.

Путешественники пришпорили лошадей, которые в диком галопе мчались, чуть-чуть не касаясь брюхом земли. Лес из карликовых деревьев был уже совсем близко. Вдруг над головами беглецов послышался свист пуль. Они как раз добрались до опушки леса. Конь Томека заржал, бросился в сторону, а затем грохнулся оземь. К счастью, Томек успел выхватить ноги из стремян, сделал в воздухе сальто-мортале и упал на спину на подстилку из мягкого мха. Несколько минут он лежал, словно лишившись чувств.

Его друзья с трудом осадили своих лошадей и спешились. До путешественников донесся триумфальный крик погони. Но Томек вскочил на ноги еще до того, как к нему подбежали испуганные Смуга и боцман.

- Что с тобой? - крикнул Смуга.

- Со мной ничего... А вот коня убили, - успокоил он друзей.

- Прыгай на мою клячу! - крикнул боцман. Он подхватил друга под мышки и, подняв, как перышко, посадил на свою лошадь.

- Томек, лети вперед и задержи отца, - приказал Смуга, поднимая с земли винтовку юноши. - Видно, придется драться... Скорее, мы сами не сможем задержать погоню.

Томек прикусил губы. Вскачь помчался к отцу.

Спрятавшись за стволом дерева, Смуга спокойно приложил приклад винтовки к плечу. Целился недолго. Ближайший к нему всадник упал на землю, широко раскинув руки. Смуга непрерывно стрелял. Тем временем боцман снял седло с убитого коня Томека. Потеря скромных личных вещей в этом суровом краю была почти равносильна смерти. Забросил седло на коня Смуги. Потом спрятался за раскидистой березой и вместе с приятелем стал стрелять в сторону врагов.

Фланги цепи солдат уже подходили к лесу. Чтобы избежать окружения, Смуга и боцман начали быстрое отступление, время от времени останавливаясь и посылая врагам пули.

Крики солдат и выстрелы подсказали Вильмовскому, что его друзья находятся в опасности. Поэтому вместо того, чтобы скакать дальше, он вместе с Наташей и Збышеком повернул обратно. Вскоре они встретили Томека и вместе поспешили на помощь двум смельчакам.

Вильмовскому достаточно было одного взгляда, чтобы оценить всю тяжесть положения, в каком они очутились. Потеряв нескольких людей, преследователи спешились и, прячась за деревьями, пытались окружить беглецов.

- Збышек, Наташа! Укройтесь с лошадьми, - крикнул Вильмовский.

Он и Томек включились в борьбу. Меткий огонь удвоившегося отряда беглецов несколько приостановил погоню. Преследователи стали осторожно перебегать от дерева к дереву. Несколько казаков криком поощряли охотников-якутов к атаке, но те не проявляли никакого воодушевления.

Смуга хотел избежать рукопашной, которая при столь большом численном преимуществе противника, несомненно, закончилась бы полным поражением. Задерживая погоню выстрелами, путешественники медленно отступали все глубже в лес.

Встревоженный боцман наблюдал за преследователями, которые стали собираться в сплошной отряд.

- Вот что, Смуга, нам, видно, несдобровать! - воскликнул боцман.

- Черт возьми, они готовятся идти в атаку, - добавил Смуга.

- И правильно, ведь они прижали нас к болоту. Посмотрите-ка назад, и вы поймете их тактику.

Местность заметно снижалась к востоку. Между стволами деревьев виднелось болото, поросшее зеленовато-желтыми кочками травы.

- Андрей, веди нас прямо через болото, - приказал Смуга.

- Мы же утонем в трясине, - возразил Вильмовский.

- Лучше утонуть, чем попасть к ним живыми, - сказал Смуга. - Еще немного, и они ударят на нас. Тогда мы вряд ли выдержим...

Огонь со стороны преследователей заметно усилился. Видимо, они знали, что путь отступления беглецам отрезан. Казаки стали готовиться к атаке. Якуты следовали их примеру.

Беглецы отступали в болото. Вильмовский, Наташа и Збышек вели лошадей под уздцы и силой вынуждали их переправляться через глубокие места. Смуга, боцман и Томек сдерживали винтовочным огнем погоню. Лошади погрузились в воду почти по брюхо, они ржали, испуганные призраком смерти в грозной трясине.

Преследователи, видимо, почувствовали, что победа близка. Сплошным кольцом они прижали беглецов к предательскому болоту.

Первым отказался от безнадежного отступления боцман. Он укрылся за стволом дерева и опустился на одно колено. Вскинув винтовку, боцман посылал в сторону погони пулю за пулей. Смуга и Томек поняли, что настал их последний час. Они решили дорого продать свою жизнь. Скрывшись за деревьями, друзья помогали боцману. Тем временем погоня приближалась. Преследователи шли во весь рост, намереваясь окружить горсточку беглецов. В этот момент Вильмовский, Наташа и Збышек подскочили к своим друзьям. Болото оказалось совершенно непроходимым, поэтому они решили погибнуть вместе с ними. В тайге послышался торжествующий крик погони...

Боцман схватил винтовку за ствол и выскочил из-за дерева. Смуга, сжимая в руках рукоятку револьвера, последовал его примеру. Томек, Вильмовский, Наташа и Збышек решительно побежали за ними. Вот они уже подбежали к цепи преследователей, как вдруг раздался пронзительный свист или вой. Встревоженные акуты остановились как вкопанные. Забыв о битве, они смотрели в небо, закинув вверх головы. Боцман по инерции подбежал к одному из казаков и грохнул его прикладом винтовки, второго сразил ударом кулака, и вступил в рукопашную с офицером. Это была короткая, хотя и отчаянная

борьба. А все остальные с ужасом смотрели вверх на необыкновенное явление. По небу с юга на север мчался ослепительно яркий огненный шар, влача за собой длинный, черный хвост... Вскоре шар исчез за деревьями, где-то в тайге. Ужасный, глухой гром потряс землю... Небо раскалилось добела, потом стало красновато-желтым, а в конце - посерело, и воцарился полумрак. Жаркая волна воздуха как ураган пронеслась по тайге. С треском падали деревья.

В рядах якутов началась паника

- Огда! Огда! - раздались их испуганные голоса.

Охотники-якуты бросали винтовки, хватали лошадей и в панике бежали из ужасного леса. Паника охватила также и казаков. Они повернули лошадей и бросились наутек.

Пронзительные крики стали постепенно стихать.

Через некоторое время горячий ветер утих, хотя небо все еще было погружено в полумрак.

Ошеломленные путешественники смотрели друг на друга испуганными, недоверчивыми взглядами, ничего не понимая.

- Неужели это конец света?! - воскликнул боцман, недоверчиво оглядываясь вокруг.

- На земле произошла какая-то необыкновенная катастрофа[73], - ответил Вильмовский.

- Якуты кричали, что это знамение Огды, то есть бога огня и грома, - вмешался Збышек, который за время своей ссылки несколько ознакомился с языком туземцев.

- К дьяволу суеверия, ловите лошадей и в путь! - крикнул Смуга.

XXI
Неожиданная помощь

Боцман и Томек уже пять дней поджидали судно на берегу Амура. Спрятавшись в прибрежных кустах, они сидели на высоком обрыве, круто спускавшемся к воде. Моряк лежал на животе и, опираясь на локти, держал в руках морской бинокль. Время от времени он смотрел через него вверх по реке, или наблюдал за противоположным, русским берегом. Томек следил за лошадьми, спрятанными в роще, окружающей мыс, и задумавшись, молчал.

Со времени памятной схватки с преследователями, которая едва не закончилась трагически для участников таинственной экспедиции, прошло уже две недели. Только благодаря удивительному небесному явлению им тогда удалось спасти свои жизни. Они долгими днями и ночами пробирались по каменистым холмам и через тайгу, пока, наконец, не добрались до Амура. Во время ночной переправы на маньчжурский берег они понесли чувствительную потерю: переплывая реку в лодке, взятой у рыбаков, они тянули за собой лошадей на поводках. К сожалению, три из них утонули. Перегруженная людьми шаткая лодка и темнота помешали спасению животных. Измученные путники с трудом добрались до фанзы Фу Чау, где предусмотрительный Смуга оставил после битвы с хунхузами немного различных запасов. Старый китаец принял их радушно. Он не спрашивал ни о чем.

Затерянная у подножья гор фанза была превосходным убежищем для наших спутников. Всем требовался хороший отдых, причем измученный и больной Збышек и непривычная к конной езде Наташа вообще не могли тронуться с места, тем более что перед ними была дорога, чреватая непредвиденными опасностями.

Смуга долго раздумывал, по каком маршруту им лучше направиться к морю. Ввиду потери лошадей, часть участников экспедиции должна была идти пешком. Это исключало возможность прибытия на побережье в сроки, условленные с Пандитом Давасарманом. Что будет, если он уйдет без них, потеряв возможность ждать неопределенное время? Смуга ходил по фанзе, напряженно размышляя. Иногда он вполголоса советовался с друзьями. Раньше они намеревались через Маньчжурию добраться до Уссури, переправиться через нее и, продвигаясь вдоль берега притока Уссури, Имана, дойти до

залива Терней. Потеря лошадей и слабость ссыльных, делали этот план несбыточным.

Во время одного из таких совещаний, боцману пришла в голову идея. Он вспомнил прощание с капитаном "Сунгача" Некрасовым. Тогда капитан сказал боцману, что прежде, чем замерзнет Амур, он совершит несколько рейсов вверх по реке. Он также обещал, что охотно перевезет экспедицию назад в Хабаровск. В качестве сигнала, по которому Некрасов остановил бы свой буксир, было условлено дать четыре выстрела. Все участники экспедиции считали, что Некрасову можно доверять. Ведь он сам был политическим ссыльным и так же, как и они, ненавидел самодержавие. Он даже предостерегал их от Павлова. Неизвестно было одно - захочет ли он теперь помогать беглецам, преследуемым властями? Пойдет ли он на такой риск?

Слишком длительная задержка грозила печальными последствиями. Вот поэтому-то Смуга отправил боцмана и Томека на берег реки, чтобы, если посчастливится, задержать буксир.

Со времени ухода из фанзы прошло уже пять дней. За это время мимо боцмана и Томека прошли только три судна: одно - вверх и два - вниз по реке. По приказанию Смуги, сторожить на берегу Амура можно было не больше недели. Если за этот срок "Сунгач" не покажется, Смуга решил идти на восток пешком. Конечно, все отдавали себе отчет в ничтожных шансах встречи с "Сунгачом". Во-первых, они могли вообще не дождаться прохода буксира, а если бы он шел вниз по реке, не могли бы ожидать его возвращения. Кроме того, капитан Некрасов мог не согласиться на тайную перевозку беглых ссыльных. Смуга не очень рассчитывал на счастливый случай. Он послал боцмана и Томека на берег Амура скорее для очистки совести, тем более, что и без того надо было ждать, пока Збышек и Наташа отдохнут и восстановят свои силы.

Но пока что боцман и Томек бессменно дежурили на берегу. Они боялись, что "Сунгач" пройдет мимо них ночью. В темноте они могли его не узнать. Однако суеверный боцман верил твердо в счастливую звезду Томека. Сколько раз сообразительность и чутье его юного друга помогали боцману выйти сухим из воды! Поэтому он ежеминутно отдавал Томеку бинокль, говоря:

- Взгляни-ка браток! Ты ведь кое-чему научился от шаманов. Может быть, тебе удастся приворожить "Сунгач"!

Томек без устали следил за движением на реке, но буксира все не было и не было. На пятый день к вечеру, когда Томек готовил ужин, боцман, рассматривавший в бинокль зеркальную гладь Амура, воскликнул:

- Вниз по реке плывет старая калоша!

Томек забыл о еде. Он посмотрел на запад. Узкий столь дыма поднимался к небу. Через какое-то время обозначились контуры судна.

- Ах, пусть меня акула проглотит, если этот буксир не похож на "Сунгач", - воскликнул моряк.

Томек схватил бинокль. Он долго разглядывал судно, а потом одним духом выпалил:

- Вы не ошибаетесь, это буксир! И он тащит за собой две баржи!

- Я это уже давно видел и без бинокля, - высокомерно заметил боцман, гордый своим "соколиным зрением", остроту которого он неоднократно подчеркивал. - Я думал, что ты прочел его название!

- Увы, еще слишком далеко, но, может быть, вы разглядите в бинокль?

- Э, нет, в трубу смотри лучше ты! - ответил боцман. - Ты ведь во всех случаях жизни становишься на четыре лапы, как кот, возможно, и на этот раз тебе улыбнется счастье...

Томек опять поднял бинокль. Сосредоточенно смотрел... Потом повернулся к другу.

- Знаете боцман, это, пожалуй... и в самом деле "Сунгач"! Проверьте, пожалуйста.

Моряк выхватил бинокль из рук Томека, Через минуту боцман бросил его на землю и стал быстро раздеваться.

- Вы с ума сошли?! - воскликнул Томек. - Зачем вы снимаете штаны?!

- В одежде несподручно плавать, - кратко ответил боцман. - Это "Сунгач".

- Вы не ошибаетесь?! - Томек все еще не верил.

- Я знал, браток, что ты первый эту калошу увидишь! Ты свое сделал, теперь моя очередь. Я нанесу визит капитану Некрасову.

- Неужели вы думаете вплавь добраться до буксира?

- А как же, браток! Стрелять, пожалуй, здесь не очень можно, а кроме того, вероятно, Некрасов не обратил бы внимания на выстрелы. Ведь мы находимся на маньчжурском берегу.

- Да, но ведь вода чрезвычайно холодна.

- Не беспокойся, мне не впервой!

- Так давайте поплывем вместе!

- Нельзя, браток, держи наготове лошадей. Я доплыву мигом. А ты поезжай верхом вниз по реке, наравне с "Сунгачом", пока я не вернусь к тебе. Понял?

- Хорошо, боцман, только берегите себя!

- Не бойся, кому суждено висеть, тот зря не утонет...

От берега до буксира было не больше трехсот метров. Томек

теперь и без бинокля свободно читал его название. Это был "Сунгач".

Боцман немного разбежался и прямо с обрыва бросился в воду. Он вынырнул на поверхность в нескольких метрах от берега. Быстрое течение сносило его вниз. Боцман взял направление наискосок к середине реки. Сначала он довольно быстро удалялся от берега. Моряк внимательно смотрел вперед, желая обойти водовороты, и опять мерил глазом расстояние, остающееся до буксира. Вдруг прямо перед собой он заметил широкую, крутящуюся воронку воды. Попытался ее обойти, но быстрое в этом месте течение толкало его прямо в водоворот. Боцман решил поддаться течению. До водоворота оставалось всего лишь несколько метров, когда он ловким движением тела нырнул и мощными взмахами рук и ног пошел вниз, чтобы проскочить водоворот у дна, в самом его узком месте. Вот он почувствовал сильный рывок, вода подхватила его, завертела и потянула вниз. Однако моряку удалось выскочить из предательской ловушки. Вскоре, отплевываясь, он вынырнул на поверхность, но тут же почувствовал острую боль в левой ноге. Боцман перестал бороться с течением. "Сунгач" его догонял, а боль в ноге все усиливалась. Несмотря на то, что моряк стучал зубами от холода, на лице его выступили капли пота.

Боцман саженками поплыл вниз по реке. Если ему не удастся догнать буксир, все погибло. Судорога скрутила ему ступни, нога была словно парализована. Еще несколько минут отчаянных усилий, и боцман очутился всего в нескольких метрах от "Сунгача". Буксир обходил его, сыпля из трубы миллионы искр.

- Некрасов! - крикнул боцман.

На короткий миг он исчез под поверхностью воды. Вынырнул опять. Перед его глазами показались красно-черные круги. Собрав остаток сил, он еще раз крикнул: "Некрасов!"

- Алло, капитан, человек за бортом! - крикнул кто-то на буксире.

Спасательный круг упал на расстоянии вытянутой руки от боцмана. Он схватил его левой рукой и почувствовал огромное облегчение. Моряк продел руку через круг, оперся на него всем телом. Услышал, как застопорились машины на "Сунгаче". Спасательный круг, который вытягивали с борта с помощью троса, коснулся судна. Спустили трап. Сильные руки матросов подхватили боцмана и помогли ему войти на борт.

Колени у боцмана подгибались. Он как был, так и повалился на палубу, прямо под ноги своих спасителей. Матросы повернули его на спину, поддержали голову.

- Судорога, - с усилием шепнул боцман. - Вы вовремя

подоспели...

- Иван, водки! - крикнул Некрасов, с изумлением глядя на посиневшее лицо моряка.

Боцман глотнул сивухи. Иван умело массировал ему ноги. Вскоре боцман почувствовал значительное облегчение. Он приподнялся, сел и глубоко вздохнул.

- Черт возьми, медведь ты этакий! Я скорее ожидал найти тебя в когтях царских сыщиков, чем в реке, - воскликнул Некрасов. - Значит, вас не поймали! Где же твои друзья? А как тот ссыльный, которого вы хотели освободить из Алдана? Он в самом деле жив?

От изумления боцман совсем онемел.

- Где твои друзья? Что с ними?! - Некрасов нетерпеливо повторил вопросы.

- Все живы и здоровы... - осторожно ответил боцман. Он никак не мог понять, откуда капитан "Сунгача" узнал подробности о поездке в Алдан и о спасении ссыльного.

Некрасов присел около боцмана и спокойно продолжал:

- Слушай меня хорошенько, медведь ты этакий! Я возвращаюсь из Сретенска. Там много рассказывают о вашей сумасшедшей экспедиции. Говорят, будто вы искали какого-то ссыльного в Нерчинске. Не застав его там, подстрелили на дуэли жандармского штабс-капитана, взяли в плен агента охранки - я догадываюсь, что это Павлов - и пробрались в Алдан, где находился этот ссыльный. Один из вас будто бы представился уряднику как Павлов, похоронил мнимо умершего ссыльного и потихоньку удрал бы с ним оттуда, если бы снова не Павлов. Он бежал от вас и наделал шуму. Говорят, что ваша сообщница, сосланная за неблагонадежность, застрелила Павлова, когда тот в Алдане пытался арестовать заговорщика, который пользовался его документами. После вашего бегства из Алдана урядник начал дознание. Он приказал раскопать могилу ссыльного. В гробу лежали камни...

- Сто бочек прогорклого китового жира, этого мы от него не ждали! Вот хитрец, - воскликнул боцман.

- Слушай дальше, - продолжал Некрасов. - Урядник уведомил власти в Чите и Хабаровске, послал за вами погоню, которая вернулась с большими потерями, вдобавок до смерти перепуганная вашими "волшебствами". Говорят, будто вы позвали к себе на помощь дьявола... Теперь военные патрули ищут вас на всех дорогах, а в Сретенске люди бьются об заклад, поймают вас или нет!

- Ну, раз вы знаете почти все, тем лучше, - сказал моряк. - Мы укрылись на маньчжурском берегу Амура. Во время переправы мы

утопили нескольких лошадей, и теперь...

- Пойдем в мою каюту, - перебил его Некрасов. - Иван, брось якорь около правого берега. В случае чего - авария в котельной, понимаешь?

- Слушаюсь, господин капитан! - ответил Иван и весело подмигнул боцману.

Они вошли в каюту.

- Вы что, не очень доверяете своим молодцам? - спросил боцман.

- Не бойся, не бойся, медведь ты этакий, я сам подбираю людей, - ответил Некрасов. - Догадываюсь, что вам нужна срочная помощь.

- Люблю откровенную речь, поэтому говорю вам кратко: нам необходимо добраться до реки Иман в Уссурийском крае, - сказал боцман. - Если мы вовремя не придем в условленное место, то потеряем связь с нашим кораблем и... и...

- И веревка виселицы может затянуться на ваших шеях, - закончил Некрасов.

- Именно это я и хотел сказать, - согласился боцман.

Некрасов немного подумал, потом заявил:

- Я иду с грузом полушубков в Камень-Рыболов на берегу озера Ханка. Таким образом, я буду проходить мимо устья Имана в Уссури. Сколько вас?

- Пятеро и девушка.

- Я буду ждать вас на расстоянии одного километра от пристани, где суда пополняют запас дров, то есть в шести или семи километрах отсюда. Брошу якорь вблизи маньчжурского берега. Вы сумеете дойти туда к полуночи?

- Должны суметь, господин капитан! Но, послушайте, в случае провала вы повиснете с нами на одной виселице, - предостерег Некрасова боцман.

На лице Некрасова появилась мягкая улыбка. Он хлопнул боцмана по плечу и ответил:

- Ну что ж, по крайней мере, покачаюсь в хорошем обществе. Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Не беспокойтесь обо мне! Эй, Иван!

В каюту заглянул широкоплечий матрос.

- Подними якорь и... иди как можно ближе к правому берегу, - приказал Некрасов.

Вскоре "Сунгач" стал незаметно подходить к маньчжурскому берегу. Некрасов выглянул через иллюминатор.

- Ну, пора, - сказал он. - Возьмите с собой лишь самое необходимое и упряжь. Лошади на барже могут привлечь внимание патрулей, которые вас ищут.

Боцман согласно кивнул головой и протянул руку Некрасову.

- Вы хорошо запомнили, где мы должны встретиться? - спросил капитан, крепко пожимая руку боцману.

- Я туда попаду с завязанными глазами...

Они вышли на палубу.

- Иван, что там на горизонте?! - крикнул капитан.

- Путь свободен! - ответил Иван.

Боцман помахал им рукой на прощанье, взобрался на фальшборт и прыгнул в воду. Вскоре он вышел на берег и еще издали заметил Томека, подъезжавшего верхом на лошади. Побежал навстречу ему.

- Давай мое барахло, а то я немного замерз, - крикнул он, когда Томек с ним поравнялся. - Мы должны во весь опор скакать к нашим, потому что я уже купил билеты на судно! На борт войдем еще до полуночи...

* * *

"Сунгач" быстро шел вниз по реке, ведя на буксире две баржи. Капитан не оставлял мостика. Уже недалеко было до Благовещенска. По всей вероятности, все основные сети, расставленные для поимки беглецов, были сосредоточены в этом городе. Мнимая экспедиция звероловов началась в Приамурье, дошла до Алдана в Якутии и, вероятно, тем же путем должна была направиться к морскому побережью или китайской границе. Следовало ожидать, что Благовещенск, крупный административный центр Приамурья, будет местом контроля всего движения по Амуру. Ведь на всех пристанях, где "Сунгач" грузил дрова, рассказывали о военных патрулях, прочесывающих страну вдоль и поперек.

Некрасов отдавал себе полный отчет в том, что, оказывая помощь беглецам, он вмешался в опасную игру, ставкой которой была жизнь горсточки бесстрашных людей. Он знал также, что в случае неудачи ему придется разделить их судьбу. Несмотря на это, он ни минуты не колебался. Во время долгих лет каторги он сам не раз мечтал о побеге. Разве мог он теперь отказать беглецам в помощи? Он уже знал, почему Вильмовского и боцмана преследовала царская охранка, знал, за что приговорены юный ссыльной и Наташа; они тоже боролись с самодержавием.

Некрасов покуривал трубку. Капитан, казалось, спокойно смотрел на надстройку на руфе одной из барж. Там, в трюме, находилось помещение, где он спрятал беглецов.

Кончался пасмурный, дождливый день. Некрасов выглянул в

окно и поглядел на небо. До темноты оставалось не больше двух часов.

- Иван, на место! - приказал он. Потом скомандовал ускорить ход машин.

С узелком под мышкой Иван побежал в надстройку на барже. С левой стороны уже вырастали строения Благовещенска.

Некрасов поднес бинокль к глазам. У пристани стояло какое-то судно. На передней палубе толпились пассажиры. Они были оцеплены отрядом городовых. На пристани стояли вооруженные солдаты. Пасмурная погода мешала пароходу отчалить. Обычно, на Амуре по ночам прекращалась навигация.

Капитан "Сунгача" всадил руку за пазуху. Коснулся рукоятки револьвера. Убедившись, что револьвер у него в порядке, Некрасов раскурил погасшую было трубку и бросил краткий приказ:

- Причаливаем! Все по местам!

Коротким прерывистым гудком "Сунгач" сообщил о своем прибытии. Осторожно, левым бортом пристал к судну, стоявшему у пристани. К "Сунгачу" подбежал становой пристав.

- Прикажите всем подняться наверх! - потребовал он.

Некрасов был знаком с приставом. Он отдал ему честь и ответил:

- Пожалуйста, прошу, однако, прислать санитаров и взять с борта тяжело больного!

- Что за больной? - подозрительно спросил пристав.

- Один из экипажа...

- А что с ним?

- Я не уверен, но... боюсь оставить его на судне...

- Сейчас мы им займемся. Есть у вас пассажиры на борту?

- Нет. Эй, Милютин, давай всех наверх!

Экипаж "Сунгача" стал собираться у левого борта судна, рядом с бухтой троса. Там было скрыто оружие. Один из кочегаров держал в руке тяжелый железный ключ, у второго за поясом торчал длинный нож. Становой пристав, сопровождаемый городовыми, шпиками в гражданском и несколькими солдатами, очутился на палубе.

- Я не вижу больного, - резко сказал он, меряя взглядом молчаливых членов экипажа. - Где он?

- В надстройке, на барже, - ответил Некрасов,

- Почему там? - подозрительно спрашивал пристав.

Некрасов наклонился к нему.

- Вы, ваше высокоблагородие, сначала на него посмотрите, тогда все поймете...

- Обыскать буксир. Если кто-нибудь не вышел на палубу,

заковать в кандалы, - приказал пристав городовым. И добавил: - Шесть человек со мной!

Некрасов перелез через борт буксира на баржу. Пристав, окруженный вооруженными солдатами, последовал за ним. Некрасов отворил дверь надстройки.

- Почему здесь темно? - буркнул один из городовых, подозрительно глядя на капитана.

- Больного раздражает свет, - ответил Некрасов. - Я сейчас приоткрою окно.

Он поднял жердь, всадил ее в надстройку и немного отодвинул мешок, закрывавший окошко. Пристав вошел в надстройку. За ним последовал солдат с винтовкой в руках. Они остановились, увидев человека, лежавшего на койке. Его грудь тяжело вздымалась от прерывистого дыхания. Наружной стороной ладони он закрывал глаза. Пристав наклонился над ним. Руки и заросшее бородой лицо больного были покрыты красными пятнами и черными струпьями. Полицейский быстро отпрянул.

- Что с ним? - спросил он, изменившимся голосом.

- Похоже на оспу, - полушепотом сказал Некрасов. - А впрочем, черт его знает, может быть, это проказа. Я в этом деле смыслю мало. Держу его здесь, чтобы не заразить остальных ребят... Прикажите, ваше высокоблагородие, взять его в больницу...

Начальник спешно вышел на воздух.

- Вы что, хотите распространить заразу в городе? - возмущенно сказал он. - Вон из порта! Что везете и куда?

- Полушубки в Камень-Рыболов.

- Выходи оттуда! - приказал пристав солдату, который чуть не разбил голову о притолоку низкой двери, выбегая из надстройки.

Только теперь Некрасов незаметно вынул руку из-за пазухи. Он насупил брови и сказал:

- Этого человека надо отправить в больницу. Я не могу остаться без экипажа!

- По приказанию его превосходительства губернатора вы обязаны немедленно уйти из порта!

- Я не могу идти ночью, - возразил Некрасов.

- Бросьте якорь где-нибудь на середине реки, подальше от города. А ну-ка, - обратился он к солдатам, - обыскать груз на баржах! Да тщательно ищите!

Пристав вернулся на буксир вместе с командиром взвода солдат. Некрасов закурил трубку и исподлобья смотрел на солдат, рывшихся среди тюков на баржах. Никто из них не подходил к помещению, где лежал больной. Через несколько

минут городовые и солдаты оставили буксир, который сейчас же отчалил.

"Сунгач" медленно удалялся от пристани. Некрасов стоял на палубе до тех пор, пока последние строения Благовещенска не скрылись во мраке ночи. Только тогда он подошел к надстройке на барже.

- Иван, ступай на вахту, но сперва умойся, - крикнул он с порога.

- Слушаюсь, капитан... "Струпья" поотпадали сами, потому что хлеб высох...

Капитан расхохотался и зажег свечу. Открыл люк в полу.

- Конец тревоги! Прошу всех наверх, к ужину! - крикнул он.

- Ну, я начинаю верить, что нам удастся выбраться из ловушки, - сказал боцман, с трудом протискиваясь через небольшой люк в полу. - Великолепная идея с этой оспой.

- Тем лучше... для них и для нас, - ответил Некрасов. - Можете положить оружие. Думаю, что ночь пройдет спокойно...

XXII
Не подведет ли Пандит Давасарман

Стояла одна из тех темных, холодных и ветреных ночей, какие бывают в Уссурийском крае. На берегу залива Терней, несколько выше места впадения реки Сицы в Японское море, время от времени появлялся красноватый, меняющий яркость свет. Казалось, что кто-то посылает сигналы неизвестному, находящемуся в открытом море. Это Смуга и его друзья призывали Пандита Давасармана, чтобы он взял их на свой корабль.

С тех пор как они притаились среди скал на крутом побережье, прошло пять долгих дней и ночей. Они давали условленные сигналы, а Пандита Давасармана все не было. Смуга стоял, склонившись над огнем, горевшим в очаге, выложенном из камней, который сверху накрывался одеялом. В равные промежутки времени он снимал одеяло и открывал огонь в сторону моря. Оттуда свет костра можно было заметить на весьма далеком расстоянии.

- Сидим на мели, - недовольно пробурчал боцман. - Дело выглядит так, что вместо Пандита Давасармана мы привлечем к себе внимание казаков...

- Возможно, Удаджалак не очень точно запомнил инструкцию, - печалился Томек.

- Мы прибыли на несколько дней позже, чем это было условлено, - сказал Вильмовский. - Однако я не думаю, чтобы Пандит Давасарман не посчитался с возможностью нашего опоздания,

Томек пытался взглядом пробить темноту ночи. Издалека слышался монотонный шум морского прибоя. Пронзительный ветер свистел среди прибрежных скал... Томек взглянул на Наташу и Збышека. Они, нахохлившись, сидели под скалой. Люди, не привычные к далеким путешествиям, они особенно страдали во время этого двухнедельного похода по Уссурийскому краю. Некрасов довез их на своем "Сунгаче" до самого устья Имана, но здесь им пришлось расстаться. Они не могли также пойти на риск покупки лошадей, так как это могло стать известным полиции. Поэтому, захватив скромные запасы продовольствия и спальные мешки, они пешком углубились в Уссурийскую тайгу. Смуга и Вильмовский не боялись заблудиться. Достаточно было идти вдоль течения реки Имана. К сожалению, силы ссыльных быстро иссякли. Темпы марша

слабели день ото дня. Несколько раз пришлось на коротких участках дороги нанимать у туземцев лодки. Они редко, однако, заглядывали в их жилища. Известие о появлении вооруженной группы иностранцев могло быстро дойти до военных властей. Одинокие охотники и сборщики жень-шеня часто принимали их за хунхузов и бежали от них прочь.

Таким образом, они пришли к берегу моря значительно позже, чем это было условлено с Пандитом Давасарманом, что могло повлечь за собой весьма печальные последствия.

Измученные, без запасов продовольствия, участники экспедиции со скрытым отчаянием ждали спасения, которое все не приходило,

Один лишь Смуга не падал духом. Из ночи в ночь он упорно подавал сигнал. Всегда любивший пошутить, боцман теперь только притворялся веселым, чтобы поддержать друзей. Втайне от других он все крепче затягивал пояс, а вслух подшучивал, что вскоре станет стройнее Наташи.

Томек в мрачном раздумьи наблюдал за Смугой и боцманом, которые часто сменяли друг друга у сигнального костра.

- Что мы сделаем, если Пандит Давасарман уже отплыл без нас? - сказал он, не в силах скрыть свои опасения.

- Пандит Давасарман не подведет, - ответил Смуга. - Видимо, ему нельзя слишком часто подходить к берегу.

- Думаю, вы правы. Пандит Давасарман - это хитрец из хитрецов, и знает, что делает, - согласился боцман, хотя опасался неудачи не меньше Томека.

- К счастью, со вчерашнего дня луна скрывается за тучами, - заметил Вильмовский. - В такую темную ночь огонь виден лучше и с большего расстояния.

- Вы в самом деле верите в возможность спасения? - шепнула Наташа.

Боцман присел рядом с девушкой. Жесткой рукой он погладил ее по щеке и сказал:

- С голоду барабаны бьют у нас в животах, вот мы и повесили носы. Но мы и не в таких переделках бывали! Правда, браток? - обратился он к Томеку.

- Верно, бывало и хуже...

- У нас было такое же настроение, когда индейцы похитили нашу Салли и увезли ее в Мексику. А мы все же нашли ее...

- Как это было? Расскажите, пожалуйста, - спросил Збышек, желая рассеять грустные мысли Наташи и развлечь ее.

- А вот как. Собрались мы с Томеком в Аризону, где должны были встретиться с Салли...

- Тише, - предостерегающе крикнул Смуга, внимательно

прислушиваясь к чему-то.

Где-то сзади покатился камень. Смуга накрыл костер одеялом, схватил в руки винтовку. Боцман, Томек, Вильмовский и Збышек заняли позицию вокруг Наташи. Слышно было, как кто-то крадется со стороны суши. Это мог быть только враг...

Смуга пытался проникнуть взглядом темноту. Вдруг где-то прямо над ними кто-то сказал по-русски:

- Не стреляйте! Кто вы такие?!

Они молчали, сжимая винтовки в окоченевших от холода руках.

- Не двигайтесь, мы вас держим на прицеле, - снова послышался тот же голос. - Кто вы такие?

- Если вы интересуетесь, то идите сюда и посмотрите! - ответил Смуга.

Кто-то соскочил со скалы и сорвал одеяло, прикрывавшее костер. Красноватый свет ожил. Они увидели мужчину, одетого в непромокаемый плащ с капюшоном. В руках у мужчины был револьвер. А дальше во мраке виднелись еще фигуры людей, тоже в капюшонах, с винтовками, направленными в сторону беглецов, спрятавшихся за скалами.

- Мы здесь, сагиб! - раздался спокойный, незабываемый ни для кого, кто его слышал хоть раз в жизни, сильный голос.

- Друг! - крикнул Смуга.

Этот суровый и сдержанный мужчина порывисто протянул индийцу руки.

Через минуту все пожимали руку Пандита Давасармана, а тот перебегал взглядом от одного лица к другому.

- Боги сохранили вас... - сказал он, волнуясь. - Все целы.

- А то как же! Нашего полку даже прибыло и теперь нас больше, чем ты ожидал, - засмеялся боцман.

- Скоро рассвет, не будем терять времени, - сказал Пандит Давасарман. - Шлюпка стоит в сотне метров отсюда...

Наташа зашаталась на ногах. Боцман подхватил ее на руки.

- Веди нас, Пандит Давасарман, потому что мы умираем от голода и жажды, - воскликнул он. - Я понесу этого ребенка на руках, так будет скорее!

* * *

Большая шлюпка с молчаливыми фигурами людей быстро удалялась от берега. Вильмовский обнял Томека. Молча, но с радостью в душе они вглядывались в темный силуэт яхты.

notes

Примечания

1

Обширная горная территория, возвышающаяся над двумя прилегающими к ней равнинами: Зейско-Буреинской на западе и Нижне-Амурской на востоке. К югу хребет переходит реку Амур и в Маньчжурии носит название Малый Хинган.

2

Муссон - ветер, меняющий направление зимой и летом. Зимние муссоны дуют с севера и северо-запада (из глубины суши к океану) и несут с собой холодную, сухую, солнечную погоду. Летние муссоны, не слишком жаркие, дуют со стороны океана (с юга и юго-востока), и несут с собой теплый, влажный воздух. Поэтому на восточных склонах Буреинского хребта лето бывает теплым и дождливым, хотя отличается частыми туманами.

3

Нучи - на языке нанайцев значит "малый".

4

Нанайцы (прежнее название - гольды) живут на Дальнем Востоке, по берегам рек Амура и Уссури.

5

Амба - тигр по-нанайски.

6

В царские времена Сибирь в течение долгого времени была местом ссылки русских и польских революционеров. Первые поляки очутились в Сибири, как военнопленные, еще во время войн Стефана Батория с Иваном Грозным. В XVII в., когда войны между Польшей и Россией участились, в Сибирь направлялись пленные поляки в довольно значительном количестве. В XVIII в., в связи с Барской конфедерацией и восстанием Тадеуша Косцюшко в Сибирь были сосланы многие поляки. По указу от 29 мая 1768 г. царское правительство сослало членов конфедерации в Сибирь, включив их в качестве солдат в местные гарнизоны. После восстаний 1831 и 1863 годов, в Сибирь были сосланы десятки тысяч поляков. Позднее, участвуя в революционном движении XIX и начала XX веков, поляки разделяли ссылку с многочисленными русскими революционерами, томившимися в Сибири.

7

Речь идет о революции 1905 г. в России. Революционные рабочие партии (Социал-демократическая партия Королевства Польского и Литвы, а также Польская социалистическая партия) в ответ на события 9 января в Петербурге призвали рабочих начать всеобщую забастовку, которая охватила всю часть Польши, находившуюся в пределах Российской империи. После разгрома царскими войсками первомайской демонстрации в Варшаве в 1905 г. на всей территории бывшего Царства Польского вспыхнула ожесточенная революционная борьба. В ней участвовали студенты и ученики средних учебных заведений, которые требовали реформы образования и в частности, введения в школах родного языка. Несмотря па поражение революции, полякам удалось добиться некоторых облегчений.

8

Алвар - город, столица одноименного княжества в северо-западной Индии.

9

Долгие годы путешествие по Сибири совершалось по т.н. сибирскому тракту. Поездка из Москвы к берегам Тихого океана длилась около двух месяцев. Только в 1891-1906 гг. в южной Сибири была построена железнодорожная линия от Москвы до Владивостока. Позднее был построен участок Чита-Рухлово (Сковородино) - Благовещенск-Хабаровск, откуда до Владивостока вела линия, построенная в 1894 г. Участок от Рухлова до Хабаровска закончен строительством в 1915-1917 гг., а во время, к которому относится наше повествование этот участок только строился.

10

За помощь, оказанную вождю племени апачей по имени Черная Молния во время пребывания Томека в Аризоне (смотри книгу "Томек на тропе войны") индейцы-апачи избрали Томека почетным членом своего племени.

11

Якуты (или саха, как они сами себя называют) живут в бассейне Лены и Енисея, вплоть до берегов Охотского моря.

12

Бурундук - (Tamias sibiricus) грызун величиной с крысу, по внешнему виду похожий на белку. Темные полосы на теле напоминают тигровую шкуру. Собирает на зиму запасы пищи, которую носит в свои кладовые в защечных мешочках.

13

Олень Дыбовского (Pseudaxis hortulorum) был открыт выдающимся польским путешественником Бенедиктом Дыбовским. Дыбовский родился 30 апреля 1833 г. в Адамчине в Белоруссии, умер во Львове в 1930 г. После восстания 1863 г. Дыбовский был приговорен к смертной казни с заменой на 12 лет каторги в Сибири. Он тяжело работал на осушке болот и на лесных разработках в Забайкалье, и одновременно изучал фауну Байкала и Амура. Интересные открытия принесли Дыбовскому мировую славу, и каторга была заменена ссылкой. В 1873-74 гг. Дыбовский в обществе Виктора Годлевского изучал фауну реки Уссури. В 1877 г. вернулся в Польшу, но вскоре, на этот раз добровольно, опять поехал в Сибирь, где в течение четырех лет исследовал Камчатку, Курильские и Командорские острова, собирал ценные экспонаты и изучал языки айнов, камчадалов (ительменов), коряков. Почти 50 видов животных получили название от имени Дыбовского. В 1883 г. Дыбовский вернулся в Польшу. Стал руководителем кафедры зоологии во Львовском университете. Опубликовал 175 научных трудов; составленные им словари изданы Польской академией знаний в 5 томах.

14

Марал (Servus elaphus sibiricus) - обитает на юге Уссурийского края, в бассейне реки Уссури, однако не переходит границы хвойных лесов Сихотэ-Алиня. На побережье встречается вплоть до мыса Олимпиады.

15

Лось (Alces alces) - принадлежит к крупнейшему виду семейства парнокопытных. Мощное животное с короткой шеей, высокими ногами; рога лопатообразные.

16

Северный олень (Rangifer tarandus) - в противоположность всем другим видам оленей обладает нерегулярно разветвленными рогами, которые имеются как у самцов, так и у самок. Широкие копыта позволяют ему удерживаться на снегу и льду. Во время бега по твердому грунту суставы оленя издают характерный треск. В лесах и тундрах северных районов Старого и Нового Света обитает около 14 видов этого оленя.

17

Кабарга (Moschus moschiferus) - небольшой юркий, безрогий олень, обитающий в горных лесах Центральной Азии. Летом часто сходит ниже 2500 м. Из-за отсутствия рогов выделен в отдельный подвид оленей, но по строению тела тесно связан с ними. Высота кабарги колеблется около 70 см, длина туловища - около 1 м; кабарга выше сзади, чем спереди, обладает короткой шеей и тонкими ногами. Расставляя широко копытца, кабарга может скользить по гладким склонам гор, уверенно ходить по болотам, снегам и ледникам. Зимой питается, главным образом, древесными побегами, летом - сочной, горной растительностью. Ходит всегда по одним и тем же тропинкам, поэтому легко попадает в ловушки. У самцов внизу живота находятся железы, выделяющие мускус, который в свежем состоянии представляет из себя темную, клейкую массу, а в сухом виде - порошок с сильным, приятным запахом.

18

Весталки - жрицы богини Весты в древнем Риме, которые поддерживали вечный огонь. Если бы этот огонь погас, по поверью, страну постигло бы несчастье.

19

Светлячки (Lampyris noctiluca и другие виды) - жуки семейства мягкотелых. Самки и самцы этих жучков, а иногда даже их яйца, личинки и куколки имеют способность светиться. Свечение происходит за счет быстрых химических реакций некоторых веществ, находящихся в телах жуков. По всей вероятности, свечение взрослых особей носит половой характер.

20

Филин (Bubo bubo) - самый выдающийся и наиболее известный представитель отряда сов. Достигает 75 см длины, то есть отличается значительными размерами. Характерны длинные перышки спереди головы, так называемые уши, и короткие крылья Оперение у филина густое, сверху ржаво-желтого цвета, на горле беловато-желтое, уши черные. Гнездится в расщелинах скал, или среди густых ветвей хвойных деревьев, иногда прямо на земле под деревом или около пня. Ловит тетеревов, глухарей и Других лесных птиц, зайцев, крыс, белок, жаб, крупных жуков, бывает, что нападает на молодых косуль Любит болотистую, темную чащу, где жирует по ночам.

21

Лесная горлица (Streptopelia risorta) - птица из семейства голубиных, похожая на обыкновенную горлицу (Streptopelia turtur). Издает звуки, состоящие из ясно выраженных слогов: "ку-кру-ну". У нее красивое серое оперенье, с черным колечком на шее.

22

Заяц-беляк (Lepus timidus) отличается от других зайцев способностью менять окраску меха. Из коричневато-рыжего летом, заяц-беляк становится снежно-белым - зимой. Изменение цвета происходит за счет осенней и весенней линьки и появления шерсти нового цвета. Пальцы на лапах у зайца-беляка покрыты твердой шерстью, что облегчает ему хождение по снегу. Зайцы-беляки распространены в северных областях Старого Света. Многочисленные их виды встречаются в Швеции, на севере России, в Ирландии и в северной Азии.

23

Бурый медведь (Ursus arctos). Существует много видов этого животного. Медведи встречаются на всех материках от Камчатки до Испании и от Лапландии до Ливана и Западных Гималаев.

24

Рябчик (Tetrastes bonasia) - птица семейства тетеревиных, отряда куриных. Водится в лесах повсеместно от Пиренеев до Тихого океана, в основном в девственных пущах. Ведет скрытый образ жизни. Самцы достигают длины 45 сантиметров и отличаются от самок черным оперением на горле. Питаются листьями деревьев, почками и ягодами, зимой и весной - сережками березы, лещины, ольхи и побегами черники.

25

Речь идет о Саксонском саду в Варшаве.

26

Вацлав Серошевский (псевдонимы: Сирко и К. Багриновский) родился в деревне Вулька Козловская близ Варшавы в 1858 г., умер - в 1945 г. За участие в социалистической организации, созданной Л, Варыньским был сослан в Сибирь, где провел 15 лет, в том числе 12 - в Якутии. Он занимался исследованиями страны и изучением быта коренных жителей, после чего написал книгу "Двенадцать лет в стране якутов", изданную в Варшаве в 1900 г., за которую получил золотую медаль Петербургского географического общества и разрешение вернуться на родину. По поручению указанного Общества, Серошевский в 1902-1903 гг. изучал народности Восточной Сибири, в частности айнов, обитающих на Сахалине и в северной части Японии. Из этой экспедиции он вернулся в Польшу через Корею, Китай, Индию и Египет. Принимал участие в революции 1905 г. Позднее путешествовал по Европе и Америке, и использовал свои наблюдения и переживания в литературном творчестве. Написал около двадцати романов и много рассказов.

27

Людвик Варыньский родился в 1856 г. под Киевом. Учился в Технологическом институте в Петербурге, потом - в Сельскохозяйственном институте в Пулавы. Участник революционного студенческого движения в России. Выдающийся представитель первого поколения польских социалистов, основатель и один из вождей социалистических кружков в Царстве Польском. Выл главным обвиняемым на процессе социалистов в Кракове, за революционную деятельность в Галиции. После освобождения уехал в Женеву, где редактировал журнал "Рувность". Участвовал в разработке т.н. "брюссельской программы польского социализма". В качестве основателя и предводителя первой польской рабочей партии "Пролетариат", был арестован и судим на процессе 29 деятелей партии. Варшавский генерал-губернатор Гурко заменил ему смертную казнь 16 годами каторги. Умер Варыньский в Шлиссельбургской крепости в 1889 г.

28

Амур - река в Восточной Азии. Образуется слиянием рек Шилки и Аргуни. Амур впадает в обширный Амурский лиман Татарского пролива, соединяющего Охотское и Японское моря. Длина Амура с Шилкой и Ононом - 4354 км. (9 место в мире по протяженности). По площади бассейна (1843 тыс. кв. км.). Амур занимает 10 место среди речных бассейнов мира и 4 место в Сибири (после Енисея, Оби и Лены). Китайское название Амура - Хэйлунцзян (река черного дракона), а также Хэйхэ (Черная река). Коренные жители низовьев Амура называют его Маму, что послужило основанием для некоторых исследователей объяснить слово Амур, как искаженное Маму. По мнению других Амур - искаженное название монголо-тунгусского - "Харамурень" ("Черная река"). (См. БСЭ, т. 2).

Для сравнения можно напомнить, что в реках волжского бассейна обитает 75 видов рыб.

30

Амурский осетр (Acipenser schrenki) и калуга (Huso dauricus) рыбы, которые заменяют в Сибири белугу, относятся к семейству осетровых и являются эндемичными породами, т.е. присущими только данной территории.

31

Ловля тихоокеанских лососей (кета, горбуша, кижуч и чавыча) является основой амурского рыболовства.

32

Швартовы - канаты с петлей на конце, которые крепятся на судне к кнехтам, а на суше к столбам, которые носят название рымов или палов.

33

В 1873 году на берегу реки Кары, близ нерчинских рудников, царские власти построили тюрьму; рядом находились золотые и серебряные рудники, принадлежавшие царскому дому. На протяжении 17 лет тюрьма в Каре была местом, где отбывали наказание политические "преступники", приговоренные к каторжным работам. Количество таких "преступников" увеличивалось в годы подъема революционного движения. В Каре среди заключенных были представители всех национальности царской России. Первыми поляками, приговоренными к каторге за социалистическую деятельность, были члены партии Пролетариат: Феликс Кон и Тадеуш Рехневский, - оба студенты юридического факультета, Мечислав Маньковский - столяр и Хенрик Дулемба - мыловар. Вместе с ними в Каре отбывал наказание тоже член Пролетариата, русский Николай Лурия, капитан, военный инженер.

34

Игра заключалась в том, что один участник показывал сжатый кулак и готовился разжать его, выставив несколько пальцев. Второй участник должен был безошибочно сказать, сколько пальцев покажет противник. Если он угадал, то противник должен был выпить столько рюмок водки, сколько он показал пальцев. Если ошибался, то должен был сам выпить такое же количество рюмок.

35

Маурицы Аугуст Беневский родился в 1746 г. в Вербове (Словакия, в то время на территории Венгрии) в семье кавалерийского генерала, женатого на баронессе Равай. В молодости служил в австрийской армии, некоторое время гостил в Польше у своего дяди. После недолгого пребывания в Венгрии поехал в Гданьск, Амстердам и Плимут, где изучал мореходное искусство. Беневский собирался выехать в Восточную Индию, но его вызвали в Польшу, где он присоединился к Барской конфедерации. За успешные бои под Ланцкороной и Краковом, он был произведен в генерал-квартирмейстеры. В одном из боев под Краковом, Беневский попал в русский плен, что произошло 19 мая 1769 г. Его вывезли в Казань, после заключили в Петропавловскую крепость, а потом сослали на Камчатку, откуда ему удалось счастливо бежать. Погиб Беневский на острове Мадагаскаре, где его предательски застрелили французы, позавидовавшие ему успехов на острове.

36

Бунт и побег Беневского обросли многочисленными легендами, которые рассказывают во множестве вариантов.

37

Харбин - центр северо-восточной провинции Китая Хэйлунцзяя. Насчитывает 1,5 млн. жителей. Советское правительство передало Харбин вместе с Китайско-Восточной железной дорогой китайскому народу. Участок этой дороги, протяженностью 1500 км проходит от станции Маньчжурия до станции Пограничная. Кроме того, из Мукдена в Порт-Артур идет ответвление длиной 1000 км.

38

Хэйхэ - китайский город, расположенный в 14 км к северу от Айгуня.

39

Варнаками в Сибири называли беглых каторжников.

40

Николай Михайлович Пржевальский (1839-1888) - генерал-майор один из самых выдающихся русских исследователей Азии. В 1868-1869 гг. совершил поездку по Уссурийскому краю между нижним течением Амура и берегами Японского моря. В 1870 г. и позже возглавил четыре экспедиции для исследования северной части Средней Азия, начало которым было положено Семеновым-Тянь-Шаньским. Более подробные данные об этих путешественниках читатель может найти в книге "Томек ищет Снежного Человека".

41

Хунхузы - (китайское хунхуцзы), то есть краснобородые, участники вооруженных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае с середины XIX века до победы революции в Китае.

42

Фанза - китайский дом.

43

Снежный барс, или ирбис (Uncia uncia) принадлежит к семейству кошачьих, достигает роста пантеры, но обитает в холодном климате. Родина ирбиса - горы Средней Азии, от Туркестана до Амура. В Гималаях чаще встречается по тибетской стороне, чем по индийской, где летом находится на большой высоте. Зимой сходит ниже 3000 м.

В настоящее время Маньчжурия представляет собой довольно плодородную и хорошо освоенную территорию, где сеют пшеницу, просо и сою. Маньчжурия отличается муссонным климатом, то есть там обычно бывает сухая, малоснежная зима, с частыми песчаными бурями, и жаркое лето, которое изобилует дождями. В Маньчжурии много минеральных богатств: каменного угля, железной и медной руды, золота, вольфрама, графита и марганца. Большинство населения - китайцы. Важнейшие города: Харбин, Чанчунь и Мукден (Шеньян). Маньчжурия обширная страна, площадью около 1 миллиона квадратных километров, входит теперь в состав Китайской Народной Республики.

45

Кан - в русских домах похоже устройство так называемой лежанки.

46

Рысь (Lynx lynx) - хищное животное семейства кошачьих. Отличается небольшой головой, острыми ушами с кисточками и большими бакенбардами. Несмотря на кажущуюся худобу, рысь - чрезвычайно сильное животное. Длина его тела доходит до 1,3 м, высота до 75 см. Обитает в Тироле, Штирии и Швейцарии в северной и восточной Европе. Из России рысь распространилась в Азии, где обитает в горных и покрытых лесами северных территориях.

47

Соболь (Martes zibellina) от лесной куницы отличается конусообразной формой головы, высокими, крепкими конечностями, блестящей, шелковистой шерстью и большим желтым пятном на горлышке. Прежде соболь был распространен на всей территории северных областей Старого и Нового Света. Из-за ценного меха соболи безжалостно истреблялись. Только в последнее время поголовье соболей Сибири увеличилось благодаря предпринятым мероприятиям по их охране.

48

Площадь пресноводного озера Байкал составляет 31500 кв.км. Озеро расположено на высоте 453 м над уровнем моря. Длина озера 670 км, ширина - 73,5 км, глубина доходит до 1741 м. В Байкал впадает 330 рек, а вытекает из него только одна - Ангара. Озеро отличается своеобразной фауной, во многих случаях совершенно уникальной. В исследовании Байкала принимали, в частности, участие также польские ученые, политические ссыльные: геолог Александр Чекановский, заслуги которого в исследовании Сибири отмечены тем, что его именем названы горный хребет близ устья Лены, один из хребтов Даурских гор, поселок на верхней Хатанге; Ян Черский (хребет Черского), крупнейший горный массив восточной Сибири, и зоолог Бенедикт Дыбовский, открытия которого в области фауны Байкала и Амура принесли ему мировую славу. Именем Дыбовского названо около 50 видов животных.

Богдо - по-бурятски святой.

50

Кабака - или царь Буганды (Уганды) в Экваториальной Африке. Смотри книгу "Приключения Томека на Черном континенте".

51

Дацан - монастырь.

52

Ангаши - профессиональный охотник.

53

Сибирские крестьяне зовут бурятов братскими.

Мунгум - деньги.

55

Жень-шень (Panax ginseng) растение из семейства аралиевых встречается в Уссурийском крае, в Северном Китае и Корее. В настоящее время в Советском Союзе, Канаде, Соединенных Штатах Америки и Японии организованы плантации жень-шеня. Надземная часть, высотой около 70 см отличается серозелеными, пятипольными листьями и мелкими цветами. Осенью на месте цветов появляются светло-красные или черно-красные ягоды. Корень этого растения, употребляемый в медицине, благотворно влияет на работу коры головного мозга, нервную систему и является превосходным укрепляющим средством.

56

Жунь - древнее название нынешнего Тибета. Лхаса - так первоначально назывался храм, построенный в VII в. нашей эры. Лха - по-тибетски бог, са - земля.

57

Григорий Николаевич Потанин (1835-1920) - выдающийся русский путешественник, географ и этнограф, в своем труде, изданном в Томске в 1912 году, пытается определить источники сказания о строительстве чудесного храма, которое в различных вариантах распространено у многих народов Азии и Европы. Потанин опровергает прежнее суждение о том, что эта легенда берет начало в Индии. По его мнению, родина мифа о строительстве храма - Монголия, откуда легенда распространилась среди других, иногда весьма отдаленных народов.

58

Под Мишихой, на южном берегу Байкала в 1866 году польские ссыльные под командованием Густава Шрамовича выдержали неравный бой с русскими войсками. Русские власти на братской могиле погибших повстанцев поставили крест с надписью: "Здесь погребены взбунтовавшиеся Польские Мятежники, убитые во время перестрелки 28 июня 1866 г."

59

Парижская Коммуна - первое в истории правительство рабочего класса, возникшее в Париже в марте 1871 года в результате народного восстания против правительства Тьера. Парижская Коммуна просуществовала два месяца и пала в результате действий войск французской буржуазии, вступившей в сговор с германскими войсками. На стороне Коммуны воевали многие поляки во главе с генералами Ярославом Домбровским и Валерием Врублевским.

Дорога строилась от станции Байкал, через Маритуй, Култук, Слюдянку, Утулик, Мурино, Танхой, Мишиху и далее до Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ).

61

Из стихотворения поэта Корнеля Уейского (1823-1897) "На смерть расстрелянных и Иркутске". (Перевод В.Э. Арцимовича).

62

По книге Владислава Евсевицкого: "В сибирской ссылке", Варшава, 1959 г.

63

Нерчинск - город, расположенный близ реки Шилки в Юго-Восточной Сибири; в прошлом город был известен торговлей мехами, чаем и скотом. Основан в 1654 г.

64

Пандит - ученый в Индии. Подробности смотри в книге "Томек ищет Снежного Человека".

65

Становой хребет - горная цепь в Восточной Сибири, простирающаяся от северной части Яблонового хребта до побережья Охотского моря. Самая высокая вершина - Голец Скалистый достигает высоты 2412 м.

66

Хоккайдо, древнее название Эдзо, один из четырех крупных японских островов, самый северный из них. От Уссурийского края отделен Японским морем. Гористый остров, покрытый в большинстве хвойными и лиственными лесами, располагает залежами угля, нефти, железной руды и руд других металлов. На острове работают судостроительные заводы. По поручению Русского географического общества на этом острове в 1902-1903 годах Вацлав Серошевский исследовал быт коренного населения острова - айнов.

Восточная Сибирь, расположенная между Западной Сибирью и Дальним Востоком, занимает огромную территорию: от водораздела Оби и Енисея на западе, до горных хребтов, простирающихся вдоль берегов Тихого океана на востоке; на юге, граница Восточной Сибири проходит вдоль государственной границы СССР с Монгольской Народной Республикой и Китаем, а на севере доходит до берегов Северного Ледовитого океана.

Местные национальности, прежде находившиеся под царским гнетом, после революции получили автономию, положившую начало их культурному и экономическому развитию.

68

Ян Черский, исследователь Восточной Сибири, родился в 1845 г в Витебской губернии. После польского восстания 1863 года, в семнадцатилетнем возрасте, был отдан в солдаты и служил в отряде, расположенном в Омске. От военной службы освобожден в 1869 году, после чего в Омске изучал сравнительную анатомию, потом поселился в Иркутске и посвятил себя изучению геологии и географии Восточной Сибири. Возглавил ряд экспедиций в Забайкалье, к Саянским горам, Верхоянскому хребту, изучал бассейны Индигирки и Колымы. После освобождения из ссылки, в течение 5 лет находился в Петербурге, где работал в Академии наук. Летом 1891 г. Черский с женой и двенадцатилетним сыном, верхом на лошадях, направился в Верхне-Колымск через Верхоянские горы и параллельные им хребты, которые позднее получили название хребтов Черского. Тяжелые условия зимовки в Верхне-Колымске подорвали здоровье Черского. Несмотря на это, он отправился в путь вниз по реке. Умер в 1892 г. на берегу Колымы и похоронен в устье реки Омолона. Умирая, он просил жену довести экспедицию до Нижне-Колымска, что она и сделала. Черский - автор многих трудов. Кроме горного хребта в Северо-Восточной Сибири, имя Черского присвоено одному из горных хребтов Забайкалья, простирающемуся параллельно реке Инготе к востоку от Читы.

69

Полюс холода - место на земле с самыми низкими температурами воздуха. В северном полушарии до недавнего времени таким полюсом считали район Верхоянска, где температура зимой понижается до -69ьС. Но позднее установлено, что полюс холода находится несколько дальше к северу на Оймяконском нагорье, где отмечена температура ниже -70ьС. В южном полушарии полюс холода находится на Антарктиде, где отмечена температура -83ьС.

Почти вся территория Якутии находится в районе вечной мерзлоты, поэтому уже на небольшой глубине в земле царит низкая температура. Таким образом, здесь хорошо сохранились останки животных минувших эпох, как например: мамонта и полосатого носорога, которые жили на территории Восточной Сибири до похолодания климата. Кости мамонта часто находят в речных отложениях, а на побережье Северного Ледовитого океана их чрезвычайно много.

71

К числу тюркских народов, проживающих в Сибири, кроме якутов, относятся монголы и буряты.

Коренное население средней Сибири - тунгусы или эвенки. С языковой точки зрения к тунгусам близки гольды или нанайцы, а также маньчжуры.

Подобная катастрофа случилась 30 июня 1908 года, когда в бассейне Подкаменной Тунгуски упал знаменитый тунгусский метеорит. Взрыв был настолько силен, что образовался высокий столб дыма, похожий на атомный гриб. Взрыв слышался на расстоянии около 800 км; сила ветра была такова, что деревья валились с корнем, ветер срывал крыши, переворачивал заборы, валил людей и животных еще на расстоянии 150 км от места взрыва. Сейсмографические обсерватории в Сибири, Ташкенте и Иене (Германия) отметили крупное землетрясение. Воздушная волна два раза обогнула земной шар и была отмечена барографами в Лондоне. Падение метеорита на землю послужило темой научно-фантастической книги, в которой выдвигалась гипотеза, что это был не метеорит, а межпланетный космический корабль. Новейшие исследования советских ученых в районе падения тунгусского метеорита во многом объяснили загадку. По мнению ученых, над Сибирью, в 1908 году взорвалась небольшая комета. Разница между метеоритом и кометой состоит, в частности, в их размерах. Диаметр метеорита не превышает 1 км. Большие по размерам небесные тела, астрономы относят к т.н. астероидам, или планетоидам. Кометы по своей величине напоминают небольшие астероиды, но в отличие от них и метеоритов обладают еще светящейся газовой оболочкой, так называемой головой и хвостом.